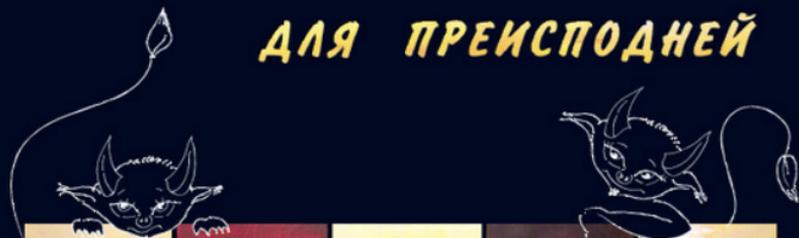

Евгений Якубович

ПРОГРАММИСТ

ДЛЯ ПРЕКСПОДНЕЙ

Евгений Львович Якубович

Программист для Преисподней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949945

Аннотация

Ну достали человека! С работы уволили, в семье полный разлад. Человек кричит: «Уйду от вас к черту!». И перед ним появляется черт с весьма странным предложением. В результате главный герой отправляется на работу... в Преисподнюю.

Отрицательные эмоции, накопившиеся за не слишком удавшуюся жизнь главного героя, превращаются в сильнейшие магические способности. Вполне комфортно устроившись в адских условиях, он помогает новым знакомым исправить их судьбы. Для этого ему приходится ненадолго отправиться в СССР восьмидесятых...

Откровенная чертовщина и запредельная магия с одной стороны, и узнаваемые живые персонажи с реальными судьбами с другой: таковы ингредиенты этой книги. И все это круто замешано на первоклассном юморе.

Переплетение реальности и мистики придает творчеству Евгения Якубовича своеобразие и

неповторимость. Книга рассчитана на широчайший круг читателей вне возрастных категорий.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	46
Глава 4	62
Глава 5	91
Глава 6	111
Глава 7	129
Глава 8	143
Глава 9	180
Глава 10	199
Глава 11	230
Глава 12	254
Часть вторая	281
Глава 13	281
Глава 14	295
Глава 15	311
Глава 16	330
Глава 17	345
Глава 18	367
Глава 19	382
Глава 20	393
Глава 21	410

Вместо эпилога
Рецензия

421

422

Евгений Якубович

Программист для преисподней

Часть первая

Злые вы, уйду я от вас

Глава 1

«Я сам служу, сударыня. Каждый день к девяти мне надо идти в магистрат. Не скажу, что это подвиг, но вообще, что-то героическое в этом есть...»

(Григорий Горин, «Тот самый Мюнхгаузен»)

Большая стеклянная дверь за моей спиной глухо ухнула и разбилась, взорвалась, распалась, брызнула в стороны миллионом подмигивающих в лучах утреннего солнца алмазных осколков. Я обернулся и ошарашено уставился на гору мусора в том месте, где только что находилась автоматическая входная дверь, предмет гордости коменданта здания.

– Нет, не может быть, это просто совпадение, – про-
бормотал я.

Да, в тот момент я был крайне раздосадован и зол на весь мир. Конечно, мне очень хотелось немедленно что-нибудь сломать, разорвать в клочья или же взорвать. Согласен, я мысленно представил, что у меня, как в мультиках, кулак превратился в гирию с надписью «2 тонны», и этим кулаком я с размаху ударил по двери, разбивая вдребезги толстенное пуленепробиваемое стекло.

Но ведь я только представил себе это, и больше ничего. А тут на тебе!

Если бы я знал, что это только начало в цепи совершенно невероятных событий происшедших со мной. Но позвольте изложить все по порядку.

В тот день я проснулся в хорошем настроении, необычно бодрый для начала недели. В рабочие дни я исключительно редко встаю таким оптимистом, да и ни к чему это, по-моему. Настраиваешь организм на минимальный расход душевных сил и энергии, чтобы рабочий день дотянуть как-нибудь. А сегодня, как в детстве, с утра пришло ощущение праздника.

Вспомнив прошлую неделю, я с удовольствием отметил, что действительно меня ждет на работе кое-что приятное. Мелочь конечно, но иногда такие мелочи могут определить хорошее настроение на весь

день вперед. Я всегда радуюсь мелочам – крупные поводы для радости это ведь такая редкость.

Для тех, кто не работал в хайтеке, хочу пояснить. Огромное роскошное здание нашей фирмы украшено снаружи зеркальными окнами и дорогим отделочным камнем; то ли настоящий мрамор, то ли уже синтетику такую придумали. В общем, оставляет очень приятное впечатление.

Внутри все далеко не так респектабельно. Просторные залы разделены перегородками на так называемые кубики. В загончике стоит пара столов с компьютерами, у каждого стола – кресло. Больше в кубиках ничего не помещается. Разве что в углу сиротливо прижмется стул для одинокого посетителя. В одной из таких клетушек я и работаю.

Неделю назад, ко мне в кубик заглянула импозантная дама из отдела кадров и записала всех, кто в нем обитает. Кроме каких-то высших бюрократических интересов, цель переписи состояла в том, что хозяйственный отдел собрался изготовить таблички с именами сотрудников для каждого кубика – свою. Не знаю, почему уж это мероприятие так меня заинтересовало, но я несколько дней провел в беспокойном ожидании. Но вот, к концу недели в проходе появился техник, и после пяти минут жужжания и скрежета, на входе в кубик красовалась табличка с моим именем.

Эта табличка и манила меня сегодня, как магнит. Я предвкушал, как небрежно брошу на нее взгляд. А главное, можно будет говорить посетителям, разыскивающим меня: «Там на входе написана моя фамилия, не ошибетесь». Ну, чисто ребенок, право слово.

С такими мыслями и подъехал я к работе. Поставил машину на стоянку и пошел к входу. День чудесный: небо синее, облачка белые, девушки на встречу идут все молодые и красивые. В платьях и юбках у нас девочки почти не ходят, и я считаю это большим упущением. Зато брюки на них сидят как влитые, и как только они в них втискиваются, не понимаю? Одна старшеклассница объяснила мне – в жизни может многое произойти: и двойку можно получить, и с другом поспориться, но штаны всегда должны быть обтягивающими! В общем, очень приятное зрелище.

Ну и, конечно, маечки. Тоже обтягивающие и коротенькие-коротенькие, чтоб пупок был виден. И зимой и летом эти маечки сводят с ума и без того любвеобильное население моей восточной страны. Зимы у нас по сравнению с Россией совсем никакие, не то чтобы снега, дождя нормального не дождешься. Но все же бывает ощутимо прохладно. Закутаешься в такой день во что-нибудь шерстяное, да еще легкую курточку сверху набросишь, так – в самый раз. А они, неподдающиеся, гордо идут навстречу в тех же самых

маечках, чтобы потенция у мужского населения за зиму, не приведи господи, не снизилась. И все им нипочем: ни дождь, ни холод. Мерзнут ведь, животики аж посинели, но не сдаются. Упорно не одеваются. Гордость наша – эти синие зимние девчоночьи пупки.

Посмотрел я на все это, вздохнул, слюнку сглотнул, и пошел дальше. У входа царит необычное оживление. Все ведут себя очень странно. Один выходит с отрешенным видом, едва не натываясь на встречаемых. Другой наоборот, останавливает входящих и что-то лихорадочно им объясняет, рассказывает, отчаянно жестикулируя при этом. Потом на середине слова вдруг махнет рукой, повернется и уйдет. Тут же бегают какие-то типы с папками, никогда их у нас не видел. Суматоха, одним словом.

У тротуара чуть подалее стоит «скорая», и там, похоже, кого-то откачивают. Подхожу ближе и вижу, как оттуда навстречу мне под руки ведут знакомую девушку из отдела рекламы. Они там, в этом отделе, все очень приятные ребята, туда специально только таких и берут. А она даже на таком фоне выделяется. У нас с ней дружеские отношения, ходим вместе обедать, и потрепаться всегда есть о чем. Однажды я даже решил предложить подвезти ее домой. Но она уходит с работы значительно раньше, и я оставил эту затею. И вот ее проводят мимо меня, а она бледная такая,

еле ноги передвигает. Я к ней, Ириша, мол, что с тобой? А она только рукой махнула в сторону входа, и пробормотала: «там все узнаешь». И разревелась. А ее отвели чуть подальше, и посадили в машину, ожидавшую возле входа. Да не просто в машину, а в самый настоящий лимузин. Черный, длинный и роскошный. Я не сразу обратил внимание, что возле входа стоят еще несколько таких же.

Я повернулся, посмотрел на здание. Через стеклянную входную дверь было видно, что в вестибюле стоит та самая импозантная дама из отдела кадров, которая неделю назад проводила перепись. Рядом с дамой – охранник. Дама встречала входящих. Одних она оставляла без внимания; других ненадолго останавливала и разговаривала о чем-то, видимо очень серьезном, потому что ее собеседники с мрачными лицами спешно пропадали в глубине здания. Некоторым выдавались небольшие запечатанные конверты с эмблемой фирмы. Охранник выполнял одновременно две функции: во-первых забирал ключи от служебных автомобилей у получивших конверты, во-вторых – ненавязчиво, но решительно пресекал все их попытки прорваться в здание.

Я все понял. К нам пришло Большое Увольнение. Это было ясно уже с первого взгляда, но очень не хотелось верить. В таких случаях всегда придумываешь

массу других возможных версий происходящего. Уж больно не хочется соглашаться с той единственной настоящей причиной, вызвавшей нервное столпотворение перед входом.

Знаменитое хайтековское Большое Увольнение проходит как военная операция. План готовится руководством загодя, под большим секретом. Как и при генеральном наступлении, успех тут зависит от двух слагаемых: секретность подготовки и внезапность исполнения. Программист не должен знать о грядущем увольнении до самой последней минуты, чтобы не успел стырить ценное хозяйское имущество, сиречь программы, им же написанные. Или вирус от обиды запустить. Глупость, конечно, отчаянная, но когда крупная фирма терпит убытки и пытается спешно залатать дыры в бюджете, можно и не такое увидеть.

И вот встречаются работника у входа, отбирают ключи от служебной машины, суют ему в руки конверт с письмом об отставке, разворачивают на сто восемьдесят градусов и отправляют за дверь. А там уже и санитар наготове – не желаете ли нашатырчика нюхнуть? Очень, знаете ли, способствует! А потом берут его под руки и провожают к лимузину. Шофер ждет перед распахнутой дверцей – садись, дорогой, мигом домой домчу, фирма платит!

Большинство сотрудников ездят на работу на ма-

шинах, арендованных фирмой. И возвращаться домой уволенным сотрудникам уже не на чем. Поэтому, с раннего утра перед зданием фирмы постоянно дежурит несколько лимузинов, арендованных фирмой на весь день. Почему-то считается, что уволенных программистов следует увозить домой только на лимузинах. Некоторые «счастливчики» катаются таким образом уже второй, а то и третий раз.

Я глубоко вздохнул и попытался убедить себя, что меня увольнение вряд ли коснется. Я же не дописал пару важных модулей к новой версии нашего продукта! Буквально на днях ожидается совещание, на котором мы собираемся обсудить возможность применения новых технологий.

И потом – таблички. За эту мысль я ухватился и уже не отпускал ее. Ну, конечно же, говорил я себе, пока приближался к входу, увольнение меня не коснется. Не может такого быть, чтобы, зная о готовящемся увольнении, они приготовили и повесили мне на дверь персональную табличку. Дальше мысль совершила совершенно фантастический вывод – значит, это было сделано специально для того, чтоб меня предупредить. Руководство хотело успокоить остающихся сотрудников. Открыто сказать о готовящемся увольнении нельзя, и тем более нельзя обнародовать списки. Но, *sapienti sat* – понимающему достаточно.

Никаких тайн, на самом деле, нет. Тем, кто останется раздадут персональные таблички, как индульгенции на грядущем Страшном Суде. Сегодня я иду совершенно спокойный, я знаю, что необходим фирме и меня, конечно, не уволят.

Я вошел в здание. Дама из отдела кадров и охранник переглянулись. Я приветливо кивнул обоим, и с независимым видом попытался пройти дальше по коридору, туда, в родной кубик, где меня ждут мой компьютер и персональная табличка.

Далеко уйти мне не дали. Охранник профессионально вежливым, но не терпящим отказа жестом, остановил меня. Дама механически проговорила фразу о том, что в связи с тяжелым положением фирма вынуждена уволить меня. Затем, с хорошо разыгранным оптимизмом она рассказала, что в ближайшее время у компании могут опять открыться новые вакансии, и они непременно свяжутся со мной. Очень, очень жаль, повторила она, что мы вынуждены расстаться с таким замечательным сотрудником, но вы понимаете, времена тяжелые и всем нам приходится чем-то жертвовать.

Тем временем охранник забрал у меня ключи и документы на машину, и выдал взамен заполненную карточку, которую я должен был отдать водителю лимузина.

– Подождите, подождите, – запротестовал я. Я настолько убедил себя по дороге, что увольнение меня не коснется, что никак не мог понять, что происходит. – А как же табличка? Ведь только вчера повесили?

– Какая табличка? – не поняла теперь дама.

– Табличка с моей фамилией на входе в кубик. Зачем ее вешали, если уже было известно об увольнениях?

– А! – рассмеялась дама. – Я как раз сегодня говорила об этом с вице-президентом. Это наша обычная неразбериха. Ничего страшного, это стоило совсем недорого.

Эта фраза меня и доконала. На меня нахлынула волна обиды. Так обидно мне не было с десятилетнего возраста, когда учительница поставила мне в журнале двойку, перепутав меня с моим приятелем. Теперь я вспомнил ту несправедливость, и именно теперь мне захотелось срочно отомстить за нее. И за все остальное. За школьные обиды и незаслуженные неприятности в институте и на работе; за унижения в ОВИРе; за первые тяжелые годы в Израиле; за то, что и тут, и там я был, есть и навсегда останусь чужим; за все мошенничества и обманы, с которыми мне пришлось здесь столкнуться, и которыми я уже был сыт по горло. За то, что в детстве меня били хулиганы, и

за то, что я неудачно женат сейчас. И за то, что...

Я развернулся и вышел на улицу. Стеклопанная автоматическая дверь бесшумно закрылась, отрезав возможность дальнейшей карьеры в фирме. И так мне захотелось пнуть ее, чтобы она разлетелась вдребезги! Тут она и бабахнула...

За спиной раздался страшный грохот, послышались крики. На мгновение все вокруг замерло, но потом общая суматоха стократно ускорилась. Я обернулся – стекла в двери больше не было, а вместо него на полу лежала аккуратная кучка мельчайших стеклянных осколков. Возле двери уже толпился народ. Кто-то авторитетно объяснял, что это такое напряженное стекло, которое при определенных условиях может вот так внезапно взорваться, без всякой видимой причины. Он, де, уже видел подобный случай то ли в Париже, то ли в Цюрихе.

Я пожал плечами – бывает же такое! – и пошел дальше, к лимузину. Водитель открыл мне дверь и, подождав пока я устроюсь поудобнее, захлопнул ее. Мы поехали. В другое время я постарался бы получить максимум удовольствия от поездки. Но сегодня я даже не обратил внимания на окружающую меня роскошь. Во мне кипела обида. И еще я думал: какое странное совпадение – стекло взорвалось именно в тот момент, когда я мысленно попытался его разбить.

Шофер лимузина, психолог, как и все водители таких экипажей, почувствовал мое настроение и благодарно молчал всю дорогу.

Я сидел на заднем сиденье и вертел в руках конверт, который вручила мне дама из отдела кадров. В конверте, помимо письма, лежал чек с крупной суммой. Это компенсация за увольнение, которая обычно составляет несколько месячных окладов. Законы фирма тщательно соблюдает. Более того, компания готова иногда увеличивать компенсации, чтобы никто и ничто не помешало победному окончанию задуманной операции. Руководству фирмы эти сокращения жизненно необходимы. В отрасли кризис, мыльный пузырь хайтека, непомерно раздутый отчаянными биржевыми спекуляциями, вот-вот лопнет совсем. И мы вернемся к счетам и арифмометрам. Да гори оно все огнем, счетные палочки – и то лучше.

Размышляя таким образом, я не заметил, как мы приехали. Лимузин стоял возле моего подъезда и любопытные соседи, проходя мимо, пытались разглядеть меня сквозь темные стекла. Я все еще дулся на весь свет. Все так же молча, будто шофер в чем-то провинился передо мной, я вышел из машины и захлопнул за собой дверцу. Лимузин отъехал и остановился у ближайшего светофора. Я стоял и смотрел ему вслед. В голове крутилась мысль, а что если у

него лопнут шины? Одновременно на всех колесах, все четыре сразу? Я со злорадством представил себе покалеченную роскошную машину; подумал как удивится шофер, и какая начнется вокруг суматоха.

Едва я успел додумать эту мысль до конца, как раздалось негромкое «пфф!», и лимузин как-то странно осел. Загорелся зеленый свет и водитель, еще не поняв, что случилось, резко тронулся с места. Раздался неприятный, чавкающий звук, когда тяжелая машина попыталась проехать на полностью спущенных шинах. Водитель, почуяв неладное, затормозил и встал у обочины. Он буквально выпрыгнул из машины бросился осматривать колеса. Похоже, он просто не верил тому, что видел.

Шофер дважды обошел вокруг машины, и тщательно изучил каждое колесо. Вокруг собралась толпа любопытных. Все наперебой давали противоречивые советы. Совершенно обалдевший шофер полез в багажник, достал манометр, и стал мерить давление в спущенных, изодранных в клочья шинах.

Когда манометр последовательно показал нулевое давление в каждом из колес, шофер убедился в неминуемом. Как водится в таких случаях, он обратился к окружающим с небольшой речью. Толпа зашевелилась, загудела. Все захотели лично убедиться и полезли к машине. Образовалась небольшая давка, ко-

леса внимательно рассматривали, щупали их, и за чем-то пинали.

Один из зевак предложил осмотреть дорогу. Толпа вывалилась на проезжую часть, перекрыв движение. Стали искать причину такого необычного прокола. Проезжавшие машины останавливались и из них выходили водители. Узнав о происшедшем, они первым делом отправлялись осматривать лимузин, а затем присоединялись к поискам. Десять минут интенсивного исследования покрытия ничего не дали. Асфальт был девственно чист.

Через некоторое время люди потеряли к происшествию интерес и разошлась, оставив водителя в одиночестве дожидаться вызванную им техничку. Водитель курил, прислонившись к машине. Заметив, что я наблюдаю за ним, он бросил на меня подозрительный взгляд и отошел подальше. Я стоял и смотрел на все это со странным чувством. Меня преследовало ощущение, что я каким-то образом связан с аварией лимузина. Точно так же, как и с разбитым стеклом в двери на работе. Я вспомнил, что за мгновение до каждого из этих происшествий, я мысленно представил себе, что и как произойдет. И это действительно происходило. От такой мысли по позвоночнику пробежали мурашки.

Приятно, конечно, приобрести вдруг некие сверхъ-

естественные способности, например – предвидеть будущее или лечить на расстоянии. Но обладать даром разрушения, которым не можешь управлять – это сильно нервирует. Не хватало мне еще заделаться экстрасенсом, да еще таким, который сам не знает, что вытворит в следующую секунду. Так недолго и собственный дом спалить.

Лучше буду считать, что это просто случайность. Мало ли на свете совпадений, в конце концов, решил я. Мне и в самом деле было уже не до этого. Впереди меня ждало объяснение с женой и тещей, которое обещало быть много неприятнее всех разбитых стекол и проколотых шин в мире. Терзаемый нехорошими предчувствиями, я поднялся по лестнице и зашел в квартиру.

Глава 2

– Господин капрал, – прервал его вольноопределяющийся. – Бросаться направо и налево дерьмом – аргументация более или менее убедительная. (Я. Гашек. «Похождения Швейка».)

Не успел я закрыть за собой дверь, как на меня зашикали два голоса. Женская половина семьи смотрела телевизор. Когда по телику показывают очередное кино, в доме должна стоять абсолютная тишина. Стоит мне, по недоразумению, что-то сказать в это время или просто по неосторожности зашуметь, то меня тут же одёргивают и лихорадочно начинают выяснять друг у друга «что она ему ответила, ты не слышала?».

Таким образом, сообщение об увольнении откладывалось, и я получил отсрочку для того, чтобы сесть и спокойно все обдумать. Я зашел в кухню, налил в стакан колы, бросил туда пару кусочков льда. С этим стаканом я прошел в свой кабинет, открыл окно, уселся поудобнее в кресле и закурил. Курить в кабинете – одна из немногих моих домашних привилегий, которую я сумел отвоевать для себя.

Кабинет у меня замечательный. В небольшой комнате (она в документах считается половинкой) впри-

тык поместился большой письменный стол, удобное офисное кресло и стул. На столе – компьютер со всем необходимым для работы, над столом – полки с книгами и дисками. Сигареты и пепельница тут же рядом, на подоконнике. Больше мне ничего не требуется. Привычная обстановка помогла мне не то, чтобы успокоиться, но хотя бы привести в порядок мысли. Я оглядел свой кабинет, в котором так удобно размышлять и работать, и в котором я всегда отсиживался, когда семейный барометр зашкаливал за отметку «буря».

Эту квартиру с большой гостиной, с отдельными спальнями для нас и для тещи, и маленькой комнатухой, гордо называемой кабинетом, я купил всего год назад. И вот теперь, если в ближайшее время я не найду новую работу, – мне придется попрощаться с ней. Если сдать квартиру жильцам, то можно возвращать банковскую ссуду за счет их платежей. А нам снова придется снимать квартиру поменьше и подешевле.

С горечью я вспомнил, сколько раз просил Веронику не тратить все деньги, и держать хотя бы небольшой запас. Ничего не получалось. Каждый месяц приходилось тратиться на что-нибудь, по ее мнению, совершенно необходимое. Например, на новые туфли или золотые украшения, которые продавались

с «небывалой скидкой». Обычно эта скидка действовала лишь до конца месяца, и необходимо было успеть сделать покупки, чтобы сэкономить сотни шекелей, как утверждала реклама. Мои слова, что если не покупать совсем, то мы сэкономим значительно больше, принимались в семье как не слишком остроумная шутка. И вот теперь, я остался без всякого резерва на банковском счете.

Я понемногу отхлебывал из стакана и прислушивался к тому, что происходит снаружи. В телевизоре престарелый дон Альфредо, судя по всему – большой бабник, делал неприличное предложение некой Люсии. Люсия отказывалась, но не слишком убедительно. Было ясно, что через несколько серий она все же согласится. Лишь бы благородный дон дожил до этого времени, подумал я. Господи, как я ненавижу эти сериалы. Говорят, что они рассчитаны на среднего зрителя. Никогда не поверю, что среднестатистический зритель настолько неприятен. Я все же более высокого мнения о человечестве.

Наконец зазвучала финальная музыка. Пару минут жена с тещей обменивались впечатлениями, затем вспомнили, что я вернулся домой неожиданно рано.

– Сашенька, родной, ты не заболел? У тебя нет гриппа? Сейчас такой грипп, надо быть осторожнее! – раздался голос жены.

– Нет, спасибо, я здоров, – ответил я, выходя из кабинета и усаживаясь в кресло в гостиной. – И вот еще что... К сожалению, у меня плохие новости.

– Что случилось? – хором спросили женщины. Сладость, разлившаяся на их лицах после любимого сериала, стремительно исчезала. Они настороженно переглянулись – что там еще отчебучил наш неумеха?

– Ну, вы знаете какое сейчас положение в хайтеке, заказов нет, объемы уменьшаются. Везде идут сокращения. Ну и нас тоже сегодня были увольнения, – неуверенно начал я. В ответ получил ледяное молчание. Все сразу же все поняли, но вслух это произнести должен был я сам.

– Ну, в общем, меня тоже уволили.

– Я так и знала! – воскликнула теща. Я даже закончить не успел. – я ему сто раз говорила!

– Что вы говорили? – не понял я.

– Я всегда говорила, что надо вести себя по-другому. У всех наших знакомых все время на работе сокращения, но ни у кого мужей не увольняют. Только нашего шлимазла тут же уволили.

– Но я тут при чем! У нас сегодня уволили почти половину служащих.

– И правильно сделали. Таких неудачников нужно увольнять. Муж Доры Самуиловны остался в отделе

вообще один-единственный. Потому, что он настоящий мужчина и знает подход к начальству. А ты только и умеешь стучать по клавишам. Уткнулся в свой компьютер, а то, что делается вокруг – не замечаешь.

– А что мне еще делать? Это моя работа.

– Не знаешь ты жизни. Сколько я тебя учу, а все без толку. Надо было выкраивать время, и вместо того чтобы пялиться в экран, походить, поспрашивать людей. Поговорить с начальником один на один. Рассказать, как ты счастлив, что работаешь именно у него в отделе. И обязательно хоть раз в неделю рассказывать ему, как ты спасаешь работу всей группы. Расскажи, что Миша не справляется с работой, что Сема все время спрашивает у тебя самые простые вещи. Расскажи, как Шмулик тратит на обед по два часа. Ну, и я не знаю, ты же там работаешь, не я. Надо все время втолковывать начальнику, что ты – самый лучший, что работа всего отдела держится на одном тебе.

– Мама, не трать время, – прервала ее Вероника. – Ты же видишь, он ничего не понимает и не поймет. Сколько его мордой в грязь не тыкай, он все равно считает, что он самый умный.

– Запомни, – она повернулась уже ко мне. – В увольнении виноват только ты сам. Ведь фирму не закрыли совсем. Те, кто вовремя подсуетились, сохранили свои места. А вот таких дурачков как ты повыго-

няли. Если бы ты хоть раз в жизни повел себя по-умному, ты бы тоже остался. А теперь вот, что мы будем делать? Ты хоть письмо об увольнении получил? Или нам теперь вообще умирать с голоду?

– Ну, не все так страшно. Письмо мне дали, завтра я зарегистрируюсь на бирже. К тому же мне сразу выдали компенсацию за увольнение.

Вероника тут же сделала стойку.

– Ой, а вот это очень кстати. Я утром разговаривала с Шурочкой, ну, ты знаешь, – Вероника обратилась к теще. – Ну, эта, у которой муж в универмаге в охране работает. Он ей сказал, что у них началась зимняя распродажа. Шурочка там уже была, говорит – там есть потрясающие свитера почти даром. Она уже себе купила, и совсем недорого. Она потом специально проверила. Возле ее дома точно такие же стоят, на двести шекелей дороже. Надо будет сегодня же туда съездить.

– Сашенька, – она снова повернулась ко мне. – Шурочка сказала, что там есть и на мужчин. Надо тебе купить свитерок, а то ты у нас совсем обносился. Давай туда съездим вечером, а?

– На чем? – не вдаваясь в подробности, спросил я.

– А что случилось с нашей машиной?

– Нашу машину уволили вместе со мной. Придется теперь на автобусе ездить. На такси учти, пожалуй-

ста, денег нет. И на эти ваши так называемые дешевые свитера тоже.

– Ты хочешь сказать, что мы остались без машины?

– Да, мы остались без машины! – я начал заводиться. – Если ты еще не забыла, то это была служебная машина, а не наша собственная. Ты сама говорила, что это дешевле и что все теперь ездят только на служебных машинах. Вот мы и приехали.

– А как же мы поедem в универмаг? Туда далеко, надо будет вызвать такси, – неуверенно начала Вероника.

– Да опомнись ты!! – заорал я. – Забудь хоть на две минуты об этих чертовых шмотках. Мы остались без машины, мы остались без моей зарплаты, мы видимо скоро останemся вообще без дома.

– Без дома? Мама, что он говорит, при чем тут наш дом? Ты что с ума сошел, почему мы останemся без дома?

– Саша, при чем тут дом? – подключилась теща.

– Потому, что теперь нам эта квартира не по средствам. Я ведь просил не тратить все деньги, чтобы оставался какой-то запас. А вы мгновенно все тратите.

– Ты нас тратами не упрекай. Сейчас все так живут. У многих постоянный минус в банке, а живут лучше нас. Ты и так нас все время останавливаешь. Веро-

ничке одеть нечего. Стыдно из дома выйти! Вел бы себя по-другому, так и ничего бы не случилось. А теперь вот, извольте, выгоняет из дома родную жену!

– Да кто кого выгоняет, вы что! Послушайте, давайте спокойно все обсудим. Положение действительно неприятное. Но давайте спокойно подсчитаем. Я надеюсь, что мы сможем обойтись без продажи квартиры. Пособие мне положено. Завтра я обращусь снова к Ицхаку, помните, он меня в первый год устроил мыть подъезды? Вот через него я думаю, снова можно будет подрабатывать. Свободного времени у меня теперь навалом. И буду искать работу. Что-нибудь да выстрелит.

– Ну, вот и хорошо, – успокоилась теща. – А то ты сразу из всего делаешь трагедию. Только вот за подъезды, я слышала, сейчас платят очень мало. Может, еще что-нибудь поищешь? Сам говоришь, времени у тебя теперь будет много. Ты вот что, попробуй заниматься с детьми. Говорят, это очень выгодно. Повесь объявление возле поликлиники, там всегда много народу.

– Это, конечно, идея. Но я совершенно не знаю здешнюю школьную программу. Надо будет все разузнать. И вообще, я надеюсь продолжать работать по специальности.

– Одно другому не мешает. Я свяжусь со знако-

мыми, выясним, кто у нас преподает в школе и тебе все расскажут.

– Э, Татьяна Самуиловна, это конечно все хорошо, но мне придется много заниматься в это время. Я хочу изучить пару новых систем, на которые сейчас возможен спрос, и не смогу работать круглые сутки. Я как раз прикинул, что договорюсь на два-три подъезда, не больше. Мне нужно будет много заниматься. Поймите, в моей специальности никак нельзя отставать, иначе я точно не найду работу.

– А на что мы будем жить, пока ты занимаешься? – с издевкой в голосе спросила теща. Мол, знаем мы тебя, запрешься у себя в кабинете, уткнешься в экран и плевать тебе на семью.

– Вот об этом я и хотел поговорить. По-моему, Веронике пора выйти на работу.

– Ага, Веронике на работу. А ты будешь сидеть дома перед компьютером! И что же, по-твоему, она должна делать? Подъезды мыть вместо тебя?

– Не вместо меня, а вместе со мной. Если она станет работать со мной вместе, то это будет очень удобно. Я видел, как работают вдвоем, получается очень быстро. Можно будет взять не по два подъезда на каждого, а сразу пять или даже шесть, и мыть их вдвоем. Это тяжело, на зато мы сможем продержаться, пока я снова не устроюсь на нормальную работу. И, главное,

что квартира тогда точно останется за нами.

Повисла пауза. Вероника поднялась с дивана и пошла к кухонному шкафу. Она демонстративно достала оттуда сердечные капли и стала капать в стакан, считая вслух. Отсчитав сорок капель, она добавила воды, выпила, со стоном опустилась на стул и несчастным голосом произнесла.

– Мама, я так больше не могу. Объясняйся с ним сама.

И теща объяснилась. Я никогда не попадал под артиллерийский обстрел, когда по окопам лупит батальонная артиллерия. Но думаю, что это не страшнее того шквала, который обрушился на меня. Теща не баловала меня разнообразием. В десятый, если не в сотый раз за мою семейную жизнь, мне объяснили, что я просто ничтожество, что я искалечил жизнь ее дочке и себе самому. Я узнал и другие, не менее познавательные факты о своем характере и образе жизни. Когда обстрел начал утихать, я попросил тещу перейти непосредственно к самой теме.

– Ладно, я – последнее ничтожество, и во всем виноват я один. Но почему сейчас Вероника не может пойти работать? Почему я всю жизнь должен содержать ее один?

Теща захлебнулась от возмущения. Затем, наконец, сформулировала. Предельно емко.

– Она твоя жена. Она с тобой спит. Этого тебе не достаточно?

Теперь захлебнулся я. Внутренне я кипел, и ответ был готов немедленно сорваться с языка. Но воспитание все же не позволило. Последним усилием воли я захлопнул открывшийся было рот, и молча ушел в свою комнату. Уселся в кресло и одним глотком опорожнил стакан с согревшейся колой. Во рту тут же появился привкус хозяйственного мыла. Я достал сигареты и закурил. Нахлынули воспоминания.

За время нашей семейной жизни Вероника не работала ни одного дня. Как-то не принято было в их семье поднимать вопрос о ее работе. Она просто не работала, и это считалось само собой разумеющимся. До замужества Вероника успела отработать полтора месяца. Она набрала этот стаж на одном швейном гиганте, куда ее распределили после окончания института.

Да, у нее была профессия. Какая же талантливая девочка из приличной еврейской семьи не имела в СССР высшего образования? Вероника окончила институт легкой промышленности, по специальности «модельер верхней одежды». Обычно считается, что это – золотое дно, а не специальность. Но дело в том, что кроме специальности, есть еще и специализация, которая и определяет будущую область рабо-

ты модельера.

Специализация у Вероники была очень узкая: дизайнер мужских галстуков. То есть, человек, который создает рисунки для них. Дело тонкое, здесь должны сочетаться и способности художника, и специальные технологические знания. Галстук – это вам не бумага и не холст. Каждый материал требует своего рисунка. То, что смотрится на натуральном шелке, на лавсане выглядит бесцветно. Для шерстяных тканей нужны совершенно иные узоры.

Художник может рисовать один и тот же пейзаж годами. В дизайне одежды все сложнее и, главное, переменчивей. В отличие от пейзажей, требования моды меняются быстро, и надо восьмым, девятым или специальным тридесатым чувством угадывать будущие тенденции. Поэтому настоящих мастеров единицы. Специализация эта считается жутко престижной. Дизайнер галстуков – элита среди модельеров одежды. К сожалению, элита эта исчисляется дюжиной специалистов по всему миру. Остальные, как и моя Вероника, могут только гордо называть свою профессию. Спрос на специалистов такого профиля, мягко говоря, невелик.

И вот после окончания института Вероника по распределению попала на швейную фабрику. Начальник отдела кадров, человек со своеобразным чувством

юмора, ознакомившись с ее делом, отправил молодого специалиста на работу по специальности. Он учел ее весьма узкую специализацию. В общем, назначил он мою Вероничку мастером в цех, шьющий галстуки. Пионерские галстуки. То есть, треугольники из ярко красной материи, которые повязывали на шею школьникам. С формальной точки зрения это были все же галстуки, и отказаться ей было невозможно.

Порой я сочувствую Веронике, когда начинаю задумываться о том, какое потрясение пережила бедная девочка, оказавшись в этом цеху. Воспитанная на престижных выставках модных художников и элитных показах мод в Доме Моделей, она оказалась в обычном производственном цеху с его шумом, вонью, грязью, матом, пьянством и прочими неизменными атрибутами производственного процесса. Пережитый ею шок оставил впечатление на всю жизнь. С тех самых пор Вероника испытывает непреодолимое отвращение к любой работе. Промучившись в цеху полтора месяца, Вероника просто перестала ходить на работу. На звонки домой из отдела кадров отвечала ее мама. Через некоторое время звонки прекратились.

Здесь, в Израиле, где галстуки не носят даже члены парламента, Вероникины профессиональные знания по уровню востребованности оказались в самом конце списка: между шахтером угольного разреза и

водителем снегоуборочной техники. Остальные виды работ, начиная от несложной, но приятной должности секретарши, и кончая тяжелой, но более выгодной работы кассирши в супермаркете, по-прежнему отторгались ее организмом.

Первые годы в чужой стране, как водится, были тяжелыми. Пока я прошел череду языковых и профессиональных курсов, без которых невозможно устроиться по специальности, пока после множества обманов и разочарований нашел настоящую работу, прошло несколько лет. Однако все мои попытки уговорить Веронику тоже пойти работать, были безрезультатны.

В качестве доводов против ее работы приводились следующие: слабое здоровье, что сразу исключало любую физическую работу; неспособность рано вставать (это если работа начиналась рано); опасность позднего возвращения домой (о тех работах, которые заканчивались поздно); приставания хозяина к незащитной женщине (небольшие офисы или магазины) и прочее.

Когда я напирал особенно сильно, внимание дискутирующих ненавязчиво переводилось на меня. Мне ставили в пример мужей каких-то таинственных знакомых, которые работали на престижных должностях в государственных учреждениях или в крупных частных фирмах. Если верить теще, они зарабатывали

в десятки раз больше меня. При этом они с удовольствием помогали своим неработающим женам по домашнему хозяйству. Дискуссия заканчивалась восклицаниями типа «Научись сам зарабатывать сначала!» или «Сам ничего не может, а жену на панель посылает!».

Сейчас из-за стены доносились рыдания Вероники и низкий успокаивающий голос Татьяны Самуиловны.

– Что теперь будет? Что теперь будет? – причитала Вероника.

– Успокойся, ничего страшного не произошло. Он просто перенервничал. Ты же знаешь, у него неустойчивая психика. Он сейчас пошумит, покричит и успокоится. Ты сегодня очень правильно сделала, что не стала с ним спорить.

– Зато теперь ты с ним поцапалась.

– Я должна была поставить его на место. А то он совсем зарвался.

– А вдруг ему все это надоест и он уйдет?

– Куда он уйдет? Он абсолютно неприспособлен к самостоятельной жизни. Он уже давно не может жить один без нас.

– А вдруг уйдет? Я что, в тридцать пять лет должна искать нового дурака, который будет меня содержать? Мама, я боюсь. Нельзя было на него так кричать.

– Заткнись, дура. Он может услышать. Я тебе всю

жизнь говорила и теперь повторяю. Он просто тряпка, и даже если захочет, то все равно не уйдет от тебя. Просто не сможет принять решение. Он привык, что за него все решаем мы.

Вероника еще немного порыдала, а потом сказала.

– Ты знаешь, я слышала, что здесь, когда разводятся, то даже если нет детей, муж все равно платит бывшей жене алименты.

– Вот и не переживай. Он тебя не достоин, но так уж сложилась твоя жизнь, тут ничего не поделаешь. Поэтому спокойно живи и получай удовольствие от того, что у тебя есть. А его не принимай в расчет. Живи для себя.

– А как же увольнение? Мы же теперь совсем без денег.

– Предоставь это решать ему. В конце концов, он мужчина, пусть сам ищет способы и выкручивается, как знает. Нас это не должно касаться.

За дверь наступило молчание. Тут только я сообразил, что раньше никогда не слышал из гостиной ни одного звука. Мой кабинет имел потрясающую звукоизоляцию. Даже когда в гостиной орал телевизор, я слышал только легкое невнятное бормотание. Однако сейчас я слышал весь разговор так, будто обе женщины стояли рядом со мной. Да и до скандала, вспомнил я, мне было отлично слышно, что говорили по те-

левизору.

Я даже не стал проверять, закрыта ли дверь. Что-то изменилось во мне. Я понял, что могу не только слышать, но и видеть все, что происходит за стеной. Я попробовал, и отчетливо увидел комнату. Вероника уже не рыдала, а сидя на диване перед телевизором, перелистывала телевизионную программу. Найдя нужную страницу, она удовлетворено кивнула, позвала мать, и они, как ни в чем не бывало, уселись смотреть очередную серию.

Ощущение новых возможностей переполняло меня. Я понял, что могу, не сходя с места, взорвать весь этот дом, весь город, как взорвал уже сегодня дверь, как проколол шины у лимузина. Вместе с ощущением силы пришла и способность принимать решения. Даже если я был идиотом и тряпкой тридцать пять лет, это не значит, что я останусь таким до конца жизни. Решение пришло сразу. Я должен уйти из этого дома, причем – немедленно. Бросить налаженную жизнь, свой уютный кабинет и уйти. Куда угодно. Хоть к черту, хоть к дьяволу. Лучше уж сразу попасть в ад, чем продолжать весь этот бред. Неожиданно я обнаружил, что последние фразы я уже говорил вслух. Я успокоился и тихо прошептал:

– Да, прочь отсюда. Хоть к черту-дьяволу, но только прочь отсюда.

Внезапно стены комнаты пропали. Я продолжал сидеть за своим столом, сжимая в пальцах недокуренную сигарету, но ни стен, ни пола вокруг меня не было. Я парил в какой-то тускло светящейся пустоте. Вокруг мелькали странные блики. Вот они стали приближаться, закрутились в хоровод, вытянулись в светящуюся колонну. Колонна стала изгибаться, трансформироваться. Вот у нее появилась голова, тело, руки и ноги, и... хвост. Затем все на мгновение вспыхнуло, и я снова очутился в своей комнате. Но уже не один. На стуле напротив меня сидел черт. Самый настоящий черт. Весь покрытый черной мохнатой шерстью, с рожками и пяточком вместо носа. Хоть сейчас вставляй в качестве иллюстрации в томик Гоголя. Именно таких чертей всегда рисуют в комиксах. Поэтому моя реакция на появление необычного гостя оказалась совершенно неожиданной для меня самого – я рассмеялся.

Черт провел руками сверху вниз вдоль своего туловища, и оказался одетым в белый парусиновый костюм, какие носили полуответственные советские работники во времена НЭПа. Он обиженно пробормотал себе под нос:

– Ну вот, говорил же я им, что не надо отключать шумовые эффекты. Бабахнул бы молнией, напустил облако серы, он бы по-другому запел. А то вишь – си-

дит, хихикает.

Я не подал виду, что расслышал тираду гостя, но все же, как хозяин, решил больше не огорчать его. Я тут же прекратил глупое хихиканье и сказал:

– Добро пожаловать. Кто вы?

Черт, все еще расстроенный тем, что я не испугался, ответил кратко.

– Черт я, черт. Не узнали что ли?

Я получил сегодня хорошую встряску, и пережил такое количество стрессов, что уже ничему не удивлялся. Ну, появился у меня в комнате черт. Ну, значит ему что-то от меня нужно. Все от меня чего-то требуют, всем я что-то должен. Вот и этому я понадобился. И я, нисколько не смущаясь, ответил:

– Я сам вижу, что черт. Самый что ни на есть классический типаж. А вот как звать вас?

– Кхе, кхе. Вы, однако, меня уже позвали. Потому и явился.

– Я вас не звал!

– А кто только что кричал: «К черту! К дьяволу!»? Не вы ли, а?

– Ну, я. Так ведь с моей семейкой я такое по сто раз на день ору. Если каждый раз, когда я вас поминаю, ко мне будут являться черти, у меня собралась бы уже целая толпа. Или табун, – подумав, закончил я, глядя на ноги своего гостя.

Черт поймал мой взгляд и попытался спрятать копыта под стул. Мне стало неловко.

– Ну, каждый раз было бы слишком здорово, – начал тем временем черт. – Но сегодня вы по-настоящему захотели со мной встретиться. И главное, вы были готовы к такой встрече. Вспомните-ка свои ощущения. Вы сегодня в ударе. Эх вы наворотили с дверью да с лимузином!

– Вы что, с утра следили за мной?

– Что значит следил? Обижаете вы меня. Просто знаю, и все.

– Так, так. Значит, просто знаете. И что вы знаете?

– Мы знаем ох, как много, Александр Леонидович. Ой, как много мы знаем. Но сейчас речь не о нас, а о вас. Итак, вы хотели меня видеть, и я здесь. Что будем делать дальше?

– Даже не знаю. Сегодня со мной творится что-то очень странное, просто черт знает, что творится.

Я прикусил язык, но было поздно. Черт рассмеялся, показав желтые нечищенные зубы.

– Вот именно. Черт как раз и знает. А творятся с вами весьма интересные вещи. И если вы найдете в себе мужество принять мое предложение, то они будут продолжаться и далее. Гораздо более, поверьте мне, интересные вещи. Ну, как, согласны?

– Да на что я должен соглашаться?

– Как на что? Вы хотели попасть в ад, и я вам предлагаю это устроить.

– Эй, погодите, – впервые за все время разговора я испугался. – За что же меня в ад? Допустим, я и грешил, но в конце концов, я пока жив. И к тому же, может быть, я еще исправлюсь, исповедаюсь, что ли, покаюсь перед смертью, в конце концов. Нет, я категорически возражаю!

Черт молчал. Вдруг меня осенила ужасная мысль:

– Или я действительно умер? Перенервничал сегодня и меня хватил инфаркт или удар, а я просто ничего не помню?

Черт усмехнулся.

– Интересный ход мыслей у вас, Саша. Вы простите меня, я так буду вас называть? По-стариковски.

Я молча кивнул. Объятый ужасом от своей догадки, я не смог выдавить из себя даже элементарного «ага».

– Так вот, Саша. Во-первых, успокойтесь: вы живы. В каком-то смысле вы сейчас живее всех живых. Вы, безусловно, уже заметили, что с сегодняшнего утра обладаете некими необычными способностями. Вам еще только предстоит узнать ваши новые возможности и научиться ими пользоваться. Поэтому вам сейчас просто опасно находиться среди обычных людей. Вернее, это всем остальным опасно находиться ря-

дом с вами.

В этом была доля истины. По крайней мере, я был все еще жив, что само по себе не могло не радовать.

– И теперь встает вопрос, что же с вами, Саша, делать дальше, – продолжал тем временем черт. – Вы отчасти сами решили его, упомянув, что не прочь отправиться в ад.

Только было успокоившись, я снова занервничал.

– Ну вот, опять вы про ад. Но за что?

– Эк вы заладили: за что, да за что. Да ни за что! Вы неправильно ставите вопрос. Вам следовало бы спросить – почему, зачем, с какой целью?

– Хорошо, считайте, что я спросил, – несколько резко сказал я. Меня уже начало раздражать это хождение вокруг да около.

– Давайте сформулируем это так. Ваше положение на сегодня нельзя назвать завидным. Вам все надоело. Надоело настолько, что вы, наконец, решились изменить свою жизнь. А подсознательно вы еще и горите желанием всем и за все отомстить. Учитывая ваши новые способности, и то, в каком состоянии духа вы теперь пребываете, я даже боюсь загадывать, к чему может привести подобное решение. Поэтому я предлагаю вам альтернативный вариант. Я заберу вас отсюда в такое место, где вы сможете освоиться со своим новым положением, и впоследствии уже обду-

манно принять решения о своей дальнейшей жизни. Я обещаю вам, что вы всегда, как только пожелаете, сможете вернуться назад. Если захотите, конечно. В настоящий момент Земля для вас не самое подходящее место. Надеюсь вы меня понимаете?

– Так, давайте-ка я суммирую. Вы предлагаете мне отправиться неизвестно куда, где, если верить вашему обещанию, мне будет лучше. И отправляться я должен имея, опять же, только ваше обещание, что смогу оттуда вернуться. Так? Знаете, меня это не устраивает.

Черт вздохнул. Он тоже начал терять терпение.

– Не надо обижать нас недоверием. Мы, между прочим, всегда выполняем свои обещания. Да, в конце концов, просто рискните! Что вы тут оставляете? Неужели вы не хотите избавиться от всего этого? А по поводу того, куда именно я вас отправлю, то забудьте о предрассудках и не обращайтесь на название. Названия это всегда лишь условность, поверьте мне. Они ничего не объясняют. Ну же, решайтесь.

Черт выжидающе посмотрел на меня.

– Или вы предпочитаете отказаться от шанса коренным образом изменить свою жизнь? Выбирайте сейчас. Второго раза не будет.

Я помолчал. Мой уютный кабинет уже не представлялся мне идеальной защитой от окружающего меня

враждебного мира. Я посмотрел сквозь стену. Вероника, видимо для полной уверенности, консультировалась по телефону со знакомым адвокатом о своем материальном положении в случае гипотетического развода со мной. Теща продолжала смотреть телевизор. Люсия уже успела отдаться дону Альфредо, и теперь шантажировала его своей беременностью. Я принял окончательное решение. Повернувшись к черту, я сказал:

– Договорились. Забирайте меня отсюда. Только перед отправлением я хочу кое-что сделать.

Я отвернулся к двери. Телефонная трубка в руках Вероники внезапно раскалилась докрасна и, растаяв, стекла одной большой каплей на пол. Вероника истерически завизжала и позвала мать на помощь. Но та была занята: сидела с остановившимся взглядом и выпавшей вставной челюстью перед останками телевизора. Вместо новенького «Сони», гордости японской технологии, в углу гостиной стояла обуглившаяся пластиковая коробка. Осколки кинескопа и прочая электронная дребедень ровным слоем покрывали весь пол. Не обращая внимания на изменения, происшедшие с телевизором, развратный дон и очаровательная жертва его страсти все еще продолжали выяснять отношения в пустой коробке. Пospорив пару минут, они замолчали, огляделись вокруг, громко вы-

ругались по-испански, и исчезли. Телевизор замолчал окончательно.

– Ну вот, – сказал я удовлетворенно черту, который с любопытством и, как мне показалось – с одобрением наблюдал за моими действиями. – А вы боялись. Обошлись самой малой кровью.

Я еще раз осмотрелся вокруг, глубоко вздохнул, взмахнул рукой и сказал:

– Поехали!

Глава 3

– Наше дело дрянь, – начал Швейк слова утешения.

(Я. Гашек. «Похождения Швейка»)

Лязг засовов, щелканье бесчисленных замков, грохот тяжелых стальных дверей. Звуки гулко разносятся в пустоте огромного бетонного помещения. Они сливаются с шарканьем тысяч ног, жалобным бормотанием не совсем проснувшихся заключенных и раздраженными криками охранников. Начинается обычный тюремный день. Наконец, заключенные вышли из камер и выстроились в шеренгу вдоль прохода. Из конца в конец здания пронеслась перекличка. Все в сборе. Можно начинать. Из мощных динамиков под потолком раздался бравурный марш, исполняемый на расстроенном рояле. Слащавый до приторности, бодрый голос диктора объявил:

– Доброе утро, дорогие товарищи! Московское время – шесть часов утра. Уважаемые радиослушатели, приготовьтесь, мы начинаем утреннюю гимнастику.

Из динамиков послышался хор мальчиков, которые неслаженно, отчаянно фальшивя, запели «На зарядку, на зарядку, становись!». По рядам прошло шевеление. Не дожидаясь команды, заключенные приня-

ли исходное положение для упражнения номер один. Все поставили ноги на ширину плеч, а руки подняли вертикально вверх.

Порядок упражнений все знают наизусть. Он никогда не меняется, как и сами упражнения. Как и все, что происходит в тюрьме. Администрация делает все возможное, чтобы каждый день, который осужденные проведут в тюрьме, ничем не отличался от других. И, конечно же, служащие изо всех сил стараются, чтобы этот день справедливо мог считаться самым скучным и неприятным в жизни заключенного. Точнее не в жизни, а после жизни. Потому что заключенных в этой тюрьме никак нельзя назвать живыми. Это лишь души. Сама же тюрьма – не что иное, как место их постоянного пребывания в аду. Полное название ее «Востоchno-европейское отделение Ада, XX век, филиал 48572/594 РБ». Контингент заключенных характеризуется следующим образом. Состав – русские. Официальное вероисповедание – православные. Истинное вероисповедание – мистический атеизм. Партийность – нет. Уголовная ответственность – нет. Степень греховности – от очень низкой до средней низкой. Тип прегрешений – бытовые грехи без предварительного сговора. Время поступления – 1985/2000 гг. Мера наказания – принудительный просмотр телевизионных программ с углубленным изучением рекламных роли-

КОВ.

Хор мальчиков допел куплеты о зарядке, и диктор начал руководить гимнастикой. Заключение с ожесточением принялись размахивать руками, приседать и подпрыгивать на месте, стараясь попасть в такт музыке. Музыкант был явно не из первой десятки мировых талантов. Кроме того, у него полностью отсутствовало чувство ритма. Он легко и ненавязчиво пропускал ударные доли, и творчески менял размер исполняемых им шедевров. В середине вальса он мог внезапно перейти на польку; марши он играл в ритме босанова, а некоторые упражнения заключение выполняли в ритме аргентинского танго. Несмотря на такой странный аккомпанемент, физзарядка проходила необычайно слаженно. Четыре сотни рук и ног поднимались и опускались как шестеренки часового механизма. Команда чемпионки мира по синхронному плаванию заплакала бы от зависти, увидев такую слаботанность сотни фигур.

Внезапно музыка прервалась на середине мелодии, голос диктора умолк. Заключение застыли на месте с поднятой вверх правой рукой. Вдоль строя, цокая копытами по кафельной плитке пола, прошел охранник. Здоровенный черт в мундире тюремного надзирателя и с сержантскими нашивками на погонах, небрежно покручивая в руке кончик собственного хво-

ста, осматривал своих подопечных. Возле одного из них он остановился. Невысокий плюгавенький мужичонка лет шестидесяти впопыхах перепутал команду, и вместо правой руки поднял левую. И теперь, выделяясь из строя, он стоял страшно перепуганный и «ел глазами» подошедшее начальство.

Черт внимательно посмотрел на заключенного и на его руку. Подошел к соседним заключенным, осмотрел их, затем вернулся обратно. Не будучи в себе до конца уверенным, черт достал из кармана листок с какими-то рисунками и внимательно его рассмотрел. Шевеля губами от напряжения, он сравнивал нарисованное на листке со стоящим перед ним и, наконец, принял решение. Подошел вплотную к заключенному и рявкнул.

– Имя?

– Федотов Александр Петрович, русский, православный, земной возраст – 62 года, дата поступления – 12 сентября 1988 года, категория прегрешений – 2А, не был, не состоял, только по праздникам, женат, двое, с соседкой три раза, – привычно отбарабанил заключенный.

– Придурок? – зычно поинтересовался охранник.

– Никак нет, умственно здоров!

– Так чего ж ты, сукин сын, левую руку поднял, когда все правую подняли, а? – заорал на него сержант. –

Умного из себя корчишь? Разнообразие захотелось? Так я тебя для разнообразия запру в карцер на неделю, будешь там на собственную рожу пялиться. Сразу научишься разбирать, где левая рука, а где правая!

– Виноват, гражданин начальник, больше не повторится! – выпучив глаза от напряжения, заорал изо всех сил проштрафившийся Александр Петрович. Этим он, видимо, здорово угодил сержанту потому, что тот, явно подобрев, сказал:

– Ладно уж, сегодня прощаю.

Черт обернулся к остальным душам.

– А вы чего zenки выпятили, рты раззявили? Развлечение себе ищете? Цирк здесь вместо зарядки устроили! А ну, продолжать гимнастику!

Из динамика раздалась музыка и заключенные, как в детской игре «замри-отомри», снова задвигались, как будто ничего и не случилось. Только по рядам промелькнули усмешки: худо-бедно, а обманули сегодня чертей, уже с утра получили новые впечатления. У заключенных свои радости, а уж у заключенных навечно вырабатывается совершенно другая система ценностей. Зарядку закончили уже без прежнего ожесточения.

После зарядки раздалась новая команда. Заключенные, выстроившись в ряд, замерли по стойке смирно, сделав равнение направо. Из двери в кон-

це коридора вышел начальник тюрьмы. Он был в черном, стилизованном под военную форму и отделанном серебром костюме, который плотно облегал его. Фигура у черта была в полном порядке. Весь его внешний вид говорил о правильном регулярном питании и размеренном образе жизни. Отсутствие лишнего жира подсказывало, что начальник тюрьмы не чуждается регулярных физических упражнений и, пожалуй, не брезгует иногда попариться в сауне или, что более вероятно, в русской баньке. Выглядел он чрезвычайно элегантно на фоне пузатых, ухмыляющихся охранников в мятой серой форме, и заключенных в классической полосатой одежде, делающей их похожими на поставленные на попа матрасы. Начальник тюрьмы вышел на середину площадки в центре здания и осмотрел своих подопечных. Следя за его перемещениями, заключенные сделали равнение на середину. Удовлетворенно оглядев строй, начальник тихо спросил:

– Ну что, сукины дети, довольны жизнью?

– Так точно, дорогой гражданин начальник тюрьмы! – грянули в ответ сто глоток. Заключенные кричали что есть сил. Начальника этот грохот не удивил. Он одобрительно покивал головой, прислушиваясь к эху, которое еще минут пять металось по гулкой каменной коробке. Черти любили, когда заключенные отвечают

громко.

– Хорошо. Рад слышать, что мои труды не пропали даром. Приятно видеть здесь столько душ, которые ценят мою заботу о них, – продолжал начальник в наступившей тишине. – Ведь вы цените мою заботу, а мерзавцы?

– Так точно, дорогой гражданин начальник тюрьмы! – снова рявкнули в ответ осужденные. Испуганное эхо подскочило к потолку и, решив отсюда удрать, заметалось по зданию, ища выход. Выход оно не нашло, и понемногу успокоилось.

– Жалобы, пожелания имеются? – ехидно улыбаясь, продолжал черт.

– Никак нет!!! – прогремело в тюрьме. В этот ответ заключенные, кажется, вложили весь остаток сил. Громче кричать было уже невозможно. Несчастное эхо отказалось от попытки удрать, и теперь, забившись в угол, долго жалобно повторяло на все лады «Никнет, никнет, ник...», и, утомившись, смолкло.

– Это хорошо, что нет жалоб. Вы, скоты, должны помнить, что здесь вам не санаторий, и даже не ка-торга. Здесь вам Ад, а не курорт. А я для вас царь, бог и отец родной. М-да, вот именно. Отец родной.

С этими словами начальник тюрьмы повернулся и отправился в свой кабинет. За его спиной раздались зычные команды надзирателей.

– Нале-во! Ряды вздвой! На занятия по теоретической подготовке, повзводно, шаго-ом марш!

Заключенные с исключительной четкостью, достигаемой лишь многолетними регулярными тренировками, выполнили команду. Отбивая шаг, они направились в учебные классы, где расселись за партами.

Завтрака, равно как и обеда с ужином душам в тюрьме не выдают – физической потребности нет, а просто баловаться не разрешено. Это там, наверно, может и накрыты праздничные столы. Так ведь то – для блаженных, для праведников безгрешных. А местный народишко свое уже выпил-съел на Земле. Поэтому столовая в тюрьме не предусмотрена.

Распорядок дня у заключенных насыщенный. «Вам время нельзя терять ни минуты, – всегда приговаривает старший надзиратель. – Ведь у вас впереди всего-навсего вечность!..» Тут вся команда надзирателей начинает хохотать. Этот хохот входит в отработанную программу мучений. Такая шутка способна испортить настроение заключенному на неделю вперед.

Занятия в классах, как и упражнения утренней зарядки, проходят по раз и навсегда заведенному порядку. Сначала – стиральные порошки. На доску вывешивается красиво оформленный стенд с основными параметрами всех марок стиральных порошков. Данные приведены относительно стирального

порошка «Обычный». Схемы вычерчены разноцветными красками, чтобы грешники вы зубрили наизусть все загогулины каждой кривой. Преподаватель, пожилой черт, с небольшой плешью между рогами, выкрикивает название стирального порошка. В ответ весь класс хором скандирует его рекламу. Затем следует индивидуальный опрос. Преподаватель поднимает грешника и спрашивает, почему он выбрал именно эту марку. В подтверждение своего ответа, грешник должен процитировать историю из рекламного ролика, о том, как он однажды испачкал одежду, и этот порошок его спас.

Покончив со стиральными порошками, переходят к жевательной резинке. Дежурный меняет плакат на доске. Теперь это «Правила обмена жевательной резинки типа «обычная» на меньшее количество жвачки фирменной». Процедура изучения жевательных резинок ничем не отличается от методики, разработанной для порошков. Принцип минимального разнообразия в тюрьме соблюдается свято. Учащиеся зубрят тексты из рекламных роликов, а затем хором орут их преподавателю, который строго следит, не пропустил ли кто словечко. Наказание всегда одно: карцер.

После жвачки следуют шампуни, зубные пасты и детские подгузники. Принципы и эффективность действия последних рассматриваются со всеми возмож-

ными подробностями, включая цвет и запах.

После памперсов переходят к наиболее сложному предмету. Дежурный раздает всем небольшие брошюры под названием «Аэродинамические свойства крылышек у женских гигиенических прокладок». Предмет сложный. Брошюра напичкана математическими формулами. Здесь сделано послабление. На вопрос преподавателя достаточно найти нужную страницу и вслух прочитать ответ. Тем не менее, аэродинамика среди заключенных считается самым тяжелым предметом. Поэтому, разумеется, администрация отводит на его изучение наибольшее время.

После занятий в классах преподаватели уходят, и в тюрьму в этот день больше не возвращаются. Их сменяют надзиратели. Заключенных отводят в кинозал. Наступает время основного наказания, которое состоит в просмотре телепередач и сериалов. Программа рассчитана умело, и буквально с первых дней заключенный начинает испытывать непреодолимое отвращение к тому, что ему показывают. Как легко можно догадаться, показывают всегда одно и то же. Программы составлены индивидуально, в соответствии со вкусами грешника.

Перед началом курса наказания, когда грешник только попадает в тюрьму, его отводят в кабинет к начальнику заведения. Это тот самый элегантный черт

в черном, которого мы уже видели после утренней гимнастики. Старый опытный черт любезно усаживает перед собой новоприбывшего грешника и заводит с ним неторопливую беседу. А много ли вам доводилось смотреть при жизни телевизор, а что вам там нравилось? А что, по вашему мнению, следовало бы убрать с телевидения или вообще запретить? С истинно дьявольской хитростью черт выясняет вкусы грешника, все его пристрастия. Основываясь на этой информации, для него и составляют личную ежедневную программу телепередач.

Программа включает в себя наиболее раздражающие грешника передачи и сериалы. На случай, если заключенный решит обмануть и попытается полюбить показываемые ему передачи, существует простая, но действенная система. Все передачи показывают с самого начала, но никогда не доводят до конца. Если в передаче участвует несколько гостей, то ни одному из них не дают закончить свое выступление. Из сериалов показывают всегда одну и ту же серию, что-нибудь из середины. Серию подбирают так, чтобы зрителю стала ясна завязка сюжета, и ни в коем случае не было понятно, чем все кончится.

Для футбольных болельщиков показывают матчи, но тоже не до конца. Трансляция обычно прерывается после удара по воротам на последних минутах мат-

ча, при счете 0:0. Камера следует за мячом, но вместо ворот на экране оказывается реклама подгузников, и взгляд упирается в детскую перепачканную попку. По этому поводу надзиратели тоже шутят с заключенными, но автор не решается повторить их шутки.

Заклученные сидят в общем кинозале и смотрят на большой экран, установленный перед ними. На качество звука или изображения жаловаться не приходится. Несмотря на то, что экран один, каждый заключенный видит на нем именно ему предназначенные передачи и фильмы. Этим преследуется двойная цель. Во-первых, это безумно раздражает заключенных. Во-вторых, облегчает контроль за ними. Не стоит, конечно, и говорить о том, что просмотр всей программы обязателен. Отвод глаз от экрана на угол более десяти градусов считается нарушением режима. Наказание все то же: карцер.

Мы уже не раз упоминали о карцере. Что же там происходит? Чем можно достать бестелесную душу, которой не страшны ни холод, ни голод? А между тем заключенные его очень боятся, и старательно выполняют все распоряжения тюремного начальства под страхом этого наказания.

На первый взгляд, в карцере нет ничего особенного. Заключенного усаживают в кресло перед экраном и оставляют наедине с изображением. В отличие от

кинозала, где души могут, по крайней мере, украдкой отвернуться от экрана и перекинуться парой слов с соседом, в карцере заключенный зафиксирован так, что ни на мгновение не может оторвать взгляд от экрана. На нем грешнику показывают его самого, сидящего перед телевизором. Эти кадры сняты со стороны телевизора, еще при жизни заключенного. Таким образом, грешник видит со стороны самого себя, смотрящего телевизор. Внизу показаны дата и время.

Первые пять минут заключенному даже интересно. Он недоумевает, а в чем собственно состоит наказание – ведь всегда приятно и любопытно поглядеть на себя со стороны. Постепенно зрелище самого себя, неподвижно сидящего и уставившегося в одну точку, начинает раздражать. Человек, смотрящий на экран телевизора, в большинстве случаев выглядит, скажем так, непривлекательно. У него остановившийся взгляд, тело неподвижное. Иногда он что-то бормочет, неожиданно по-дурацки хихикает. Часто в это время он ест – неопрятно, не глядя в тарелку, или механически забрасывает в рот из пакета орешки и чипсы.

Вид самого себя, с каменным выражением лица уставившегося в одну точку, рано или поздно выводит из состояния равновесия даже самые эгоистичные и самолюбивые натуры. Грешник раздражается, начинает сердиться на самого себя. Через некоторое вре-

мя начинает подсчитывать, сколько же часов, дней, месяцев и лет, он просидел перед телевизором в своей прежней жизни. И ему становится так мучительно больно за бесцельно прожитые годы, что хоть плачь...

Если взглянуть на тюрьму со стороны, то мы увидим, что она как бы парит в окружающей ее серой пустоте. Это не воздух, даже не вакуум, а именно – пустота, в которой нет ни вещества, ни излучения, ни гравитации – там абсолютно ничего нет. Она не имеет никакой температуры – ни низкой, ни высокой. В серой мгле не существует ни времени, ни расстояния, она вообще не имеет никаких физических характеристик. Это пространство ада, в котором, подобно уже описанной тюрьме, плавают и другие объекты.

Здесь существуют соответствующие отделения для представителей всех религий и религиозных конфессий. Свой уголок в аду найдется также и для атеистов, и для представителей народов, которые вообще не задумываются о существовании богов. Здесь принимают грешников с любым мировоззрением и религиозными установками. Все учтено, продумано, для каждого найдется местечко.

Среди разнообразия ландшафтов, построек и сооружений, выделяется одно здание. На Земле оно бы никогда не привлекло к себе внимания. Обычная четырехэтажная бетонная коробка – типовой проект ра-

бочего общежития. Вокруг здания растут несколько хлипких деревьев, перед входом в подъезды стоят тяжелые парковые скамейки. Половина досок у скамеек, как водится, поломана или вырвана с корнем. Несколько окон в здании освещены электрическими лампочками. Из кухни доносится запах подгоревшей яичницы с докторской колбасой. Что именно происходит у жильцов не видно, потому что на окнах опущены шторы. Но по внешним признакам внимательный наблюдатель может отметить, что в этом доме живут не души грешников и не черти, в совокупности составляющие основное здешнее население. К своему удивлению, наблюдатель должен сделать вывод, что в этом четырехэтажном бетонном здании живут самые обычные живые люди.

Каким образом они оказались здесь? С какой целью? «Может быть, они такие отчаянные грешники, что попали в ад еще при жизни?» – предположит наблюдатель. И ошибется. Эти люди не отбывают здесь наказание. Ад для них – только место работы. Так сказать, длительная командировка. Работа у них, как и все здесь, имеет определенную специфику. Да и сами люди тщательно отобраны. Их очень мало, сюда может попасть далеко не каждый. Потенциальные кандидаты проходят тщательную проверку еще на Земле. За их судьбами следят с самого рождения. И, тем

не менее, едва ли один из сотни претендентов получает место. Те, кто не прошел конкурс, об этом никогда не узнают. Они продолжают жить своей обычной жизнью, не подозревая об упущенных возможностях.

Те же, кто прошел отбор, поселяются здесь. Место жительства и уровень обслуживания разнятся в зависимости от времени и места отправления. К тому же, все привязано к непосредственным обязанностям по работе. Обязанности у жильцов общежития разные. Объединяет их только одно: название должности. Они – консультанты по земной жизни. Консультанты Дьявола.

Глава 4

*– Не считайте себя фигурой равной
Черчиллю, Штирлиц!
(к.ф. «Семнадцать мгновений весны»)*

Я очутился в большой комнате. Она была обставлена как кабинет современного делового человека. Очень преуспевшего, следует добавить, делового человека: например председателя совета директоров швейцарского банка. Самым главным в комнате был огромный письменный стол, сделанный из натурального красного дерева, со вставками из более темных, драгоценных пород. На черной окантовке столешницы, тускло светилась серебряная инкрустация. На краю стола на массивной черной мраморной подставке покоился внушительных размеров хрустальный шар. Внутри шара виднелась маленькая Земля. Не тривиальный глобус с нарисованной картой, а реальная планета, какой она выглядит из космоса. Одна половина Земли была освещена, на другой была ночь. Очертания материков на дневной стороне были смазаны и выглядели несколько непривычно, но, тем не менее, узнаваемо. Краски на поверхности не совпадали с привычной еще со школы градацией зеленых и коричневых тонов. Даже океан был скорее

серебристого, чем привычного синего света. Приглядевшись, я заметил, что облачный покров на глобусе едва заметно перемещается. На ночной стороне, можно было разглядеть микроскопические святающиеся точки городов. Сверху над земным шариком горели коричневые цифры. Они показывали время. Снизу горела зеленая надпись «Режим ожидания. Пропущенных звонков – 0». По крайней мере, одна из функций хрустального шара была очевидна – это было устройство связи.

Кроме глобуса, на столе лежала обтянутая кожей папка для бумаг. Поверх папки лежала золотая авторучка «Паркер». Перед столом стояла пара удобных кожаных кресел; с другой стороны стола возвышалось почти такое же, но более монументальное – хозяйское. Другая мебель в кабинете отсутствовала. На полу, во всю ширину комнаты, раскинулся гигантский персидский ковер со строгим угловатым рисунком из перекрещивающихся линий, довольно мрачной расцветки, в которой преобладали красные и бордовые тона.

Все это я разглядел позже. Мое внимание, прежде всего, привлекло другое. Стена напротив меня представляла собой сплошное стеклянное окно. Вид из окна открывался на ночной океан, по которому бежали огромные тяжелые валы. Небо, такое же серое, как и

вода в океане, было покрыто темными рваными тучами. В редких просветах на небе виднелись звезды. Из океана вырывались клубы дыма, смешанного с водяным паром. Огромные, раскаленные докрасна, глыбы вылетали из-под воды и, прочертив в воздухе огненную дугу, падали обратно в море, поднимая брызги, которые тут же превращались в пар.

Постепенно пламя усилилось, пробило себе дорогу сквозь отчаянно сопротивлявшуюся воду, и превратилось в мощный вертикальный столб огня. Факел все увеличивался, рос, пока я не увидел, что он бьет уже не из-под воды, а имеет более темное, твердое основание. Вода вокруг него постоянно кипела, образуя кольцо из белого пара, сквозь который вверх бил фонтан огня. Основание огня постепенно темнело, поднимаясь все выше над поверхностью воды. Наконец, стало видно, что на месте, из которого бьет огонь, уже не осталось воды. Там появилась вершина острова, все еще докрасна раскаленная и святящаяся в окружающем мраке.

Я наблюдал невероятное, редчайшее зрелище — извержение океанского вулкана. У меня на глазах вырастал новый остров. Он появлялся из воды, весь в огне и клубах пара, как победа стихий земли и огня над стихией воды. Вода вокруг острова, злобно шипя, отступала. Однако океанские валы, неумолимо теку-

щие мимо, взирали на происходящее спокойно и равнодушно. Они знали, что ничего не проиграно в этой бесконечной борьбе. Стихии воздуха и воды, пусть не так эффектно, возьмут реванш. Пройдет какой-нибудь миллион лет, и возникший остров, источенный ветром и волнами, снова исчезнет с поверхности океана.

Я стоял, прижавшись носом к стеклу и забыв обо всем на свете. Очарованный открывшимся передо мной зрелищем, я не сразу заметил, что в кабинет кто-то вошел. Когда я, наконец, отлип от окна, то увидел, что за столом сидит и внимательно меня рассматривает представительный мужчина лет сорока пяти-пятидесяти. Густые с проседью волосы красиво обрамляли высокий лоб. Правильные черты лица, резко очерченный с горбинкой нос. Я не мог понять, чем меня заворожило это лицо, пока не обратил внимание на цвет его глаз. Глаза у незнакомца были разные. Правый глаз черный, левый почему-то – зеленый. Я, наконец, вспомнил, куда именно собирался отправить меня черт. Проделав небольшое умозаключение: ад – начальственный вид хозяина кабинета – его глаза, я пришел к выводу, что передо мной сидит сам дьявол. Я не нашел ничего лучшего как внезапно охрипшим голосом спросить:

– Вы – он?

– Он? – переспросил сидящий в кресле. – А-а, нет, нет, дорогой Александр Леонидович. Успокойтесь. Вот кресло, присаживайтесь, устраивайтесь поудобнее. Нам надо поговорить.

Я кивнул в знак согласия и сел.

– Я не Сатана, как вы изволили решить. Я, скажем так, его родственник. Но тоже из известной семьи, зовут меня Тихон, отчество мое – Велесович.

Чуть помолчав, хозяин кабинета добавил:

– А вот место где мы с вами находимся, действительно так и называется: Ад! Так что с прибытием вас, добро пожаловать! – усмехнулся он. – Не обращайтесь внимания. К вам это не относится. Просто, стандартная формула приветствия для вновь прибывающих душ грешников. Действует безотказно. «Добро пожаловать в Ад!» – и все, душа тут же оставляет всякую надежду.

У меня потемнело в глазах. Я почувствовал, что мир вокруг меня начинает расплываться, удаляться, в ушах раздался звон. Я побледнел, но усилием воли взял себя в руки. Хозяин кабинета Тихон, уточнивший, что является сыном бога Велеса, удивленно посмотрел на меня:

– Как же на вас, однако, подействовала наша встреча. Вы – очень впечатлительная натура. Большинство моих гостей реагируют совершенно иначе.

– И как же они реагируют?

Хозяин улыбнулся. Улыбка показалась мне вполне дружеской.

– Не хочу подавать вам дурной пример. Впрочем, думаю, вы не станете сразу требовать у меня мешок подарков, жениха и приданое.

Вот оно что, подумал я. Значит, это у них семейное, Морозко ведь тоже был сыном Велеса. Да и от самого Тихона что-то подозрительно веет холодом.

– Насчет мешка подарков, это вы, конечно, несколько опрометчиво мне рассказали, – протянул я, как бы размышляя вслух. Затем оптимистично закончил. – Но вот жениха я у вас точно не потребую. Обещаю.

Мой собеседник рассмеялся:

– Ну вот, теперь я вижу, что вы окончательно пришли в себя. Именно таким я вас себе и представлял после того, как ознакомился с вашими данными, – он похлопал по папке, лежавшей перед ним. – Ну, а теперь, если вы готовы, то приступим к делу.

– Я готов, но к чему мы приступим?

– Как – к чему? Будем проводить собеседование. Вы у нас человек новый, в некотором роде – безработный. Вас нужно трудоустроить, определить с жильем, объяснить элементарные правила поведения, наконец. Начнем, пожалуй.

Я молча слушал, понимая, что главное для меня

сейчас – это собрать как можно больше информации о том где я, что со мной происходит, и что меня ждет в дальнейшем.

– Итак. Я начальник департамента русского сектора XX–XXI веков. Наш департамент переживает период подъема и расцвета деятельности. В связи с ожидаемым прибытием большого числа душ, мы ищем новые технические методы, способные интенсифицировать наш труд. Необходимо повышать производительность. Поэтому внизу – он показал пальцем куда на пол, – принято решение внедрять технический прогресс. То есть, компьютеризировать наш департамент.

Начальник департамента прервался. Он повернулся к хрустальному шару. Изображение Земли сменилось головкой секретарши. Головка посмотрела на шефа и улыбнулась.

– Принесите нам чайку, пожалуйста! – сказал Тихон Велесович.

– Наденька, – добавил я потихоньку. Тихон, однако, услышал и недоуменно посмотрел на меня:

– Почему вы решили, что ее зовут Наденька?

– Так, музыкой навеяло. Посмотрели бы вы в детстве столько фильмов про Ленина и Крупскую, вы бы тоже автоматически сопроводили просьбу принести чайку обращением «Наденька». И вообще, поче-

му чай? В таком кабинете принято предлагать кофе.

– Ну, Александр Леонидович, привыкайте. Здесь подают не только кофе. Какими только напитками я не угощал своих посетителей за время работы. Этот департамент, знаете ли, у меня не первый. И начинали мы в те времена, когда о кофе европейцы еще и не слыхали. С тех пор у меня осталось правило предлагать посетителю не то, что принято, а то, что он любит. Запомните этот прием на будущее, на случай если сами станете принимать посетителей. Это производит на них благоприятное впечатление.

Передо мной возникла секретарша – молодая изящная девица в обтягивающей прозрачной блузке и мини юбке. Ее красивые длинные ноги оканчивались уже знакомыми мне копытцами; однако они, как и небольшие рожки, видневшиеся среди локонов короткой прически, не могли уменьшить ее потрясающей сексуальной привлекательности. В руках секретарша держала поднос с чайными приборами. Она поставила его на стол и придвинула ко мне чашку с ароматным чаем. Я попробовал. Чай был потрясающий. Мало того, что это был мой любимый сорт, он был подслащен точно так, как сделал бы это я сам. Даже температура благородного напитка была именно такой, какую я предпочитаю. Впоследствии обнаружилось, что на протяжении всего нашего довольно

продолжительного разговора, температура чая в чашке оставалась прежней.

Я отпил из чашки еще немного, поставил ее на стол, и с благодарностью поднял глаза на секретаршу.

– Спасибо, вы просто волшебница, – сказал я.

– Ой, ну что вы, – засмузилась та. – Я еще только учусь. А это мы проходили на первом курсе.

Ага, подумал я. Попридержи-ка язычок. Пока вместо безобидных «Наденька» и «просто волшебница», ты не брякнул чего-нибудь похлеще. Лучше молча сиди и слушай. Так я и решил поступить. Отпил чая и принял позу внимательного слушателя.

Мой будущий начальник это оценил и продолжил:

– Я, со своей стороны, категорически возражал против перевода нашего департамента на компьютеры. Мы прекрасно обходимся старыми дедовскими методами, – он кивнул на хрустальный шар. – Мне абсолютно непонятно, зачем переходить с существующей отлаженной системы на какую-то авантюрную, недоделанную и технически несовершенную модель.

Он остановился и, взглянув на меня, добавил:

– Простите, если я задел ваши чувства. Вы ведь всю свою профессиональную жизнь отдали этим игрушкам, не так ли?

– Вернее будет сказать, что эти самые игрушки отняли ее у меня. Но что делать, у нас ведь нет вашей

альтернативы, – ответил я, разглядывая все тот же шар. – А вы дадите мне поближе рассмотреть его? Я никак не пойму, какой принцип лежит в основе его действия...

– У вас будет такой же в вашем рабочем кабинете, наиграетесь вволю, – недовольно прервал меня Тихон Велесович. – Но вернемся к нашей теме. Как я ни возражал, от меня требуют идти в ногу с земной техникой. Внизу принято решение создать отдел компьютеризации, и я не смог отказаться. Я должен составить план работы этого отдела и регулярно отчитываться о его деятельности. Для этих целей мне разрешили нанять консультанта. И тут в игру вступаете вы, Александр.

– Вы хотите, чтобы я занялся компьютеризацией вашего департамента? Вот уж мне не приходило в голову когда я сюда отправился, что придется снова сидеть, уставившись в экран монитора.

– Все не так просто, Александр. С другой стороны вы же не ожидали, что вам дадут трезубец, и вы будете им перемешивать грешников в котле, пока из них варят суп!

– Так это правда? Про чертей, которые варят и жарят грешников?

– Это зависит от клиентов. Ну, с этими подробностями вы потом сами разберетесь, это не срочно. А

вот о ваших непосредственных обязанностях я хочу поговорить с вами подробнее.

Тихон Велесович замолчал и пристально посмотрел на меня.

– Вы хотите курить. – Он не спрашивал, а констатировал факт. – Почему же вы до сих пор не закурили?

– Две причины. Первая – это правила приличия. У вас нет пепельницы, и вы не предлагали мне закурить. Следовательно, вы сами не курите и не любите, когда это делают другие в вашем присутствии. Зачем же мне раздражать будущего шефа? Не такая уж это страшная потребность, чтобы я настаивал.

Шеф кивнул головой:

– Вы хорошо воспитаны, но эта причина – не единственная, если я вас правильно понял.

– Вторая причина более весомая. Я оставил свои сигареты дома и теперь гадаю, что и когда мне доведется покурить здесь.

– Теперь все в порядке. Я всегда смотрю в корень проблемы, это позволяет быстрее их решать. Сейчас я вам помогу. И курите без стеснения, меня это не беспокоит. К дыму я безразличен еще с тех времен, когда работал простым кочегаром в топке. Впрочем, это не важно. – Он повернулся к хрустальному шару и что-то тихо сказал.

В комнате вновь появилась секретарша. На этот

раз она держала в руках небольшой серебряный поднос. На подносе лежали нефритовая пепельница в виде черепахи, пачка моих любимых сигарет и элегантная золотая зажигалка.

– Берите, зажигайте, курите и слушайте. Не будем терять время, – сказал Тихон.

Я послушно взял с подноса сигареты и зажигалку, закурил, но слушать его не мог, так как провожал глазами удаляющуюся секретаршу. За то время, пока она отсутствовала, ее юбка успела стать еще короче, а грудь немного вырасти. Когда она вышла, я выдохнул дым, закашлялся и виновато посмотрел на Тихона. Видимо, я был не первый, кто попал под неотразимое сексуальное обаяние его подчиненной, поскольку он ничего не сказал, а лишь подождал, пока я откашляюсь.

– Теперь по поводу ваших прямых обязанностей. Вы поставите во всех отделах департамента по компьютеру и соедините их в локальную сеть. А у себя в отделе установите компьютер для хранения входящей и исходящей документации. Поговорите в отделе переписки с их магом. У него есть заклинание, которое само определяет степень важности письма, и либо передает его на рассмотрение соответствующему служащему, либо само составляет бюрократическую отписку. Обсудите с ним алгоритм работы заклинания

и, я прошу вас, постарайтесь запрограммировать его.

Тихон, прищурившись, взглянул на меня:

– Дальше мне все видится достаточно просто. Ваш компьютер будет сам рапортовать об успехах компьютеризации департамента. Он не должен пропускать новые инструкции по дальнейшему внедрению компьютеров в отделы; это будет его главная задача. Пусть сам отбрыкивается, как хочет. – Тихон Велесович усмехнулся. – Когда начальство почувствует на себе все прелести компьютерной переписки, мне будет легче убедить их вернуться к прежним методам. Вы улавливаете суть задачи?

– Вы хотите, чтобы я заменил ваше заклинание компьютером?

– Нет! – почти вскрикнул Тихон Велесович. – Заклинание действует, и я буду пользоваться им, пока его не уничтожат прямой директивой из вышестоящей инстанции. Я не могу без него работать. Если я буду получать все адресованную мне служебную почту, то только на чтение того, что поступает за день, у меня уйдет двое суток. Мы уже делали расчеты. А с ежедневной перепиской заклинание прекрасно справляется само. Ко мне приходят письма в среднем два-три раза в неделю. Но это уже действительно важные сообщения.

– Для чего же нужен компьютер?

– Он будет отвечать за переписку с отделом компьютеризации. Отдел новый, и закливание на него не распространяется. Там уже лежат сотни писем, и первым делом вам надо будет на них ответить. Потом этим займется ваш компьютер.

Тихон Велесович внимательно посмотрел на меня.

– Так что, вы больше всех заинтересованы в том, чтобы как можно быстрее его запустить.

– Но это же парадокс! Компьютер не в состоянии рапортовать о том, что не сделано!

– Глупости. Рапортовать – это самое простое. Тысячи служащих с утра до вечера отчитываются в том, что не сделано и никогда сделано не будет. Главное – найти правильные формулировки. Вы не первый день работаете в крупных организациях и знаете, как это делается. Кроме того, у вас ценный опыт работы в СССР. Там вообще только этим и занимались. Так что не прибедняйтесь, работа вам по плечу. Беретесь?

Я кивнул головой:

– Попробую, это действительно интересно с профессиональной точки зрения. Да и само по себе будет занятно. Мне, правда, не хотелось бы выглядеть чрезмерно оптимистичным: задача о которой вы говорите, входит в разряд понятий искусственного интеллекта. А эта область в основном имеет только теоретическое развитие.

– Ерунда. Если с этим справляется обычный бес-регистратор, чиновник самого низшего класса, то думаю, что и ваш компьютер справится. А нет – вылетите отсюда вместе: с одной стороны вы, с другой – компьютер!

Тихон сделал небольшую паузу для убедительности, затем продолжал, уже чуть спокойнее:

– Я не тороплю вас, работайте, сколько понадобится, все необходимое вам будут доставлять немедленно. Поселим вас вместе с вашими соотечественниками. Скучно вам не будет. Постараемся создать для вас приличные условия, не беспокойтесь. – Он посмотрел на часы в хрустальном шаре. – У меня больше нет времени. Считайте, что вы приняты. В приемной вас ждет Евлампий. Это мой порученец, который доставил вас сюда. Он решит все организационные вопросы. И впоследствии обращайтесь напрямую к нему. Общение со мной только в экстренных случаях.

Тихон Велесович встал с кресла, выпрямился, и, с усмешкой громко произнес:

– Желаю успехов. Добро пожаловать в Ад!

С этими словами он окутался облаком дыма, под потолком что-то бабахнуло, и он исчез из кабинета. Я подождал, пока рассеется дым, и огляделся в поисках двери. Неожиданно оказалось, что выход, так же как и вход, в кабинете отсутствуют. Все стены бы-

ли сплошными, без всяких признаков дверей. Некоторое время я продолжал растерянно озираться по сторонам. Затем вспомнил направление, откуда появлялось и исчезало очаровательное видение в мини-юбке, и пошел туда. Подойдя к стене вплотную, я стал ее внимательно исследовать. Двери не было. Ни простой, ни потайной, никакой.

Через десять минут безуспешных поисков я вернулся назад в кресло. Закурив еще одну сигарету, стал обдумывать варианты действий. Первый был самый простой, и поэтому – самый привлекательный. Заключался он в том, чтобы бегать как сумасшедший по кабинету и как можно громче кричать «спасите!» или «выпустите меня отсюда!».

Несколько минут я смаковал эту идею, но затем пришел к выводу, что это – прямой путь обратно, в свою квартиру на Земле. А этого мне никак не хотелось. Я получил только маленький намек на те чудеса и невероятные события, которые могут произойти со мной, но я уже знал, что ни за что на свете не откажусь от всего, что ждет меня здесь. Неважно – умышленно ли мой новоприобретенный шеф оставил меня здесь, чтобы посмотреть, как я справлюсь со своим первым испытанием, или действительно просто забыл, что я не знаком с местной системой входа-выхода, результат моих криков будет только один. Да, меня освободо-

дят, конечно. И тут же вышвырнут из Ада без права на возвращение. Я имею в виду возвращение при жизни. Я почему-то чувствовал, что если дело пойдет так, как я себе это представил, то после моей смерти наше повторное свидание гарантировано. Но уже совсем в ином качестве.

Я оборвал поток панических мыслей, взял себя в руки и попытался логически разрешить стоящую передо мной задачу. Из наблюдений следовало, что существуют, как минимум, две возможности выхода из кабинета. Первая, которую только что продемонстрировал Тихон, предусматривала мгновенно исчезновение с дымом и грохотом. Впрочем, характер моего начальника уже вырисовывался достаточно рельефно, и я был уверен, что дым и грохот – это только бутафория, рассчитанная на новичков типа меня. Однако, с дымом или без, технология мгновенного исчезновения из комнаты была мне недоступна.

Второй вариант – это повторить путь секретарши. «Ну, давай же, – сказал я себе, ты же пялился на ее зад, когда она уходила, и проследил за ней до самого выхода. Или пока она не пропала из виду, так будет более правильно. Отлично, дружище, это уже теплее. Что значит исчезла из вида? Ну-ка, вспомни подробно». Я детально восстановил картину ухода секретарши. Никакой потайной двери в стене не было. Секре-

тарша не исчезла и не растворилась в воздухе. Она просто прошла сквозь стену. Не останавливаясь, не раздумывая, и не выбирая какое-то особенное место, она просто вошла в стену вместе с подносом и исчезла. Я бы обратил на это внимание сразу. Но я был настолько ошеломлен всем происходившим в целом, что такие мелочи, как выход из комнаты сквозь стену, уже не замечал.

Кроме того, я смотрел на нее, прежде всего, как нормальный здоровый мужчина смотрит на красивую женщину. Организм мужчины имеет крупный недостаток. Он устроен так, что запаса крови одновременно хватает лишь на один из двух самых главных мужских органов. Пока обаятельная секретарша шла, покачивая бедрами, к выходу, вся кровь моего организма, под предводительством мужских гормонов, мгновенно рванула за ней, и собралась в известном месте, которое для размышлений ну никак не пригодно. А мой бедный мозг в это время остался совсем без питания, и не мог нормально фиксировать происходящее. Хорошо еще, успокоил я себя, что кабинет не такой большой. Будь комната чуть длиннее, мой мозг попросту бы погиб от недостатка кислорода.

Итак, забудем о сексе и попробуем выбраться отсюда. Я встал и решительно подошел к стене примерно в том самом месте, где исчезла секретарша. Не оста-

навливаясь, я с решительным видом пошел прямо на стену, собираясь пройти ее насквозь, как это сделала каких-нибудь пять минут назад секретарша. Действительность меня разочаровала. Стена оказалась очень прочной, и я на редкость болезненно ударился об нее носом. Я попробовал еще раз, вытянув перед собой руки, для страховки. Ничего. Стена была холодной и отвратительно твердой. Я отошел на пять шагов назад, закрыл глаза и пошел вперед, делая вид, что никакой стены передо мной вообще нет, что это кто-то придумал. Какие могут быть здесь стены, говорил я себе, я ведь гуляю по лесу, вот птички сейчас запоют.

Птички не запели, но звездочки в глазах зажглись. Обмануть стену и в этот раз не удалось. Я просто налетел на нее со всего размаху, набив здоровую шишку на голове. Следующие пятнадцать минут прошли в утомительных и чрезвычайно болезненных экспериментах. Я наускакивал на стену с уверенностью человека, которого ничто не может остановить, но стена не поддавалась. Я решил преодолеть ее, прыгая боком, и разбил локоть. Попытка пройти сквозь стену, повернувшись к ней спиной, добавила мне здоровую шишку на затылке и ощущение приближающегося сотрясения мозга. Я тщательно ощупал и простучал всю стену, но ничего не обнаружил. Я исследовал ее ползком на уровне пола. Уж не знаю, что именно я пытал-

ся обнаружить там – кажется, искал щелочку. Потом я некоторое время подпрыгивал и хлопал по стене ладонями, как можно выше, в надежде обнаружить пустоты. Я никогда не играл в баскетбол и теперь отчаянно пожалел об этом. Устав ползать и прыгать, я сменил тактику. Обратился к стене и ласково попросил пропустить меня, но взаимности не добился, а только набил очередную шишку.

Тогда я стал вспоминать все известные мне соответствующие случаи из художественной литературы. «Ты прочитал за свою жизнь невероятное количество фантастических книг, – сказал я себе. – Неужели ты не можешь вспомнить что-нибудь подходящее для этого случая? Фантасты часто обыгрывают похожую ситуацию, когда надо выбираться из такой вот закрытой комнаты».

Я действительно вспомнил пару рецептов. В первом случае комнату покинули через четвертое измерение. Другой рецепт предписывал отправиться в прошлое, когда эта комната еще не была построена. Там, в прошлом, надо сделать несколько шагов в нужном направлении, и затем вернуться в настоящее. Вы оказываетесь в том же времени, но уже снаружи комнаты. Все это выглядело вполне разумно с точки зрения логики. Вариант с перемещением во времени был даже элегантен. Но я не умею прыгать в четвертом

измерении. И у меня не было с собой в кармане портативной машины времени. И вообще, это все отвлеченные рассуждения, а передо мной стояла конкретная и очень твердая стена. Я в отчаянии пнул ее, ушиб палец на ноге и понял, что все пропало.

Я вернулся к столу и свалился в кресло. Чувствовал я себя отвратительно. Я был весь в синяках. Лоб представлял собой одну большую шишку, из разбитого носа текла кровь, капая на роскошный ковер. «Ну и пусть, злорадно подумал я. Все равно я скоро умру, и мне будет безразлично: внутри я или снаружи». Я действительно чувствовал себя именно так. Мне было все равно. Меня заманили в ловушку и оставили здесь умирать. Я уже не сомневался в этом. Я не рассуждал, не анализировал, я просто готовился к смерти.

Я поджал под себя ноги, свернулся калачиком в кресле и стал ждать конца. Я мысленно попрощался со всеми. Как положено, я простил всех, кто меня обидел. Когда я собрался просить прощения у тех, кого сам обидел, мой организм взбунтовался. Он требовал исполнения последнего желания. Сексуального желания. Последний раз перед смертью, ради святого дела продолжения рода! «Ну, только один разочек, ты вспомни эту секретаршу, вспомни свою Наденьку», — молил он.

Не знаю, почему мой организм назвал ту девушку Наденькой: видимо, ассоциация, возникшая после чая, оказалось устойчивой. Ну и ладно. Во-первых, надо же как-то ее называть, а во-вторых, организму на гормональном уровне виднее. Да, Наденьку! Только бы один разок, хоть один единственный разочек, а после такого и умереть не страшно. Это желание целиком охватило меня.

Поскольку делать в ожидании приближающейся смерти все равно было нечего, то я отложил просьбы о прощении и сосредоточился на более приятных воспоминаниях о Наденьке. Я стал вспоминать в подробностях, как она была одета, как прошла мимо меня. Вспомнил, как пахнуло на меня неуловимым ароматом духов, смешанным с запахом ее божественного тела. Кровь, повинувшись древнему закону, вновь устремилась вниз, лишая мозг питания и кислорода. На последнем издыхании, мой мозг отчаянным усилием успел послать ногам приказ, а потом отключился полностью.

Подобно тому, как раненый олень во время брачного сезона все же пытается доползти до своей возлюбленной, я с отчаянным криком «Наденька, я иду к тебе, любимая!!!», вскочил с кресла и бросился на стену, разделявшую нас. Я не помнил, что там была стена, я вообще не знал, что такое стены, и не верил,

что они могут стать препятствием для нашей любви. Мое желание рвануло сквозь стену и потащило за собой бедное избитое тело. Я пролетел стену насквозь, будто ее там и не было, и оказался в приемной. Не успев затормозить, я по инерции понесся дальше, и с размаху ткнулся своей избитой мордой прямо в объятия Евлампия.

Как я узнал позже, все это время черт стоял там и любовался устроенным мной представлением. Хорошо, что я приземлился на Евлампия, а не на свою Наденьку, которую звали, кстати, совсем иначе. Пока я выпутывался из его объятий, мой организм сообразил, что экстремальные условия кончились, и перешел на функционирование в нормальном режиме. Прежде всего, это означало, что кровь вернулась в мозг, а я – в цивилизованное состояние. То есть, в такое состояние, когда, увидев перед собой красивую женщину, мужчина не набрасывается на нее сразу, а пытается сначала уговорить ее по-хорошему. И только потом уже набрасывается.

Тем временем Евлампий поздоровался со мной, как со старым знакомым. Он не протянул руку, а схватил мою и долго тряс, заглядывая снизу вверх, в глаза:

– Александр Леонидович, дорогой, как я рад вас видеть! А вы знаете, мы буквально только что разговаривали о вас с Тихоном Велесовичем. Скажу вам по сек-

рету, вы произвели на него очень хорошее впечатление. Вопрос о вашем назначении решен окончательно!

И ни слова о моем, мягко говоря, необычном, появлении в приемной. Как будто это нормально, что новые сотрудники появляются из стены кабинета начальника с громким криком о любви к его секретарше. Впрочем, а если я действительно не первый? Значит у них так заведено?

– Здравствуйте, дорогой Евлампий. Я тоже рад вас видеть. Простите за такое необычное появление здесь. Видите ли, я оказался в довольно затруднительном положении, вот и пришлось выпутываться самостоятельно.

– С вами что-то случилось? Ай-ай-ай! Вы плохо выглядите. Вы что, ушиблись?

– Э-э, не сильно, не переживайте.

– Ну, что же вы, право! А почему меня не позвали? Тихон Велесович вам ведь сказал, что я жду здесь, в приемной. Или вот Эллочка, например, была бы рада вам помочь.

Поглядев на хитрую, сладкую рожу черта, я поздравил себя с тем, что не стал звать на помощь там, в кабинете. Я окончательно убедился, что это был своего рода тест. Более того, я был уверен, что эта сволочная процедура проверки и была основной целью

собеседования. Не зря же Евлампий сразу сообщил, что вопрос о моем назначении окончательно решен. Весь треп Тихона насчет компьютеров и моих будущих обязанностей был только отвлекающим маневром. Поэтому он меня ни о чем и не спрашивал, хотя сразу объявил, что это собеседование. Он просто приглядывался ко мне. То, что я устраиваю их, как специалист по компьютерам, Тихон уже решил заранее, и теперь собирался испытывать совсем другие мои способности. Не менее, если не более, необходимые для работы и жизни здесь. Надо отдать ему должное, он честно намекнул мне на существование ответа. Все эти появления и исчезновения секретарши были заранее обдуманым трюком, небольшой подсказкой для внимательных и сообразительных.

Кстати, насчет секретарши...

– А кто эта Эллочка? – как можно более равнодушным голосом спросил я.

– Ах, да, я вас не представил, – рассмеялся Евлампий. – Однако вы совсем недавно встречались. И, как я понял, вы... кхе-кхе, хорошо запомнили ее. Только, почему-то, окрестили Наденькой.

Я редко краснею, но тут почувствовал на лице жар. Я обернулся в поисках Элочки-Наденьки. Комната, в которую я с таким трудом прорвался, была обычной приемной обычного председателя совета директоров

швейцарского банка. В просторном помещении располагались кресла и диваны для посетителей. На стенах висели репродукции (или подлинники: никогда в этом не разбирался) картин мастеров эпохи Возрождения. Все, как одна, они были посвящены религиозной тематике, причем, именно части, касающейся ада.

Большое окно в стене напротив меня, как и в самом кабинете, было наглухо закрыто. Несмотря на то, что приемная находилась рядом с кабинетом, вид из окна был другой. Вокруг простиралось пустынное горное плато. В центре плато возвышалась огромная конусообразная гора, из которой бил фонтан огня и вырывались клубы дыма. «Дались им эти вулканы», подумалось мне.

Эллочка сидела за большим столом и делала вид, что меня не замечает. Она что-то диктовала хрустальному шару на столе. Шар был точной копией того, который я уже видел в кабинете у Тихона. Только вместо изображения Земли, внутри шара плавали гусиное перо и чернильница. По мере того, как Эллочка продолжала диктовать, в воздухе прямо над шаром появился пергаментный свиток. Свиток стал самостоятельно перематываться, одновременно покрываясь затейливым орнаментом каллиграфического письма. Через несколько секунд свиток был полностью запол-

нен. Он плавно опустился на стол. Перо с чернильницей внутри шара растаяли, и их место занял уже привычный мне земной шар с часами.

Евламий подвел меня к столу и сказал:

– Давайте я вас представлю. Эллочка, это Александр Леонидович, наш новый консультант по компьютерам.

Эллочка, повернулась ко мне:

– Очень приятно. Вообще-то меня зовут Элеонора, но вы можете называть меня просто Элла.

Я продолжал топтаться возле стола, пытаюсь хоть как-то объяснить свое поведение в кабинете:

– Э... Элеонора, то есть, Элла... видите ли, – я никогда не был особенно красноречив в обращении с красивыми женщинами, а тут совсем запутался в словах.

Потом просто продолжил:

– Очень рад познакомиться с вами.

Неожиданно для самого себя я наклонился к столу, взял ее руку и поцеловал. Для Элочки это стало еще большей неожиданностью, но она ничего не сказала, а только посмотрела на меня. Совсем не так, как должна смотреть секретарша шефа на только что принятого консультанта по компьютерам. От этого взгляда я окончательно потерял дар речи и только продолжал держать ее руку в своей. Элеонора не

возражала.

Идиллию прервал Евлампий. Он взял со стола только что сотворенный пергамент и протянул мне. Одновременно с этим он, приобняв меня за плечи, ненавязчиво развернул меня спиной к столу и отвел в другой угол комнаты.

– Ну вот, Александр Леонидович, это ваш контракт. Изучите на досуге. В принципе, там нет ничего особенного. Стандартное трудовое соглашение. С вашими обязанностями вы в общих чертах уже знакомы, а подробности мы обсудим завтра. Со своей стороны мы обязуемся обеспечить вас проживанием и всем необходимым. Денежное вознаграждение мы не платим. Обрато на Землю деньги вы не заберете, мы не имеем права вмешиваться в земную экономику, а здесь они вам не понадобятся.

У меня сработал рефлекс наемного работника:

– Помилуйте, Евлампий! Какой же это стандартный трудовой договор? Это договор о продаже в рабство. Я давно уже отвык работать только за еду и жилье.

– Не поднимайте себе цену! – неожиданно резко оборвал меня Евлампий. – А на что у вас уходила зарплата на Земле? Продукты, квартира, налоги да тряпки для вашей супруги. Вот и все. А здесь, по крайней мере, обойдетесь без налогов и супруги. И заметьте, вы не в командировку в Урюпинск приехали. Вы пред-

ставить себе не можете, какие люди просились к нам. Не за зарплату, а просто за возможность здесь побыть. Сами предлагали огромные деньги, родных продавали, собственную душу готовы были заложить. А сколько людей, которых мы сами пригласили, не сумели пройти окончательное собеседование и умоляли оставить их здесь? Вам повезло, так не потеряйте свой шанс...

Я молча вытянул руку и взял протянутую мне грамоту. Восторженная речь Евлампия меня не очень убедила, но спорить не хотелось. Мне и в самом деле было безумно интересно.

– О'кей, я с вами. Куда мы теперь?

– А теперь вы можете отдохнуть. Пойдемте, я покажу вам, где вы будете жить, и кое-что объясню. Закройте глаза, и я перенесу вас.

Я послушно закрыл глаза. Но перед этим я повернулся и увидел, что Элеонора смотрит на меня пристальным взглядом. Я улыбнулся ей на прощание и поднял руку. Элеонора улыбнулась мне в ответ, причем не казенной улыбкой секретарши, а совсем по-другому, тепло, по-домашнему.

Глава 5

– Здесь недурно, нары из струганого дерева.

(Я. Гашек. «Похождения Швейка»)

Мы с Евлампием стояли на асфальтированной площадке, освещенной тусклым светом слабой электрической лампочки. Перед нами возвышался серый невзрачный четырехэтажный дом, собранный из железобетонных панелей. Я уже успел отвыкнуть от таких построек. Типовое сооружение, предназначенное для общежития, хотя бывало, что в таких же располагались всевозможные учреждения. Но это здание было именно общагой. Это я сразу понял, услышав запах сгоревшей яичницы, к которому примешивались ароматы туалета, вырывавшиеся на свободу из раскрытого настежь окна на первом этаже. Покосившаяся дверь подъезда не закрывалась. Небольшая лампочка перед входом была тем самым источником света, что освещал площадку перед подъездом, на которой мы стояли. Был, правда, еще и фонарный столб, недалеко от входа, но лампочка на нем не горела.

– Евлампий, вы что, отправили меня назад в СССР?

Евлампий усмехнулся:

– Нет, мы все там же. А это – ваше новое место жительства. Гостиница, кхе-кхе, для командированных. Не волнуйтесь, там есть все удобства. Кухня, холодильник, горячая вода и теплый туалет. В конце коридора.

– Ну, его я уже унюхал. Тут вообще убирают?

– Конечно. Раз в неделю, заключенные.

– Тогда понятно.

– Вот и хорошо. Пойдемте, я покажу вам вашу комнату, а потом вы познакомитесь с соседями.

Приготовившись к самому худшему, я пошел вслед за Евлампием в подъезд. Он оказался на удивление чистым. Не было там и обычного тухлого запаха. Отсутствовали даже непереносимые обгоревшие спички, приклеенные к потолку. Изнутри здание было явно в лучшем состоянии, чем его внешний антураж. Мы поднялись по лестнице на второй этаж и прошли по пустому, но чистому коридору. По обеим сторонам коридора шли ряды одинаковых закрытых дверей.

– Здесь все же убирают чаще, чем раз в неделю, – заметил я.

– Ну, это внутренние дела постояльцев. Я в это не вмешиваюсь, – небрежно бросил на ходу Евлампий.

– А много здесь живет народу? – спросил я.

– Увидите сами, – невнятно пробормотал Евлампий. Он явно не был расположен обсуждать детали.

Пройдя с десяток метров, мы остановились у одной из комнат. Евлампий порылся в кармане и вручил мне тяжелый длинный ключ.

– Вот ваша комната, проходите, располагайтесь. Завтра утром в девять ноль-ноль жду вас у себя.

С этими словами он повернулся и собрался уходить.

– Подождите, – в отчаянии закричал я. – Вы еще ничего мне не объяснили. Где здесь что, как мне устроиться, и вообще: что значит «завтра к девяти на работу»? Куда, каким образом? Вы автобус за мной пришлете что ли?

Не останавливаясь, Евлампий бросил мне через плечо:

– Справа от входа за углом стоит телефон-автомат. Зайдете в будку, и наберете мой номер. Там есть справочник.

– А как... – ошарашено начал я.

– Разберетесь, не маленький.

С этими словами Евлампий, вроде не прибавляя шага, тут же оказался в конце коридора, и не успел я остановить его, как он исчез на лестнице. Звука шагов я не услышал, и стало ясно, что пытаться догнать его бесполезно. «Вот подонок, – подумал я, – это у него называется все покажу и объясню. Похоже, таков местный стиль общения, и надо к этому привыкать.

Ничего, прорвемся, – успокоил я себя. – Уж если ты привык к невоспитанным израильтянам, то черти тебе будут нипочем. Посмотрим, что они мне приготовили».

Я открыл дверь и понял, что для выживания мне надо будет воскресить в памяти навыки, приобретенные в общежитии университета. В небольшой комнате стояла трехногая продавленная кровать. Вместо четвертой ноги на меня смотрел обломок кирпича, вызывая в памяти ностальгические воспоминания студенческой молодости. Кроме этого ветерана в комнате стоял небольшой, явно шатающийся стол и пара стульев, на которые, понятное дело, без предварительной разведки я садиться не стану. Стенной шкаф находился сразу возле входа. Внутренне содрогнувшись в ожидании того, что я там увижу, я открыл дверцу. Меня ждал сюрприз. Облезлый снаружи шкаф оказался буквально забит всем необходимым. У меня никогда не было подобного гардероба, и лишь огромным усилием воли я подавил в себе желание немедленно начать рассматривать и примерять все это великолепие.

Следующим и последним предметом обстановки был холодильник. Увидев его, я понял, насколько проголодался. Был уже вечер, а я за весь день успел только позавтракать. Да и что это был за завтрак? Как обычно, чашка крепкого кофе, чтобы не заснуть за ру-

лем, и маленький, чисто символический бутерброд. Плюс к этому мой завтрак содержал две ритуальные ложки густой сметаны. Это, по моей личной теории, должно уменьшить вредное воздействие на желудок первой утренней сигареты, которую я в обязательном порядке выкуривал перед выходом из дома. Несмотря на многолетний, как водительский, так и курительный стаж, я так и не привык курить за рулем, предпочитая потерять лишние пять-десять минут дома, но зато получить полное удовольствие от курения, когда меня ничто не отвлекает. «Кстати, – подумал я, – а что у нас с сигаретами?» На этот вопрос ответа пока не было.

Холодильник оправдал мои робкие надежды. После стольких лет жизни в Израиле, в котором еда является национальным видом спорта, удивить меня ее обилием уже невозможно. Мои хозяева и не пытались это сделать. Они просто загрузили холодильник всем необходимым. На меня глядел привычный набор продуктов, а в глубине смутно виднелись и более редкие деликатесы. Итак, стиль отношения к наемным работникам начинал проясняться. «Черти – они и есть черти», – подумал я и отправился искать санузел.

Удобства, как и обещал Евлампий, нашлись в конце коридора. Обставлено все было со спартанским минимализмом, однако все необходимое для того, чтобы привести себя в порядок, я там увидел. Жутко-

го вида сантехника, выполненная по советским стандартам тридцатых годов, работала исправно. Испулавшись, я вернулся к себе в комнату и переоделся в привычный спортивный костюм, который нашел в шкафу. Там же оказался и ряд выдвижных ящичков, – я не сразу их заметил. В первом обнаружился полный набор туалетных и бритвенных принадлежностей. Что характерно – именно тех фирм, которыми я обычно пользовался. «Ну, с бритьем можно подождать до утра», – здраво рассудил я.

Я подошел к холодильнику, вытащил оттуда упаковку замороженных стейков и пачку масла. Затем нашел пустой пакет и положил в него все это, побросав туда же всякую зелень. Из морозилки достал литровую бутылку водки. Этикетка на бутылке была мне незнакома, но бутылка выглядела солидно. Я рассудил, что травить поддельной водкой меня здесь не будут. Зажав бутылку подмышкой, я открыл дверь и выглянул в коридор. Прислушался к голосам, доносящимся из кухни, подумал, вернулся в комнату, снова открыл холодильник и добавил в пакет баночку красной икры, коробку маринованной селедки и салами. Мне надо было познакомиться с будущими коллегами, а в таком деле хорошая закуска еще никому не мешала. Наконец я решил, что полностью готов, и отправился на поиски кухни.

Кухню я нашел по голосам в противоположном конце коридора. Она представляла собой небольшую чистую комнату, покрашенную, как и сам коридор, масляной краской того особенного тусклого цвета, которая встречалась во всех общественных зданиях в Советском Союзе. Подобную краску описал в свое время Гоголь, назвав ее «какая-то голубенькая вроде серенькой». У стены стояла старая газовая плита, рядом с ней в стену была вмонтирована раковина с отколовшейся эмалью. В раковине была навалена гора грязной посуды. В углу громоздился старый обшарпанный кухонный шкаф. У другой стены стоял обеденный стол.

За столом на стульях сидели двое: невысокий коренастый мужчина лет тридцати-тридцати пяти, с внешностью борца или боксера, и симпатичная женщина того же возраста с длинными распущенными черными прямыми волосами. Несмотря на очевидную красоту, в ее лице было что-то отталкивающее, хотя я бы затруднился точно сформулировать, что именно. Это впечатление было мимолетным, и быстро прошло. Одета она была в простенький домашний халат, какие в массовом порядке шила советская промышленность в шестидесятые годы. Такая модель успешно скрывала индивидуальность женской фигуры, низводя их обладательниц до некоего среднего уровня стро-

ительницы коммунизма, которой секс ни к чему.

Мужчина, наоборот, имел приятную, располагающую к себе внешность. Густые светлые волосы были подстрижены «ежиком», что делало его круглую голову похожей на большой мяч для тенниса. Только в глазах у него стояла какая-то непреходящая тревога. Мужчина носил полинявший спортивный костюм неопикуемого фиолетового цвета, в который в те же шестидесятые одевали спортсменов. Штаны на коленях пузырились, резинки на манжетах рукавов были растянуты и обвисли. Невообразимые домашние шлепанцы, из которых торчали босые пятки, завершали картину домашнего уюта коммунальной квартиры.

Дверь была открыта; я остановился, разглядывая сидевших на кухне. Они были так увлечены разговором, что не замечали меня.

– Мне нужно мясо, – говорил мужчина, с отвращением ковыряя остывшую яичницу в тарелке перед собой. – Это не еда.

– А кто слопал днем все котлеты? Мне даже пообедать было нечем. А теперь я должна снова придумать тебе мясной ужин?

– Не надо ничего придумывать. Я сам пожарю.

– Тебе лишь бы жарить. Не дам тебе ничего. У меня остался последний кусок мяса, а до следующего пайка еще три дня. Сейчас все слопаешь, а потом будем

на одной картошке сидеть, так что ли?

Я решил, наконец, показаться:

– Добрый вечер! Можно к вам?

Мои, казалось бы, такие простые слова, произвели эффект разорвавшейся бомбы. Сидевший спиной ко мне мужчина, резко вскочил на ноги и развернулся лицом ко мне. Стул вылетел из-под него и с грохотом приземлился у другой стены. В мгновение его сжатые кулаки метнулись вверх, он принял стойку, которая мне очень не понравилась. Из такой стойки удобно бить противника, в то же время не подставляя себя под удар. Поскольку кроме меня других противников у мужчины не наблюдалось, то я инстинктивно отпрянул назад и поднял руки. Бутылка водки, зажатая у меня подмышкой, поползла, ускоряясь, вниз. Я только и успел выдохнуть: «Ой!». На наше счастье, реакция у мужчины оказалась лучше. Прямо из своей стойки он нырнул ко мне под ноги и, вытянув правую руку, поймал бутылку в нескольких сантиметрах от пола. Такое усилие не прошло для него даром. Он потерял равновесие и шлепнулся на пол, держа, однако, бутылку перед собой на весу.

– Ну, ваще! – сидя на полу, емко сформулировал он и рассмеялся. – Кто ж так с продуктом обращается?!

Я, понял, что бить меня не будут, и рассмеялся в ответ. К этому моменту женщина также успела прийти

в себя и подошла ко мне.

– Здравствуйте! Простите его, пожалуйста. Он после войны стал нервным. Вообще-то он нормальный, только вот не любит, когда к нему неожиданно подходят со спины. – Обернувшись к поднимающемуся с пола мужчине, она продолжила: – Ну, вставай уже, псих ты мой ненаглядный. Принимай гостя.

Мужчина уже стоял на ногах и протягивал мне руку:

– Сергей...

Я представился в ответ. Сергей продолжал:

– Вы не обижайтесь, это у меня после Афгана. Обычно я безопасный.

Женщина за его спиной фыркнула и тоже подошла ко мне:

– Я Марина. Рада вас здесь видеть. Проходите, пожалуйста.

За промежуток времени, который мне понадобился, чтобы пройти от двери к столу, поставить на него пакет с едой и сесть на свободный стул, Марина успела задать мне кучу вопросов:

– Скажите, а кто вы? Вы к нам надолго? Вы будете здесь жить? Ой, как я рада! Я сто лет уже не видела нормальных людей. А вы здесь будете работать? А кто вы по специальности? А откуда вы? Оставайтесь на нашем этаже, никуда не переходите. А то мы тут вдвоем с Сергеем. А как вы сюда попали?

Я предпочел не вмешиваться в этот поток слов, а молча стал вытаскивать продукты. Присутствующие уставились на них.

– Это откуда? – спросил Сергей.

– Из холодильника, – непонимающе ответил я.

– Из какого холодильника? – Сергей с Мариной переглянулись.

– Из холодильника в моей комнате, – ответил я. – А что, у вас в комнате не так?

– У нас в комнате не так, – как-то отчужденно ответил Сергей.

Они замолчали. Я непонимающе смотрел на них. Сергей поставил на стол бутылку, которую все еще держал в руке. Они поднялись.

– Ну ладно, вы, наверное, устали. Не будем вам мешать, – пробормотали они, и пошли к выходу из кухни.

– Пойдите, я собирался с вами поужинать. Познакомиться, посидеть по-человечески. Куда же вы?

Сергей с Мариной переглянулись. Марина подошла к столу и вопросительно взглянула на меня.

– Пожалуйста, – не дожидаясь ее вопроса, заговорил я. – Приготовьте нам ужин. А мужчинам, – добавил я, обращаясь к Сергею, – не помешает перед сном немного выпить.

– Вот, так можно жить, – проговорил Сергей. Он протянул руку и свернул пробку с горлышка бутылки.

– Ага, налаживается жизнь, налаживается, – усмехнулась Марина, вспомнив неизвестный мне анекдот. – Ты бы хоть рюмки достал сначала. И подожди, пока я накрою.

Она быстро и умело стала распаковывать продукты и накрывать на стол. Я присоединился к ней. Тем временем Сергей приготовил рюмки и разлил водку:

– Ну, за встречу!

Мы выпили и набросились на еду. Ужин прошел весело. Сергей с Мариной были искренне мне рады, и через полчаса мы уже болтали как старые знакомые. Я вкратце рассказал свою историю о том, как попал сюда. Судя по реакции слушателей, их истории не особенно отличались от моей. Я уже знал, что Марина с Сергеем не были супружеской парой, как я решил вначале. Они познакомились только здесь. Сергей прибыл сюда первым, месяца два назад, а еще через месяц здесь появилась и Марина. Кроме них в общезитии больше никого не было. Немудрено, что они так мне обрадовались.

Более подробно расспросить их не удалось – разговор получался слишком сумбурным, и стало ясно, что если не сконцентрироваться на чем-то одном, то мы так ничего и не выясним. По обоюдному согласию мы отложили истории о прошлой жизни на потом, и переключились на обсуждение событий сегодняшне-

го дня. Я описал во всех деталях свое собеседование в кабинете у шефа, и то, как я оттуда выбирался. Рассказ сопровождался взрывами хохота и сочувственными репликами слушателей. Когда я закончил свой рассказ, ко мне уже относились как к своему. В ответ я попросил Сергея с Мариной рассказать, сталкивались ли они с чем-нибудь подобным.

– Мы прошли точь-в-точь через такое же интервью, – начал Сергей.

– У них здесь все так. Придумают пакость и повторяют ее без конца, – вставила Марина, которая не могла вынести, что Сергей рассказывает что-то без ее участия. – Да ты и сам это скоро заметишь. У них все расписано до малейших деталей, и они в точности выполняют инструкции.

– И как же вы выбирались? Вы были вместе?

– Нет, каждый проходил в одиночку. Это золотое правило, – продолжала Марина.

– Давай уже точнее. У них здесь два золотых правила, – перебил ее Сергей. Я отметил, что всего за месяц совместной жизни эти двое успели обзавестись всеми вторичными семейными признаками: ругались на кухне и перебивали друг при разговоре.

– Правило первое – устрой другому гадость, как только подвернется возможность. Правило второе – никогда и никому не помогай выпутываться из непри-

ятностей. Вот, пожалуй, и весь здешний моральный кодекс, – задумчиво продолжил Сергей, прикуривая сигарету. (Мои любимые сигареты тоже нашлись в очередном ящике шкафа. Мы втроем набросились на них еще в самом начале вечера, и теперь потрошили уже вторую пачку.) – У меня тоже была эта подсказка, но я не сразу обратил на нее внимание.

– Не заметил Эллу? Не верю! – тоном маститого режиссера перебил я Сергея.

– Нет, Эллочку-то я, конечно, разглядел! – глаза Сергея хищно засверкали. – Такое чудо природы я бы никогда не пропустил. Хороша. Я бы даже сказал, чертовски хороша.

Я почувствовал легкий приступ ревности. Марина что-то прошипела про себя. А Сергей, справившись с воспоминаниями, продолжал:

– Понимаешь, я человек конкретный. И вообще, не мастер я на такие чудеса. Перед тем, как уйти, Тихон завел со мной разговор, как мне казалось тогда, не относящийся к делу. Он сказал, что пока я буду здесь, может возникнуть ситуация, с которой я должен буду справиться самостоятельно. У них, мол, здесь все заняты своими делами, и просьбы о помощи не приветствуются. Здесь заведено так: справляешься сам – значит все хорошо. А не справился с ситуацией – будь добр, предоставь место другому. Конкуренция страш-

ная. Только и ждут, когда кто-нибудь споткнется. Сразу набросятся и затопчут.

– Ну, черти, одно слово, – не удержавшись, подтвердила Марина.

Сергей напустил на себя сердитый вид:

– Молчи, женщина, когда джигиты разговаривают! Саша, ну что мне с ней делать?

– Паранджа. Надень на нее паранджу. Очень, говорят, способствует, – авторитетно объявил я. Однако, перехватив взгляд Марины, почувствовал, что перегибаю палку, и тут же добавил, обратившись уже непосредственно к ней: – Э-э, такую, знаешь, приталенную, с декольте. Или можно мини. Тебе очень пойдет.

Марина снисходительно приняла мою беспардонную лесть:

– Ладно, Сергей, рассказывай, только без твоих аналитических рассуждений. Эти уж мне писатели, все норовят проанализировать каждый шаг, для всего ищут объяснение и причину.

– Писателей? Сергей, ты пишешь? – изумился я.

– А, потом, потом. Дай мне рассказать о беседе-вании...

– Пишет он, пишет, – подтвердила Марина. Затем достала очередную сигарету, прикурила и стала усиленно ей пыхать: мол, я тут не при чем, сижу, курю, никого не трогаю.

– Короче, оставил он меня одного. Я понял, что на помощь мне никто не придет, и надо выбираться своими силами.

– Ну... – я очень надеялся, что Сергей повторил мои эксперименты по проникновению сквозь стену. Это бы развеяло мои подозрения о своем неожиданно прорезавшемся идиотизме, – ...и что ты сделал? Тоже о стенку бился?

– Да нет, я же говорю: я – человек простой. Походил по кабинету и все осмотрел. Над самым столом там есть вентиляционная решетка. Ты ее не видел?

– Нет, – сдавленным голосом произнес я. Диагноз о моем скоропостижном идиотизме подтвердился. – Пол-то исследовал, а вот наверх я не посмотрел.

– А зря. Я поставил кресло на стол, и оттуда достал до решетки. Снял ее, ухватился за край, подтянулся и попал в вентиляционную шахту. Она оказалась достаточно большой, чтобы я смог пролезть. Через несколько метров увидел другую решетку, вынул ее и прыгнул прямо на голову Евлампии. Ему это, по моему, не очень понравилось. Но он ничего не сказал.

– Слушай, может, поэтому он нас так плохо кормит? – оживилась Марина.

– А я вот завтра ему пригрожу, что еще раз на него прыгну, если он не начнет нас кормить по-человечески.

– Да, да, поговори с ним. А то, видишь ли, пайки у них ограничены, перебои с поставкой земной пищи. А когда хотят, то оказывается, у них все есть. Слушай, – обратилась она ко мне, – может быть, тебя, как иностранца, по другой категории поселили?

– Ага, – усмехнулся я. – По самой высшей. Рядом с сортиром. Особая привилегия, меньше бегать приходится.

– Действительно, Марин, ну какая другая категория, когда он в той же общаге, через стенку от нас?

– Ну и что? Ты же знаешь чертей. Поместили нарочно рядом, а холодильник забили всякими деликатесами, чтобы мы смотрели, как он лопает, а сами слюнку глотали! – Марина, как женщина, тонко чувствовала любые адские замыслы.

– Это ерунда. Сначала мы опустошим мои запасы, а потом посмотрим, – решительно сказал я. – Завтра мы с Серегой перетащим мой холодильник на кухню и переведем в общее пользование. Еще на еде мы не сэкономили! Ты лучше расскажи, как сама выбиралась из комнаты. Ты ведь по вентиляции лазить не будешь, я правильно понял?

– Конечно. Куда мне до этого Шварценеггера, – Марина взяла новую сигарету и прикурила ее от остатков предыдущей. – Из чего они их делают, из пороха что ли? Не успела закурить, как уже закончилась.

– Не отвлекайтесь, мадам, клиент потеет и соскальзывает, – процитировал Сергей.

На этот раз анекдот оказался мне знакомым. Мы выпили еще по одной за то, чтобы не потеть или, в крайнем случае, не соскальзывать. Потом Марина рассказала свою версию.

Она сразу же обратила внимание на то, что в кабинете отсутствовала дверь. И насторожилась. С Тихоном она вела себя как положено молоденькой симпатичной дурочке: хихикала, кокетничала, показывала ножки. А сама внимательно следила за происходящим. Эллочка при ней приходила два раза, и Марина сразу поняла, что без специальной подготовки в этот кабинет и не попасть, и не выйти. Когда Тихон исчез, оставив ее в кабинете одну, Марина долго не размышляла. Она пересела в его кресло и, повернув голову к шару, сказала: «Эллочка, милая, зайдите ко мне, пожалуйста». Буквально через секунду в кабинете появилась удивленная Элла. Марина вышла из-за стола и завела с Эллой знаменитый женский разговор, спросив о том, как Элле удастся так удачно накладывать грим. Польщенная Элла стала рассказывать. Марина ахала и поддакивала ей, восторгалась и причитала, что, мол, ей никак такое не удастся. Не уставая повторять, как ей понравилась Элла, и как она будет рада, если они станут подругами, Марина обняла ее и

повела по направлению к выходу. Точнее, к той стене, из которой Элла появилась. Элла, которая посвящала Марину в свои косметические секреты, так увлеклась, что и не заметила, как вышла из кабинета и вывела вместе с собой Марину. Пришла она в себя только от грозного взгляда Евлампия, который, конечно же, наблюдал за всем происходящим из приемной. Но Марина уже была на свободе. Элла до сих пор не простила ей этого трюка, и отношения у них очень натянутые.

– Ну вот, – сказала Марина, закончив свой рассказ. – Помяни черта, и он тут как тут. Все, я пошла в ванную, и спать. Приберемся завтра.

Мы с Сергеем недоуменно переглянулись.

– Саша, можно вас на минуточку? – раздался за моей спиной голос, который я сегодня очень хорошо запомнил.

Я обернулся. В дверях стояла Элла. Та самая секретарша Элла, которая произвела на меня такое впечатление. Мимо нее, с красным от возмущения лицом, протискивалась Марина.

– Я хотела помочь вам устроиться. Вы не покажете мне вашу комнату?

Я поднялся и, не видя ничего вокруг, подошел к Элле. Она немедленно взяла меня под руку и с независимым видом повела в коридор. Я успел только по-

вернуть голову и невнятно пожелать всем спокойной ночи. В ответ я получил неясное бормотание и завистливо-обалделый взгляд Сергея. Марина сделала вид, что не услышала. Мы прошли по коридору и молча вошли в мою комнату. Когда дверь за нами закрылась, я неопределенно махнул рукой и сказал:

– Вот здесь меня и поселили. Я, в общем-то, еще не устроился. А вас Евлампий прислал мне помочь?

Элла пристально посмотрела на меня. Она подняла руки, обняла меня и поцеловала в губы. Когда мы прервались, чтобы перевести дыхание, ответила:

– Не обижай меня, пожалуйста. Это в мои служебные обязанности не входит.

Глава 6

Церемониймейстер:

(хлопает в ладоши)

Эй, все ко мне!.. Сегодня – плотный график!..

Прыжки в мешках!.. И песни у костра!..

(Л. Филатов, «Еще раз о голом короле»)

Проснувшись утром, я не застал Эллу рядом. Это было очень обидно, но я подумал, что, наверное, еще увижу ее сегодня. Все к лучшему. Предстоял первый день на новой работе, и мне не стоило отвлекаться. Вспомнив рассказы Сергея и Марины, я понимал, что надо быть начеку. С другой стороны, я совершенно не мог даже представить себе, какие пакости меня могут ждать, поэтому решил довериться кривой, которая обязательно вывезет. Ночь, проведенная с Эллой, настроила меня на оптимистическое восприятие мира. «Ну, что ж, – сказал я себе, – пока все совсем неплохо».

Я привел себя в порядок и выглянул на кухню. Марины с Сергеем там не было. Их комната тоже была пуста. Видимо, они уже переняли стиль общения у чертей, и не собирались мне помогать. Я наскоро перекусил и вышел из общаги. Первым делом оглядел-

ся. Когда Евлампий вчера доставил меня сюда, было уже темно. Теперь я решил осмотреть все в неярком утреннем свете. Окружающий пейзаж не радовал.

Здание общежития стояло на небольшом пятачке залитой асфальтом земли. Перед единственным подъездом стояла скамейка, возле скамейки – урна. Фонарь с разбитой лампочкой завершал архитектурный ансамбль. Кроме этого вокруг ничего не было. В буквальном смысле ничего – в десятке метров от подъезда земля просто кончалась. Дальше виднелась серая муть. В этой мути были видны странные здания и непонятные сооружения, плавающие в пустоте. Единственная аналогия, которую я смог придумать для этого сюрреалистического пейзажа, был пояс астероидов. Видимо, такую картину будут наблюдать там космонавты.

Однако время поджимало и я, вспомнив инструкцию Евлампия, стал искать телефонную будку. Она нашлась там, где он и обещал: сразу за углом здания. Обычная телефонная будка с выбитыми стеклами и телефоном с оторванной трубкой, криво висевшем на одном винте. Я зашел в будку. На полочке под телефоном лежала толстая потрепанная книга. Называлась книга «Справочник телефонных абонентов. Урюпинск 1968 г.». Я оценил непритязательность навязчивого юмора и открыл справочник на букве «Е». Там

значилась одна-единственная запись: «Евламий – 052-6593941». Я полистал справочник. Все страницы, кроме этой, были пустыми. Вариантов выбора у меня не оставалась. Я набрал номер Евлампия на скрипучем диске и стал ждать, что будет.

Произошло следующее. У меня возникло ощущение, что меня стукнули по голове кирпичом, предварительно завернутым в поролоновый матрац. На мгновение я потерял сознание, а когда очнулся, то обнаружил, что стою в той самой приемной, в которой вчера меня встретил Евламий.

Телефонная будка оказалась чем-то вроде телепортационной кабины, о которых я так много читал в детстве, когда увлекался фантастикой. Интересно, что тогда эти телепортационные кабины у меня ассоциировались именно с повсеместно торчавшими будками телефонов-автоматов. В моей голове пронеслась мысль, вызванная этой ассоциацией, и смутное подозрение, которое, впрочем, тут же пропало.

Я увидел Эллу и отбросил все посторонние мысли. Она сидела за столом, всем своим видом показывая, что мы не знакомы.

– Здравствуйте, Александр Леонидович, – проговорила она тем голосом, которым секретарша шефа разговаривает с только что принятым на работу консультантом по мат. обеспечению. – Евламий уже

ждет вас, проходите пожалуйста.

Элла показала мне на дверь, слева от нее. И глазами добавила: «давай проходи, соблюдай конспирацию, вечером увидимся». Я вошел в кабинет. В отличие от кабинета его начальника, у Евлампия все было просто и строго. Не дожидаясь, пока я осмотрюсь или хотя бы поздороваюсь, Евлампий поднялся мне навстречу и предложил следовать за ним. Мы вышли из кабинета через другую дверь и оказались... в тюрьме. От неожиданности я так громко ойкнул, что Евлампий меня услышал.

– Экий вы, право, нервный, батенька, – обернулся ко мне Евлампий. – Ну, тюрьма, а что же вы собирались увидеть? Райские кущи? Так это чуть повыше. Кхе, кхе... А у нас тут по-простому, знаете ли. Так что проходите, не стесняйтесь, и не беспокойтесь – вам здесь не сидеть, а только работать. По крайней мере, пока. Кхе, кхе...

Мы прошли по коридору мимо пустых камер.

– Арестанты на занятиях, – неопределенно пояснил Евлампий.

В конце прохода мы свернули налево, и Евлампий открыл дверь в большую комнату:

– Вот ваше рабочее место.

Это был обычный школьный класс, со столами в два ряда, коричневой, с отклеивающимся линоле-

умом, доской на стене, и учительским столом рядом с доской, у окна. Окно, чему я не удивился, выходило в раскаленную безжизненную пустыню. Вулканов поблизости не наблюдалось; это, похоже, было привилегией руководящего состава. Меня такое обстоятельство устраивало. Еще занавесочку какую-нибудь придумаю, и станет совсем уютно. В дальнем от входа углу лежала гора ящиков с компьютерами. Я подошел поближе и не поверил своим глазам. Это были самые ранние варианты персональных компьютеров: древние слабенькие машины, с крошечной памятью, без жестких дисков, с быстродействием механического арифмометра.

– Это что за хлам? – спросил я Евлампия.

– Это ваши компьютеры. Тихон Велесович вчера рассказал, что вам следует создать у нас сеть для хранения документации и ведения служебной переписки.

– Помилуйте, Евлампий, какая сеть, какая переписка? Где вы взяли эти реликты? На них можно только напечатать «мама мыла раму», да и то одним цветом, печатными буквами.

– Ну, вот и печатайте. В общем, приведите здесь все в порядок, а с завтрашнего дня, начнете занятия.

– Занятия? Какие занятия? С кем?

– С нашими служащими, конечно. Обучите их поль-

зоваться последними земными достижениями.

Евлампий повернулся к выходу. Наученный вчерашним опытом, я понял, что сейчас он уйдет и предоставит мне самостоятельно выпутываться из всего этого. Я встал между ним и дверью.

– Евлампий, вы не уйдете отсюда, пока...

Что это за «пока», я не успел договорить. Евлампий на моих глазах просто растаял в воздухе. Только откуда-то сверху донеслось едва слышное «кхе, кхе». Я остался один.

«И что мне со всем этим делать?» – спросил я себя. Я давно забыл, как работать на таких устаревших моделях. Да и не сделать на них ничего из того, о чем просил Тихон.

«Сооружу-ка я здесь компьютерный класс, как это делают в школах, – в конце концов решил я. – Запущу то, что есть, посажу чертей, пусть проходят ликбез. Даже полезно начинать с самых простых моделей. А если начальство будет возникать, потребую другие компьютеры. А пока установлю эти».

Не торопясь, я стал распаковывать компьютеры и расставлять их на столах. Процесс распаковки шел туго. Мне приходилось вскрывать коробки, доставать оттуда тяжелые системные блоки и не менее тяжелые дисплеи, затем освобождать их от плотной пенопластовой упаковки и водружать на столы. После четвер-

того компьютера я решил передохнуть. От непривычной работы я вспотел и запыхался.

– Объявляется перекур, – сообщил я вслух и, усевшись за учительский стол, закурил. Я курил и с тоской смотрел на почти не уменьшившийся штабель не распакованных коробок. «Так дело не пойдет, – подумал я. – Раз здесь все такие крутые, то и мне нечего корячиться, таская эту тяжесть. Пусть сами встают на свои места».

Решив, что терять мне все равно нечего, я грозно нахмурился и обратился к штабелю. Откуда-то в моем голосе появилась наглая уверенность в том, что мои приказы будут немедленно исполнены. Так разговаривают в основном сержанты-старослужащие с солдатами-первогодками. Только терминология у меня была все же не сержантская. Это был скорее массовик-затейник заводского пригородного профилактория:

– А ну-ка маленькие мои, быстренько взялись! Самостоятельно распаковываемся и устанавливаемся на столах! Живенько, живенько, ребятки!

Я настолько обнаглел, что даже не удивился, когда крышка верхнего ящика раскрылась, и из него медленно выплыл компьютер. Прямо как был, в пенопластовой упаковке, он медленно, как бы нерешительно, поплыл по воздуху к ближайшему свободному столу.

– А ну стой! – крикнул я. – Ты что собрался вот так, в упаковке, на стол вставать?

Компьютер остановился и нерешительно закачался в воздухе. Я был готов поставить сто к одному, что ему стало стыдно, но он не совсем понял, что от него требуется.

– Выбрось этот пенопласт, – подсказал я ему.

До компьютера, наконец, дошло. Неуловимым движением, – подобно тому, как отряхивается мокрая собака, – он передернулся, и фигурные пенопластовые упаковочные пластины отлетели от него в стороны. Одна из них просвистела в полуметре от меня.

– Эй, осторожнее! – прикрикнул я на него, и компьютер на мгновение послушно замер в воздухе, а потом аккуратно опустился на стол.

– Ну, а вы чего ждете? Отдельного приглашения? – на этот раз дремавший во мне сержант проснулся окончательно. Я заорал в полный голос: – А ну, живо разобрались по своим столам! Упаковку оставить в коробках, коробки закрыть и сложить в углу кабинета. Выполнять!..

Через минуту я уже и сам был не рад, что сказал это. Отреагировав на мой внезапно прорезавшийся командный голос, компьютеры решили исполнить приказ как можно быстрее. Все коробки распахнулись одновременно: нижние компьютеры не стали ждать,

пока их верхние товарищи выберутся из упаковки и установятся на столах, а тоже решили выбраться на свободу. Из-за этого все коробки просто взлетели в воздух экзотическим картонным фонтаном. Я понял, что если не принять немедленных мер, то этот фонтан сейчас обрушится обратно на пол.

– Стоять!!! – что есть сил, заорал я. Коробки послушно застыли в воздухе. – Эй, вы, олухи царя небесного! А ну, живо по своим местам! Устанавливаться всем по очереди, не создавая толкотни. Не нарушать безобразие!..

Испуганные коробки аккуратно опустились на землю. Я почувствовал, что сорвал голос и, возможно, теперь до самого вечера буду разговаривать только шепотом. «Где это вы, любезный, голос сорвали?» – «Да вот, надорвался, таская компьютеры». Да уж. Зато на коробки теперь было любо-дорого смотреть. Крышка верхней коробки в штабеле откидывалась, из нее выплывал компьютер и вставал на свободный стол. Пустая коробка аккуратно складывалась и ложилась плоским листом картона в свободный угол. Затем открывалась следующая, и процесс повторялся. Стопка пустых коробок росла, а компьютеры, один за другим, вставали на столы. Я с довольным видом сидел на учительском стуле, закинув ногу на ногу, покуривал и напевал военный марш, дирижируя рукой с зажжен-

ной сигаретой. Я чувствовал себя полковником, мимо которого, рота за ротой, маршировал его полк. Периодически я подбадривал компьютеры: «хорошо, ребятки, молодцы!». От каждой такой похвалы коробки начинали радостно дрожать, ускоряя темп работы. Пока я докуривал вторую сигарету, все было готово.

Я с довольным видом обошел класс. Столы были выставлены идеально ровно, будто их подгоняли по линейке, или, скорее, по натянутой веревке, как это принято в подобных заведениях, – то есть в армии и в тюрьмах. Мои компьютеры тоже не подкачали. Они установились на своих местах с точностью до сантиметра и создавали не менее, если – не более совершенную прямую. Дисплеи стояли сверху на плоских системных блоках, точно посередине. Угол наклона у всех экранов был одинаков, будучи выверенным с точностью до градуса. Клавиатуры лежали перед компьютерами на абсолютно одинаковом расстоянии. Я внимательно осмотрел обе шеренги. Мне показалось, что компьютеры застыли по стойке смирно, и даже пытаются сделать равнение на середину. Мне стало их жаль, и я скомандовал:

– Вольно! Благодарю за службу!

Внешне ничего не изменилось, но я почувствовал, как по комнате пронесся неслышный, но явственный вздох облегчения. «А ведь у нас все получится, – по-

думал я. Теперь они за меня в огонь и в воду. Может и сеть смогут потянуть, чем черт не шутит. Вот именно, – повторил я, – именно черт, и именно шутит...».

Закончив работу, я решил зайти к Евлампию и обсудить с ним дальнейшие планы. Это был хороший предлог для появления в приемной: на самом же деле я надеялся застать там Эллу. Я открыл дверь класса и вышел. Но я все еще недооценивал чертей. Вместо приемной, я оказался у себя в общежитии. Сначала я решил, что неправильно сработала система, и решил вернуться в приемную. Вышел из общежития и подошел к телефонной будке. Телефонная книга лежала на месте. Я втиснулся в будку и набрал уже знакомый номер. В ответ телефон громко зашипел и захрюкал противным голосом:

– Абонент недоступен. Попробуйте другой номер.

Я очень удивился. Затем взял с полки книгу и открыл ее. Страница, на которой утром значился номер Евлампия, была девственно чиста. Я внимательно рассмотрел страницу под всеми углами, проверив соседние. Сомневаться не приходилось: номера не было. «Отлично, – подумал я. – Как же мне завтра добраться до работы? Что там мне телефон бормотал про другой номер?..». Я стал перелистывать книгу. Все страницы, как и утром, были пустыми. Наконец, на букву «К» нашлась запись – компьютерный

класс при тюрьме 48572/594 РБ, преподаватель Александр Леонидович. Я разочарованно опустил руки. «Мне указали на мое место, – понял я. – Вчера Евлампий устроил меня в общежитие, а сегодня отправил на работу. Больше мне ничего знать не положено. Здорово они тут все организовали. Дом-работа, работа-дом. Мечта трудящихся. Никаких отклонений от генеральной линии. И, главное, никаких несанкционированных визитов подчиненных к начальству. «Абонент недоступен» – и все. Вершина организованности».

Так и завершился мой первый рабочий день. Мне не оставалось ничего другого, кроме как провести вечер в общаге. Я вернулся в дом. Не торопясь, помылся, переоделся. Марины с Сергеем все еще не было. Я подумал, уж не перевели ли их куда-нибудь в другое место. Но не стал давать волю упадническим настроениям и отправился на кухню. Есть мне еще не хотелось; к тому же, я надеялся дожждаться остальных. Я решил попить чайку. Вскипятил воду, заварил чай и налил себе в чашку. Поставил ее на стол и сел сам, пытаясь устроиться поудобнее на жестком кухонном табурете. Отхлебнул из чашки и остался доволен: чай получился что надо. Оставалось добавить сахар. Положив в чашку несколько кусочков сахара из сахарницы, стоящей передо мной на столе, я вдруг обратил внимание, что она по-прежнему оставалась полной.

Я удивился и стал вытаскивать из нее сахар, кусок за куском, но оставшиеся продолжали лежать там горкой, которая слегка выступала за ободок. Однако сама сахарница, как мне показалось, слегка уменьшилась в размерах. Меня охватил зуд экспериментатора. Я поставил сахарницу на салфетку и оглянулся в поисках чего-нибудь пишущего. Ничего такого я не нашел, а возвращаться в комнату за ручкой не хотелось. Тогда я очертил контуры сахарницы ногтем и приступил к делу. Я стал возвращать в сахарницу вынутые куски. В один неуловимый миг уложенный мной кусок сахара проваливался куда-то в глубину сахарницы, и горка кусочков оставалась неизменной. Но сама сахарница увеличилась, чтобы вместить в себя дополнительный объем. Поэкспериментировав с десятком кусочков, я убедился окончательно: внешне сахарница и сахар всегда выглядели неизменно. Только размеры сахарницы уменьшались или увеличивались, в зависимости от количества сахара в ней. Обнаружился и еще один интересный факт: никакие другие предметы, кроме сахара, сахарница не принимала. Посторонние предметы просто скатывались вниз по горке из кусочков и вываливались наружу. Так же повела себя и половинка сахарного кусочка, которую я пытался туда положить. Сахарница принимала только сахар, и только целые куски. Тогда я решил довести опыт

до конца. Как поведет себя сахарница, если из нее вынуть весь сахар? Я приступил к опыту. Собственно, опыт был чрезвычайно прост и закончился вполне закономерно. Если бы я дал себе возможность хоть на минуту задуматься перед тем, как начать действовать, я бы сам предугадал результат. Когда я вынул из, ставшей совсем уже крошечной, сахарницы последний кусок сахара, она едва слышно пискнула, и с легким хлопком, исчезла.

– Ну вот, мы опять остались без сахарницы, – раздался за моей спиной смех Сергея. – Почему-то каждый, кто видит ее впервые, считает своим долгом поизмываться над ней. От меня ей тоже досталось.

Я с виноватым видом развел руками:

– Ну, интересно же!

В это время из-за спины Сергея появилась Марина. Кинув на меня уничтожающий взгляд, она подошла к кухонному шкафу. Чем она там занималась, мне видно не было. Повозившись пару минут, Марина повернулась к нам лицом. В руках у нее была пустая сахарница, очень похожая на ту, которую я довел до самоуничтожения. Марина не просто держала ее в руках, а нежно, как бы успокаивая, поглаживала. Приглядевшись, я заметил, что сахарница слегка вибрирует. Я спросил Марину, чувствует ли она эту вибрацию.

– Как тебе не стыдно! «Вибрация»! Она, бедняжка,

до сих пор дрожит после встречи с тобой. На, варвар, возьми ее, успокой и положи в нее сахар. И больше ничего на кухне не трогай без моего разрешения. А то спалишь все общагу к чертовой бабушке.

Я осторожно поставил сахарницу на стол, аккуратно переложил в нее кусочки сахара, сиротливо лежавшие возле меня на столе. Наполнившись, сахарница успокоилась и перестала дрожать. Однако я был готов поклясться, что она по-прежнему бросала на меня враждебные взгляды.

– Маринка очень ее любит и гордится ею. Это – ее первая поделка. А вообще, ты действительно будь тут поосторожнее. У нее вся кухня механизирована подобным образом. Я и то чувствую себя здесь, как на минном поле, – объяснил Сергей, усаживаясь рядом со мной за стол. – Ну, как прошел первый рабочий день?

Я рассказал, как заставил компьютеры самостоятельно распаковываться и устанавливаться на столах в классе.

– Здорово, – восхищенно сказал Сергей. – Я бы до такого не додумался.

– Ничего особенного, – отозвалась, стоя у плиты, Марина. – Я всегда говорила, что самый главный стимул прогресса – это человеческая лень. Тебе это не трудно, ты гору можешь перетаскать за полдня, и да-

же не заметишь, что работал. А Саша – человек интеллигентный, хрупкий. Ему надо здоровье беречь. Вот он и компенсирует мозгами отсутствие мускулов.

Мы с Сергеем переглянулись. В ответ на мой удивленный взгляд, он шепнул:

– Не обращай внимания. Это она дуется за сахарницу.

– Однако, грозная она у тебя! – ответил я ему глазами.

– И не говори!

В это время Марина уже ставила на стол готовый ужин. Еда была приготовлена подозрительно быстро: очевидно, Маринина кухонная механизация действительно не ограничивалась одной только сахарницей.

– И вообще, – Марина продолжила начатую мысль, – это и есть те самые знаменитые еврейские мозги.

Она уселась напротив и пристально посмотрела на меня:

– Слушай, Александр, а почему ты вообще здесь? Ведь это же – православный сектор. Ты что, крещеный?

– Да нет, я вообще никакой. Был советский, стал израильский.

– Но почему ты попал сюда, к русским? Тебе, по моему, надо было в свой, еврейский ад.

– Разве я тебе уже надоел?

– Да нет, что ты, я очень рада тебе. Просто, понимаешь, это как-то неправильно.

– А, по-моему, все правильно. Видишь ли, в иудаизме понятие ада совершенно иное. Там вообще нет такой конкретики, как у христиан. Я даже не представляю себе, какой он, этот еврейский ад. А тут мне все знакомое, родное какое-то.

Я усмехнулся, достал сигарету и закурил, задумавшись. Странная мысль мелькнула в голове и пропала. Что-то во всем этом было не так, но я не мог понять, что именно. Я действительно никогда не задумывался о том, какой именно ад мне положен, тем более – как он будет устроен. А если и задумывался, то представлял его именно таким, какой он здесь. Эти представления были сформированы, в основном, комиксами и более серьезной, но тоже не религиозной, литературой. Тревожный звоночек в голове тренькнул и утих.

– Видимо, это очередной местный подвох, – сказал я с беззаботным видом. – Прибавляет ситуации особую пикантность. И потом, куда же меня еще девать? Родной язык у меня русский, воспитание – советское; ну какой из меня иудей после всего этого?

Когда отсмеялись, я спросил, почему они не дождались меня утром. Оказалось, что именно в это утро Евлампий потребовал, чтобы они явились на службу

на час раньше, поскольку надо было срочно что-то доделать. Это «что-то» оказалось явной ерундой, которую можно было сделать и в девять, и в десять.

– Или вообще не делать, – уточнил Сергей. – Он просто хотел вытащить нас из общаги пораньше, чтобы ты остался один.

Я кивнул. Этого и следовало ожидать. Евлампий начал свою психическую атаку с самого утра. Но у него ничего не вышло. Я был доволен сегодняшним днем, и полон энтузиазма встретить своих новых учеников.

Глава 7

Я был доволен, дней мне не хватало, и жизнь моя была полна смысла.

(А. и Б. Стругацкие, «Понедельник начинается в субботу»)

Неделя пролетела быстро. Мое время было заполнено днем работой, а вечером – посиделками на кухне с Мариной и Сергеем. Ближе к ночи появлялась Элла, и мы уходили ко мне. Несмотря на все мои просьбы, Элла никогда не садилась с нами на кухне. Впрочем, Марина не делала секрета из того, что не желает видеть Эллу. Я так и не разобрался в отношениях между двумя женщинами. Насколько я помнил, это Марина подставила Эллу и, пожалуй, той следовало проявлять враждебность. Но именно Марина демонстративно не замечала Эллу, когда та заглядывала на кухню и здоровалась со всеми. Однажды, улучив момент, когда поблизости не было Марины, я спросил Сергея, как мне быть в этой ситуации.

– Главное не дергайся. Бери пример с меня.

– А что ты делаешь?

– Ничего. Делаю вид, что ничего не замечаю.

– Но ведь неудобно как-то, напряг ненужный.

– А ты не напрягайся. Если попытаешься влезть

между ними, они вмиг подружатся, и вместе начнут воевать против тебя.

– Наверное, ты прав, – вздохнул я, и с тех пор перестал затрагивать эту тему.

Когда появлялась Элла, я дружески прощался с присутствующими и уходил к себе. Я все больше и больше привязывался к ней. Нам было очень хорошо вместе. Она была ласковой и нежной, угадывала все мои желания. Мысль о том, что Элла действует по чьему-то указанию, я быстро отбросил. По указанию или выполняя служебные обязанности, так себя не ведут. Конечно, от чертей можно ожидать всякого, но в этом случае я был уверен, что она приходит ко мне по собственной воле и, так же как и я, весь день считает минуты до встречи.

Меня огорчало только то, что Элла никогда не оставалась со мной на всю ночь до утра, хотя однажды и проговорила, что очень хотела бы уснуть на моем плече. У нее не было времени даже на то, чтобы «поговорить после» – на тот великий ритуал, когда и возникает настоящая близость между мужчиной и женщиной. На духовную близость, которая гораздо важнее близости физической. Элла никогда не оставалась со мной достаточно долго, задерживаясь только чтобы выкурить нашу с ней обязательную сигарету – одну на двоих. Потом она целовала меня и исчеза-

ла. Исчезала в буквальном смысле, как это умеют делать лишь черти.

Зато днем я отыгрывался на чертях, как только мог. На второй день работы у меня уже была группа чертей, которых я обучал премудростям работы с компьютером. Я быстро уловил основной лозунг, витающий здесь. Это был хорошо знакомый мне принцип отношения вышестоящих на служебной лестнице к нижним чинам, а особенно к лицам, этих чинов не имеющих вовсе. Данный принцип является основой существования любой крупной иерархической системы. Вкратце он формулируется так: «начальству важен не столько результат вашей работы, сколько сам процесс». В армии его формулируют еще проще: «мне не нужна ваша работа, мне нужно, чтоб вы мучились». Руководствуясь этим принципом, я и построил свою «чертову» систему образования.

В обучение ко мне поступили охранники той самой тюрьмы. Кому понадобилось обучать работе с компьютерами полуграмотных чертей, всю жизнь шуровавших серу и уголь в топках под котлами – я задумываться не стал. Руководство сказало «надо», и я принялся выполнять свои обязанности, стараясь получить при этом максимум удовольствия.

Учитывая мое душевное состояние, я был чрезвычайно рад возможности отвести душу и избавиться от

накопившихся отрицательных эмоций. Судя по тому, с каким энтузиазмом я взялся за организацию учебного процесса, а особенно – за оснащение его всевозможными мелкими пакостями, – можно судить о том, сколько этих эмоций у меня накопилось. Нисколько не смущаясь, я выплескивал на чертей избыток своих негативных ощущений. Пожалуй, только патологическому гуманисту, который борется за право бройлерных цыплят жить на один день дольше, чем это предписывает технологический процесс, придет в голову корить меня за те маленькие гадости, что я им устраивал.

Ученики мои были народом дисциплинированным, и тщательно выполняли все инструкции, поступающие «снизу». Чинопочитание для них являлось основным и непреложным законом существования. Поскольку я был для них начальством, то все мои распоряжения выполнялись мгновенно. Мне смотрели в рот, меня ели глазом, стараясь предугадать любой мой каприз. Такое отношение со стороны подчиненных не могло не принести свои плоды. У меня развились барские, абсолютно не свойственные мне в обычной жизни, привычки. Я курил прямо в классе во время занятий, а прикурить мне подносил дежурный. На столе у меня всегда должна была стоять чашка горячего чая со свежей булочкой. В лучших армейских

традициях, отдавая это распоряжение, я не подумал, как мне все это раздобудут в тюрьме, в которой вообще нет кухни. А ведь приносили!

Сам процесс обучения был чрезвычайно прост. Я сразу же понял, что компьютер нужен моим ученикам так же, как вторая пара рогов. С другой стороны, им было дано указание заниматься, и они были готовы выполнить его самым тщательным образом. Прикинув их интеллектуальные возможности, я установил на компьютерах самые простые программы для печати и обработки текстов, и стал их учить машинописи. Черти оказались очень близорукими, и старались устроиться как можно ближе к экрану. Они наклоняли головы так, что упирались рогами прямо в стекло экранов. «Интересно, – подумал я, когда впервые увидел это, – не отсюда ли пошло наше выражение «упираться рогом»?».

Так или иначе, но зрелище здоровенных чертей-охранников, склонившихся над клавиатурой, и старательно искавших нужную клавишу, наполняло мое сердце гордостью. Эти высунутые от напряжения фиолетовые языки. Эти виляющие под столом хвосты и нервное постукивание копыт. Не всякому удастся так командовать. Заметив, что чертям трудно печатать на клавиатуре, я стал задавать им длиннющие диктанты. Я завел специальный журнал, в котором

ежедневно ставил оценки. Оценивал работы очень строго: журнал пестрел неудами. Туда же заносил все замечания, на которые не скупился. Я настолько проникся местными традициями, что к концу недели уже орал на дежурного, когда к моему приходу черти выстроились в недостаточно ровную шеренгу, и заставил их повторить эту процедуру раз пять, пока построение меня не устроило.

Распорядок дня был простой: каждое утро мы по очереди входили в телефонную будку и отправлялись на работу, а вечером возвращались в общагу и встречались на кухне. Ужин обычно растягивался на весь вечер, мы засиживались допоздна. Это стало своего рода ритуалом. Если не считать того, где именно это происходит, то ничего странного или особенного в наших посиделках не было. Просто собрались друзья после работы и треплются на кухне. Разве что проскальзывали в разговоре названия незнакомых этому наблюдателю мест или наши специфические рабочие термины. А, впрочем, в какой нормальной компании нет своей собственной терминологии? И кто хоть раз не называл чертями своих сослуживцев или, особенно, начальство?

Тихо на кухне никогда не было. Мы удивительно быстро нашли общий язык, и треп не утихал ни на минуту. Я просил Сергея с Мариной рассказывать, чем

они занимаются на работе. Я все еще не мог понять, что происходит вокруг: зачем мы здесь, что мы тут делаем? И кто кого, в конце концов, надул? Именно этот вопрос мне не давал покоя больше всего. Однако я поостерегся задать его напрямую, чтобы вновь не получить от Марины что-нибудь вроде «еврейской ментальности». Поэтому я просто расспрашивал их обо всем подряд, стремясь накопить побольше информации. О работе Марина с Сергеем рассказывали мало, без увлечения. Как я понял, Сергей был кем-то вроде физрука, а Марина составляла телевизионные программы для осужденных.

С этого и начался наш обычный треп в пятницу вечером. Рабочая неделя закончилась, и в преддверии выходных можно было расслабиться и посидеть подольше.

– Ненавижу телевизор! – с чувством произнесла Марина. – Когда начали показывать самый первый бразильский сериал, как сейчас помню и название, и имена всех героев, – мы садились всей семьей и смотрели. Через две серии я стала всерьез задумываться: или я идиотка, или – телевизионщики. Потом поняла, что идиоты, все-таки – те, кто это смотрит, а телевизионщики – просто большие проныры. Эти сволочи рассчитали все точно: сериал был снят как раз на том уровне, на котором судачат про соседей домо-

хозяйки на кухне или две подруги моют кости третьей по телефону. Стало быть, эти сериалы, кроме захватывающего зрелища вечером, дают пищу для разговоров следующим днем. Отказаться от такого счастья ни одна здравомыслящая домохозяйка не сможет.

– А ты, значит, у нас такая интеллектуалка, что никогда не сплетничаешь? – ехидно поинтересовался Сергей.

– Да уж интеллекта у меня побольше, чем у тебя, по крайней мере, – завелась и без того чем-то взвинченная Марина. – Когда я хочу посмотреть нормальное кино, я его смотрю. А разводить сопли над этой murой – извини, подвинься...

Она взяла сигарету, прикурила.

– На самом деле, телевизор я возненавидела из-за свекрови. У меня куча подружек, которые часами пялятся в этот ящик, но то, что проделывала моя свекровь, я не видела больше нигде. Это был настоящий Телезритель. Именно так, с большой буквы. Она была профессионалом в этом деле. Я бы даже сказала еще больше – она жила ради телевизора. Свекровь работала в министерстве культуры, была председателем одной из многочисленных комиссий. Она так и называла себя – «работник культуры». Ее загрузка на службе была минимальной, все обязанности сводились к председательствованию на отчетных собрани-

ях и выборочному посещению заседаний худсоветов, принимающих новые театральные постановки. Сама она театром не интересовалась, относясь к своей работе как к неизбежному злу. Впрочем, она не тратила на нее много времени. В основном она сидела дома перед телевизором – при ее муже это было несложно.

– А кто у нас муж? Волшебник? – я попытался разрядить обстановку.

– Примерно, – кивнула Марина. – Какая-то партийная шишка, ответственный работник, как это у них называется, номенклатура. Должность он имел очень высокую и, кроме непосредственного начальства, не боялся никого на свете. Жена его, уверенная, что осчастливила весь свет уже одним своим присутствием, жила ни о чем не беспокоясь. Домашним хозяйством она себя не утруждала, поскольку мужу полагалась в доме прислуга. Называлось это обслуживающий персонал, что несколько не меняло ни их обязанностей, ни их статуса. И свекровь все свои жизненные силы, хиленькие надо признать, посвятила одной единственной вещи: просмотру телевизора. Зато это она делала великолепно. Телевизор стал для нее главным распорядителем жизненного уклада.

День начинался с того, что она доставала телевизионную программу и разворачивала ее на новой странице. Лицо у нее при этом было как у Карлсона, ко-

торый увидел именованный пирог Малыша. Затем она изучала программу и, сообразуясь с ней, планировала день. Исполнив утренний ритуал, она решала, может ли сегодня выйти на работу или нет. Обычно изучение программы заканчивалось звонком в министерство с указанием перенести назначенную встречу на завтра, или распоряжением провести выездную комиссию без нее. После этого она давала задание прислуге на весь день вперед, чтобы та, не дай бог, не беспокоила во время очередного сеанса. После этого она тяжело вздыхала и усаживалась перед телевизором с видом человека, только что закончившего труды на благо общества, и имевшего право на скромный заслуженный отдых.

– Ну, здорово, у человека есть цель. Распорядок дня еще никому не мешал. А ее отсутствие на работе, по-моему, только принесло пользу местным театрам. Думаю, что без нее режиссерам было только легче.

– Местные театры меня беспокоят меньше всего. Но ее распорядку был подчинен весь дом. К примеру, даже еду подавали только тогда, когда ничего не было по телевизору. Я не говорю уже о том, что все разговоры в гостиной происходили шепотом, под непрерывное гнусавое бормотание переводчика, или приторно сладкие, придурковатые голоса мелодраматических актеров. Пока было всего три программы, где

и смотреть нечего, это было не страшно. Но когда появилось кабельное телевидение и фильмы стали гонять весь день подряд, ее режим достал даже невозмутимого свекра. Кончилось тем, что он поставил второй телевизор в спальне, и мы частенько ужинали без свекрови.

– Ой, как это мне знакомо! – воскликнул я. – Не думай, что ты нашла такого уж уникама. У меня дома остались двое таких.

– А вот и нет! – ответила Марина. – У тебя там наверняка просто нормальные бабы, любительницы сериалов, прилипающие к телику, когда его включают. А моя была профессионалом. Между прочим, все сериалы она смотрела по два раза – утром и вечером.

– А это еще зачем? Она их наизусть учила, что ли?

– Примерно. Она мне объяснила: первый раз она всегда нервничает, очень переживает за героев, поэтому полного удовольствия не получает. А второй раз смотрит уже спокойно: ведь ничего неожиданного теперь не произойдет, – и она может насладиться сюжетом и игрой актеров.

– Ага, сюжет и актерская игра. Где это, интересно, в сериалах встречаются подобные вещи? – спросил я.

– Вот и я о том же. Тогда-то я окончательно прониклась ненавистью к телевизору, к постоянным зрителям и к своей свекрови. Благодаря этой ненависти я и

оказалась здесь. Я столько раз придумывала, как ее можно будет наказать ненавистным теликом, что не удивилась, когда однажды ко мне явился Евлампий и предложил эту работу.

– Что, вот так просто пришел и сказал «а не хотите ли, милочка, поработать у нас в Аду»?

– Ты знаешь, примерно так и было.

– Интересно. Я, например, фактически сам его позвал.

– Это только внешнее. Они наверняка давно за тобой следили. И за всеми нами тоже. Они отбирают людей еще с рождения, а потом наблюдают.

– А иногда и устраивают события, чтобы подтолкнуть нас к принятию решения, – добавил Сергей. – В течение всей жизни они ставят нас в определенные ситуации, как бы прогоняя через тесты. Что это за тесты, что они ищут, я не знаю, но система работает именно так. А уже потом, когда убеждаются, что ты им подходишь, они незаметно подталкивают тебя к решению.

– Ты хочешь сказать, что они специально устроили увольнение в моей фирме лишь для того, чтобы я в сердцах выкрикнул ключевую фразу «к черту, к дьяволу»? Из-за меня одного уволили несколько десятков служащих?

– Вполне возможно. У них другие критерии. Кроме

того, наверное, такое увольнение им помогло еще в чем-то. Они обожают делать пакости. Но во многих случаях им и не нужно ничего предпринимать. Люди сами с успехом доводят друг друга и до более серьезных поступков, чем простое упоминание черта. Иногда возникают ситуации, которые специально подготовить очень трудно.

– Дай я объясню, – продолжала Марина. – По-моему, зло, которое люди творят сами, значительно превышает все то зло, которое адские силы могут принести снаружи. Так что, по большому счету, чертям остается только наблюдать, и в нужный момент явиться к нужному человеку. И все. А это увольнение ваш хозяин прекрасно придумал самостоятельно, и никакой черт ему не был нужен. Евлампий не стал бы ради тебя одного так возиться. Он прекрасно знал, что ты и так – его.

Теперь паузу взял я.

– Подожди, дай сообразить. Ты говоришь – зло. Но какое зло было в твоей свекрови? На самом деле, она совершенно безобидный человек. Ну, со своей слабостью, ну, сидит, уткнувшись в экран, так ведь полстраны сидят в этой позе! Я, в конце концов, тоже полжизни провел перед экраном, то на работе, то дома.

– Ты что-то делал, ты работал, а она впустую плянется на движущиеся картинки! Именно, как ты выра-

зился, нашла удобную позу и балдеет.

– Ну и что, ты ей не судья, дорогая моя!

– Я тебе не дорогая, и не твоя!

– Все, брэк, брэк! – вмешался Сергей. – Без моей команды здесь никто больше ничего не говорит.

– Договорились, – поддержал я его. – Лучше помолчим. А ты расскажи нам, как сюда попал, я же толком о тебе ничего и не знаю...

Глава 8

Рассказ Сергея

Кто хочет на Колыму —

Выходи по одному!

Там у вас в момент наступит

Просветление в уму!

(Л. Филатов, «Про Федота-стрельца»)

Дружил я в то время с одной семьей. Нормальная хорошая семья, такие у них между собой были добрые уважительные отношения. Я редко подобное видел. И то издали. А к этим сразу потянулся. Познакомились мы, в общем-то, случайно, но вскоре из этого выросла настоящая дружба. Ну, дружба была, конечно, с хозяином; с женой так — здрасьте, прекрасно выглядишь, что нового, до свидания. А вот с мужем я дружил по-настоящему. Каждый из нас, видимо, приходил в другом те черты характера, которые хотел бы иметь сам. Поэтому мы так и потянулись друг к другу, как бы пытаюсь составить из двух ущербных половинок одно нормальное целое.

Странно, наверное, это выглядело со стороны. Я — здоровый русский парень, с характерным разбитым боксерским носом. А он — щуплый еврейский музыкант, скрипач. Как говорили в то время, хороший маль-

чик из приличной еврейской семьи. Он, можно сказать, сделал карьеру. Ну а как иначе назвать ситуацию, когда человек достигает того, к чему стремился и готовился с детства? Он окончил музыкальную спецшколу, затем консерваторию, и теперь он вторая скрипка в Республиканском симфоническом оркестре. Играет «Лебединое озеро» на утренниках для школьников, да на партийных приемах. А в остальное время – шедевры местных композиторов, национальных кадров, писавших свои эпические произведения на основе простеньких национальных мелодий.

Он, похоже, и сам был не рад всему этому, и только недоумевал: столько лет учебы, столько сил отдано, а что в результате? В зарубежные гастроли его не выпускали даже с самым большим составом. Камерную музыку их начальство по каким-то своим соображениям не любило, никаких «квартетов-шмартетов» не признавало. Раз есть оркестр, сказала начальство, то должны играть все вместе. А остальное – баловство. Джазисты его не брали – много им там скрипок-то нужно? Рок музыку он не любил, не понимал ее, как не понимал и всей атмосферы роковых тусовок. Позже, когда у них родился сын и с деньгами стало совсем плохо, он начал искать возможность работы с ресторанными музыкантами. Это был бы верный кусок хлеба с маслом, да еще и с икрой. Но при мне у него так

ничего и не вышло. Там конкуренция выше, чем в консерватории.

Так он и жил. А ведь сколько радостей из-за этого потерял! С самого детства, когда после уроков все отправлялись в кино, он должен был идти в музыкальную школу. А сколько в футбол не добежал? Сколько раз во время самой интересной уличной игры выходила бабушка и звала его играть гаммы. Сколько девчонок он не поцеловал, потому что надо было делать домашнее задание по сольфеджио. Знал бы он, что недобеганное в детстве и недоцелованное в юности оплатит ему во взрослом возрасте ранними болячками да неврозами. И, главное, было бы ради чего так жертвовать собой. Счастье его в том, что он так и не понял, чего его лишили в детстве. Может, он и догадывался, но никогда не говорил об этом, попросту не заводил таких разговоров.

Звали его Ариком. Что за имя такое, я сначала не знал. Но звучало оно для меня странно, по-собачьи. Арик-Шарик. Мужуку за тридцать, а он все Арик да Арик. И ведь не только дома, а и на работе он тоже был Ариком, и все улица его только под этим именем и знала. Спросил я его как-то за бутылкой – мол, почему ты полное имя не используешь, а он посмотрел на меня своими черными печальными глазами и говорит: «Знаешь, величать меня по имени-отчеству еще ра-

но, а просто Арон получается еще хуже, поверь мне». Я поверил.

Я часто бывал у них. Особенно когда сам женился. Они жили в старом одноэтажном доме с двориком. Летом я брал жену и сынишку, и мы ехали к ним в гости на весь день, как на пикник. У Арика к тому времени тоже родился мальчишка. На полгода отстал от моего. Мы оставляли женщин на кухне посплетничать за приготовлением обеда, а сами шли гулять с нашими пацанами. Место там было удивительное. Практически в центре города сохранился нетронутый современными застройками квартал, выстроенный в начале века. Вдоль неширокой улицы за низенькими заборами стояли одноэтажные здания с толстыми кирпичными стенами. Эти стены, способные выдержать семибалльное землетрясение, даже в самую невыносимую жару сохраняли внутри домов приятную прохладу. А зимой, когда весь город замерзал в своих блочно-панельных и крупно-дырчатых железобетонных коробках, в этих домах зажигали печи, и так там было тепло и уютно, как нигде больше.

Улица там непроезжая, тихая и очень зеленая. Вдоль дороги росли старые ветвистые деревья, от которых на тротуар ложилась густая прохладная тень. В южных городах солнечная сторона не считается престижной. Все стараются спрятаться от солнца. Перед

домами росли кусты живой изгороди. Они сохраняли зеленую листву круглый год, и очень красиво смотрелись зимой, под снегом. Весной их обрезали огромными садовыми ножницами. Обычно просто ровняли по бокам и делали ровную верхнюю кромку. Кто-то стриг верхнюю грань волнами, кто-то вырезал шары на идеально ровной верхней поверхности. Отдельные умельцы создавали над калитками целые арки. Кстати, если собрать эти свежесрезанные ранней весной побеги, аккуратно бритвой наискосок освежить место разреза и воткнуть их с небольшим интервалом во влажную землю перед домом, то к осени вырастет такая же изгородь. Так что все кусты на улице приходились друг другу самыми близкими родственниками.

Между дорогой и тротуаром, как принято на востоке, протекал арык – неглубокая канавка с проточной водой, которая дает прохладу и это знаменитое восточное чувство расслабленности, умиротворенности. На востоке главное – быть возле воды. И если вода рядом, то все хорошо, не торопись, путник – ты, похоже, уже пришел.

Мы брали своих мальчишек сначала в колясках, потом уже по-мужски – за руку, и гуляли с ними по этой улочке, где все всех знали, непременно здоровались друг с другом и заводили бесконечные соседские разговоры. И мы тоже степенно раскланивались с сосе-

дями, с которыми я успел познакомиться, интересовались здоровьем малышей и успехами старших детей в школе. И шли дальше, провожаемые завистливыми взглядами мам и бабушек из менее удачных семей. И казалось, что вокруг все еще самые первые, самые благодатные годы двадцатого века, и что не наступили еще ни военный четырнадцатый, ни голодный, страшный семнадцатый. Чудилось, что вот-вот проедет в пролетке становой пристав, остановится передо мной и, отдав честь, вручит конверт от его высокопревосходительства. Я, не торопясь, вскрою конверт и выну оттуда письмо с гербом и вензелями. И прочту, что его высокопревосходительство генерал-губернатор просит господина Еремина, то есть меня, и мою супругу посетить благотворительный базар, который имеет место быть завтра вечером в здании дворянского собрания...

Погуляв таким образом час или два, мы возвращались в дом и передавали детей женщинам. А сами располагались во дворе за нардами. С водкой, конечно. У Арика меня всегда ждала полулитровая бутылка заранее охлажденной водки. Под немудреную закуску и так называемые болгарские сигареты производства местной табачной фабрики мы вдвоем выпивали эту бутылку. Для не блещущего здоровьем Арика это являлось целым событием. Поэтому я растягивал про-

цесс на весь день. Мы пили по чуть-чуть, с большими перерывами, потом плотно обедали, и уже под вечер допивали остаток. При таком варианте питания мы просто постоянно находились в прекрасном настроении, ничуть не чувствуя опьянения.

У них я отогревался душой. После Афгана. Сколько лет прошло, а память ничего не забывает. Столько хорошего со временем забываешь, а вот Афган стоит перед глазами. Могу поминутно рассказать о каждом дне, проведенном там. Где мы были такого-то числа, что делали, кто из ребят и офицеров был рядом. Куда нас направили, какое было задание, кто что сказал и кто что сделал, кого ранили, кто и как погиб. Кого и где мы убили. Все помню.

А вот как, благодаря мне, наша сборная выиграла кубок республики по боксу, я забыл. Мне мужики недавно рассказывали, так я слушал, будто это про кого-то другого. Ну, чисто американский боевик. Брюс Ли, блин, русский Шварценегер. Я уложил в нокаут противника на последней минуте третьего раунда, после того, как проиграл по очкам оба первых. Встреча была командная, силы примерно одинаковые. Все друг друга знали, не первый раз уже встречались, и наперед подсчитывали, кто как может выступить. После меня должно было быть еще два боя, но у ребят почти не было шансов на победу. А счет был такой,

что без моей победы никуда. Ну, я и выиграл. Счастливы все были неимоверно.

К чему это я веду. Как-то мы встретились всей командой, обмыли прошлые годы, начались воспоминания, и кто-то вспомнил тот мой бой. А я гляжу на него с открытым ртом и не могу вспомнить. Ты не поверишь, решил, что ребята хотят мне приятное сделать, чтобы от Афгана отвлечь. Слушал я, слушал, и говорю: «не лепите мол мне лапшу на уши, напридумывали тоже, ну чистое кино. Я вас понимаю, вы считаете, что я после Афгана совсем дурной стал, вот и прикалываетесь». Чуть до драки не дошло. А когда пришел домой, то полез в шкаф, достал оттуда папочку свою заветную, да и нашел там грамоту. И выписка из судебного протокола там была. Мне ее сделал тренер и вручил вместе с грамотой, чтобы на память сохранил. О том, как вытянул на последней минуте и свой бой, и всю команду. Я как глянул на эту грамоту, так все и вспомнил. Хоть беги назад.

Я теперь часто вспоминаю то время. Меня ведь бокс от тюрьмы спас. Нет, не спрашивай и не говори сам. Я ведь знаю, что ты хочешь сказать. Не надо понимать все так буквально. Ты уже решил, что была у меня в жизни ситуация, в которой меня спасло только умение как следует бить морды? Вот уж не думал, что ты так примитивно жизнь понимаешь. Бить мор-

ды меня, конечно, бокс научил, и не спорю: это придало мне определенный авторитет в той среде, где я вырос. Жил-то я в рабочем квартале, а там сила и точность удара кулаком, действительно, определяли многое. Но спорт помог мне не этим.

Мы росли почти как беспризорники. Были родители, был дом, чтобы поесть и переночевать, и в школу ходили, в общем-то, регулярно. Но все остальное время было наше, никому не подконтрольное. Вот и шалили. Сначала по мелочи, потом больше. У пацанов по десять копеек отбирали на сигареты. Когда выпивать начали, тут уже копейками не обойдешься, стали мужичков пьяненьких подкарауливать. Выбирали одиноких, здорово набравшихся. Он идет такой весь в себе, занят тем, чтобы домой на автопилоте добраться. А ты его легонько так толкнешь, он и валится. Нам это казалось очень забавным. Стоим, хохочем. Только он поднимется ты его опять – раз! Глядишь, он уже в другую сторону рухнул. Так их и звали – клоунами. Ходить на клоунов оказалось делом веселым, но неприбыльным. Карманы у них обычно были пустыми, если только это не был день аванса или получки.

Со временем в разряд клоунов перевели и менее пьяных, а затем и просто всех одиноких путников, добравшихся по плохо освещенному кварталу домой от метро. Когда дело подошло к концу школы, промы-

сел стал регулярным. Пошел слух, что в квартале пошаливают. А денег нужно было все больше, появились серьезные расходы. Хотелось и прилично одеться, и магнитофон купить. У многих появились девушки, а на них тоже нужны деньги. Родители, конечно, ничего дать не могли, – на еду да на школьную форму хватало? – и на том спасибо партии. Вот и решили ларьки союзпечати потрошить. Кто придумал эту глупость, что там они собирались найти – не знаю. Но только зазвенела в первом же ларьке сигнализация, да и повязали их всех.

Какое отношение ко всему этому имеет мой спорт? Самое непосредственное. После того, как я записался в секцию, у меня уже не было времени на все эти проделки. После седьмого класса я перешел в республиканскую спортивную школу и почти все время там и проводил. То занятия, то тренировки, то соревнования. Лето и каникулы – в горах, на сборах. Когда сдал на первый разряд, стали платить стипендию, так что вопрос о деньгах не стоял так остро. Ну и отошел я от них, просто времени не оставалось на эту дурь. И сели пацаны все вместе, но без меня.

Я получил звание мастера спорта, поступил в институт. У меня завелись новые знакомства, увлекла учеба. Я впервые стал изучать предметы, которые могли помочь мне в будущей работе. Многое приходи-

лось наверстывать из пропущенного в школе. Но мне было интересно, я получал реальные знания, которые мог тут же применить на практике.

А потом был Афган. Что и как там было, рассказывать не буду. Незачем. Когда я вернулся, устроился тренером в республиканской школе – в той самой, где сам учился. Днем я работал, вечерами пил водку и спал с женщинами. Потом женился. Но все проходило как будто на автопилоте. Большая часть меня продолжала жить там, в Афгане.

Я все никак не мог вернуться с войны. Первые месяцы, если меня неожиданно будили, то я, не просыпаясь, вскакивал и мог серьезно покалечить будившего. Потом внешне все успокоилось, но боль ушла внутрь. По ночам во сне я снова возвращался туда, горел в БТРе, полз под пулями, спасал и никак не мог спасти своего раненого командира. Нашего товарища лейтенанта, которому потом присвоили Звезду Героя. Посмертно и без объявления в газетах. Тогда было так.

Все, не буду больше о войне, а то совсем отвлекся. Так вот. У Арика по субботам вечерами всегда собиралась интересная компания. Летом сидели допоздна в небольшом тенистом дворике, зимой набивались в крошечную кухню. Пили чай, говорили и спорили без конца. Кроме музыкантов там бывали и журналисты,

служившие в местных газетах, и писатели, связанные по рукам и ногам тематическими планами издательства. Я думаю, что они и жили вот так: от субботы до субботы, ради того, чтобы вечером собраться у Арика и поговорить обо всем на свете. Пели песни, читали стихи. Обсуждали до хрипоты все новости. Высказываемые мнения обычно отличались от официально принятых, зато были аргументированы значительно грамотнее и более объективны. Доставалось всем, включая самых именитых. И таким образом сидели до глубокой ночи, да так, что потом приходилось возвращаться пешком, потому что метро уже было закрыто. Но все равно сидели и никак не могли наговориться. Вот так: от души, обо всем наболевшем, без помех и без оглядки. Хотя как раз оглядываться им все же следовало. Но об этом чуть позже.

Одного из гостей Арика звали Виктор. Бывал он там не часто, но знал он всех, и принимали его всегда с радостью. Высокий пузатый бородач каким-то неведомым образом умудрялся расположить к себе с первой же минуты. К собеседнику он обращался несколько книжно – «старик», что только прибавляло ему обаяния. Он был весельчак и балагур; не имея ни слуха, ни голоса, с удовольствием играл и пел под гитару, нисколько не смущаясь присутствием профессиональных музыкантов, которые потихоньку фыркали над его особо

«удачными» пассажирами.

Работал Виктор в центральной психиатрической больнице. Эта его работа была, разумеется, предметом всеобщего внимания и поводом для всевозможных шуток. Он и сам не раз рассказывал байки и о пациентах, и об обслуживающем персонале, включая и самих врачей. О себе, однако, он говорил по другому. Он был не врач-психиатр, а профессиональный психолог. Он объяснял, что то, чем он занимается – на самом деле не психиатрия, а психоанализ. На Западе есть отдельная область науки, говорил он. Психоаналитики работают совершенно независимо от психиатрических клиник, и занимаются отнюдь не психами, а нормальными людьми, помогая им решать свои проблемы.

Виктор тоже работал не в самой больнице. Это называлось «Кабинет профилактики нервных и психических заболеваний». Последний рубеж для потенциальных клиентов больницы. Человек, попавший к Виктору, мог избежать госпитализации. Для его пациентов это был шанс привести себя в норму без применения неприятных процедур, которые практиковались в больнице. Позже я узнал, что Арик попросил его помочь мне, и он тут же согласился, потому что и сам видел, что я не совсем в порядке.

И вот однажды вечером Виктор подошел ко мне и

предложил выйти во двор, покурить на свежем воздухе. Мы вышли и закурили. Как обычно, он выложил из своего неистощенного запаса очередную байку про психов, потом завел разговор о своей работе. Мы успели докурить, прежде чем он перешел к главному. Он предложил мне поговорить о том, что меня беспокоило. Я стал отнекиваться, – мол, ничего не происходит, все нормально. Он стал настаивать. Я попытался отшутиться, – мол, вечно тебе психи мерещатся, успокойся, ты же не работе, а к нормальным людям в гости пришел. Тогда он усмехнулся и сказал: «Или мы с тобой сейчас спокойно, на месте, во всем разбираемся, или я завтра присылаю к тебе на работу официальную бумагу с просьбой отправить их сотрудника товарища Еремина С. Ю. в психиатрический диспансер на обследование. Там и посмотрим, насколько ты нормальный».

Я вспыхнул, – мол, что за порядки, зачем ты лезешь в мою жизнь? Интересно, что он не пытался меня успокоить или остановить. Наоборот, он заводил меня все больше и больше, пока я не потерял над собой контроль и не ударил его. Вернее, я попытался ударить, но он был готов к этому. Уйдя от удара, он перехватил мою руку и вывернул ее в борцовском захвате. Буквально через секунду, не дав мне опомниться, он сказал «брейк» и сильно оттолкнул меня. За пару се-

кунд я успел прийти в себя и стоял, ничего не предпринимая. Я не совсем понимал, что произошло, только изумленно смотрел на Виктора. Сердце стучало где-то в районе горла, перед глазами плавали круги.

Виктор увидел, что я больше не агрессивен, достал из кармана сигареты и протянул мне пачку. Я достал сигарету и прикурил от протянутой зажигалки. Это помогло, и постепенно я успокоился. Виктор тоже закурил.

– А теперь давай проанализируем, что же у нас происходит, – начал он. – В психологии есть такое понятие: неадекватная реакция. То, что сейчас случилось с тобой – и есть типичный пример той самой неадекватной реакции. Психически здоровый человек не полезет бить морду в ответ на предложение о помощи. Поэтому давай сразу согласимся, что с тобой не все в порядке. Смотри, я не делаю никаких выводов, не ставлю никаких диагнозов. Просто предлагаю тебе самому посмотреть со стороны. Согласись, что у тебя все же есть проблема.

Я сделал вид, что раскуриваю погасшую сигарету, и не ответил.

– Хорошо, – продолжал Виктор. – Теперь второй вопрос. Ты сам знаешь, что невозможно делить мир только на черное и белое, на хорошее и плохое. Всегда есть несколько объяснений. Вот и у нас сейчас

есть, по меньшей мере, два варианта. Первый вариант заключается в том, что это была твоя нормальная реакция. Это может означать только одно. Это значит, что ты по своей сущности – очень недалекий человек, который ничего, кроме самых элементарных понятий типа «меня обижают» и «я даю сдачи» понять не в состоянии. Тогда мы вопрос закрываем и к этому разговору больше не возвращаемся. И вообще больше с тобой ни о чем не разговариваем, поскольку наши уровни мышления сильно разнятся. Да и выпивать тебе в таком случае я рекомендую уже не здесь, а прямо возле винного магазина. Там ты всегда найдешь себе подходящую компанию, там тебя все поймут, да и на мордобой никто не обидится.

Я молчал и смотрел на него, ожидая продолжения. Виктор тем временем продолжал:

– Второй вариант более вероятен с моей точки зрения. Твоя реакция действительно была неадекватной. Более того, поправь меня если я ошибаюсь, но это стало неожиданностью для тебя самого, правильно? Ведь ты не собирался устраивать драку, и до последнего момента ты не хотел меня ударить. Кстати, я-то знал, чем дело может кончиться, и поэтому был готов к твоему удару.

– Так, выходит, ты меня специально завел?

– Разумеется. Я хотел, чтобы ты сам убедился, на-

сколько шатко твое психологическое равновесие. Маленький толчок вызывает у тебя целую лавину отрицательных эмоций. А затем следуют, в общем-то, неподконтрольные тебе действия. А это, старик, уже один из симптомов приближающейся болезни.

– Эй, ты хочешь сказать, что я, действительно, – ваш пациент? Или опять заводишь?

Виктор усмехнулся.

– Ни то, ни другое. Ты не знаешь наших пациентов, поэтому и спрашиваешь. Лечить тебя не надо. Пока. И вообще, можно оставить все как есть. С ума ты, скорее всего, не сойдешь, а получишь обыкновенный депресняк. Так многие живут. Будешь мучиться от своих снов, просто станешь больше пить. Трудно сказать, что будет потом. Но точно могу тебе сказать одно – удовольствия от этой жизни ты уже не получишь. С каждым днем, тебе будет труднее просыпаться по утрам, все станет казаться не интересным, не заслуживающим твоего внимания.

– Брось, не надо меня пугать. Я сам знаю, что со мной происходит. Ты можешь предложить мне что-то конкретное или будешь вести душевспасительную беседу о том, что нельзя опускаться и надо брать себя в руки? Учти, я такого наслушался вдоволь.

– Отлично, старик! Именно это я и хотел от тебя услышать. Скажи мне, если я предложу тебе конкрет-

ную программу действий, ты согласен ее выполнять?

– Это зависит от того, что ты мне предлагаешь.

– Нет, так не пойдет. Ты меня знаешь, я – профессионал, и то, что я тебе скажу – это не пустой треп, а проверенная годами методика. К тому же ты мне не чужой человек, и я тебе, думаю, тоже. Поэтому ты либо полностью мне доверяешь, либо я исключаю тебя из списка своих друзей.

– Ладно, ладно, ты сам-то не заводись...

– Средство простое, хотя и довольно неожиданное. Начни с того, что сядь за письменный стол, возьми лист бумаги и по пунктам запиши все, что тебя беспокоит.

– Для этого одного листа не хватит. В этот список мне придется внести два года своей службы в Афгане, день за днем, – усмехнувшись, перебил я его.

Виктор задумался, затем сказал:

– Тогда так и поступай. Не торопясь, без излишних подробностей, записывай по порядку все, как помнишь. Все два года. Не выйдет по порядку – пиши, как вспомнишь. Главное – записывай. И поверь, как только ты опишешь на бумаге событие, которое тебя беспокоит, оно перейдет из твоей головы на лист бумаги и останется там. Оно перестанет жить в тебе и терзать тебя. Пусть мучает бумагу: не зря говорят, что бумага все стерпит.

Я не поверил ему и скептически улыбнулся:

– Ты разговариваешь со мной, как со своими психами.

– Не упрямясь. Я не психиатр, а психолог. Граница тут тонкая, но существенная. Моя задача как раз в том и состоит, чтобы мой пациент не стал впоследствии клиентом психиатра. Сейчас я тебя пытаюсь остановить. Потому что, старик, ты верной дорогой идешь в психушку. Но можешь и остановиться. Я серьезно говорю: тебе надо бороться. Ты же спортсмен. Ты знаешь, что такое постоянные тренировки и чего можно с ними добиться. Так же и здесь. Попробуй писать понемногу. Будет тяжело. У тебя нет навыков, поэтому сначала будет трудно написать и связать даже пару предложений.

– Да не в этом дело. Не писать мне трудно. Уж листок в день я как-нибудь осилю. Я боюсь самих воспоминаний. Вот так сесть и подробно описывать весь этот кошмар?! Нет, я не смогу!..

– А вот этого не бойся. Тебе не будет больнее оттого, что ты честно напишешь о том, что тебя беспокоит. Как только обрисуешь событие, ты сам сформулируешь свой страх, и он уйдет. Он заместится пониманием уже случившегося. Да, это было, это больно. Но это прошло. И пусть оно останется на бумаге. Пусть это прочтут другие. Может быть, ты этим кому-то по-

можешь, кого-то предостережешь. И он в подобной ситуации уже будет готов и поступит правильно. Подумаешь, возможно, ты спасешь этим чью-то жизнь. А если ты в чем-то ошибся, то прямо скажи об этом. Опиши, что тогда случилось, выясни, что послужило причиной ошибки, и снова опиши все так, как это могло произойти, если бы ты поступил по-другому. Напиши об этом, и кто-то избежит повторения твоей ошибки.

Он долго еще говорил подобным образом. Я слушал его, и постепенно сам начал загораться идеей. Он подвел меня к мысли о том, что я просто обязан описать все, что со мной случилось за то время. Чтобы не пропало все это без толку, чтобы люди знали, как это было, что происходило со мной и со всеми ребятами, прошедшими через ту войну. Ради тех, кто там остался. Ради тех, кто вернулся, но уже никогда не сможет жить нормальной жизнью. Ради самого себя, ради жены, ради моего пацана, которого я хочу вырастить настоящим мужчиной...

Когда мы уже заходили обратно в дом я, вспомнив, остановился и, обернувшись к Виктору, сказал:

– Чуть не забыл. Прости, что ударил тебя.

Он молча протянул мне руку и мы вернулись к компании, словно ничего не произошло.

Буквально на следующий день я взялся за дело. Виктор оказался прав в первом же своем предположе-

нии. Оказалось, что записать на бумаге то, что мысленно так ярко видишь перед собой, очень трудно. Несмотря на то, что помнишь все в малейших деталях, сложно на бумаге написать больше двух-трех фраз подряд. Я позвонил Виктору. Он посоветовал бросить глобальные замыслы и сконцентрироваться на одном-единственном эпизоде, описав его полностью от начала и до конца.

– У тебя приводов в милицию не было? – спросил он меня.

– Нет, пронесло как-то, – ответил я непонимающим тоном.

– Жаль, – задумчиво сказал Виктор.

– Не понял!

– Я говорю, попробуй писать, как будто пишешь объяснительную записку следователю. А еще лучше – как письмо к какому-то другу. Ближнему другу, но который ничего не знает про твои военные годы.

Он помолчал и добавил:

– Вот именно. Пиши для нас, ты нам никогда ничего не рассказывал. А потом у Арика, прочтешь все это.

Так и родилась идея. У меня появилась цель: написать книгу об Афгане. И я стал писать. Иногда мучительно долго подбирая каждое слово, а иногда слова сами просились на бумагу. В такие моменты я просто не успевал записывать и старался писать как можно

быстрее, не обращая внимания на то, что строчки налезали друг на друга; делал сокращения, писал настолько неразборчиво, что на следующий день уже с трудом мог понять собственные записи.

Методика Виктора работала великолепно. Мои воспоминания переставали быть источником ночных кошмаров. Я уже не избегал их. Наоборот, я тщательно проходил каждый эпизод и до мелочей описывал его. Теперь я смотрел на это, в основном, как на материал для моей будущей книги. Я стал лучше спать по ночам, кошмары мучили меня все реже. Описанное на бумаге уже не тревожило меня, и я спешил писать еще и еще. Я чувствовал облегчение с каждой новой страницей. Нервное состояние сменилось такой эйфорией, что это стали замечать окружающие.

Через пару недель у Арика мы вновь увиделись с Виктором. По возникшей традиции мы вышли покурить. Я поделился с ним своими успехами. Однако он не спешил разделить мой восторг:

– Теперь будем лечиться дальше, – сказал он очень серьезно.

– Ты что! – удивился я. – Я не был таким здоровым уже тысячу лет!

– Это еще не здоровье. Ты изменил знак своего эмоционального состояния с минуса на плюс. Но нервное напряжение все равно осталось. Если ниче-

го не делать, ты просто сгоришь на своем сегодняшнем энтузиазме, и в результате опять скатишься в депрессию.

– А что же делать? Ты меня пугаешь. А мне так классно сейчас!

– Вот и хорошо. Пусть и будет классно, только мы это состояние тебе закрепим. Чтоб оно держалось не на нервном всплеске, а стало твоим нормальным состоянием.

– А как это сделать?

– Дадим выход накопившейся энергии. Будем делать настоящую книгу из твоих записей. Я поговорил со стариками – Илья с Вадимом берутся редактировать твои труды. Завтра же отнеси им то, что у тебя готово, и оставь, пусть посмотрят. На ближайших посиделках они скажут тебе, что делать дальше.

Так мы и поступили. Всю неделю, пока мои записи были у «стариков», я не находил себе места. Жена начала ворчать на Виктора, что он опять меня нервирует. Однако это было совсем другое беспокойство. По крайней мере, жить оно мне не мешало. И вот через неделю произошло первое публичное чтение моих записей. Илья прочитал один из моих эпизодов. Я почти не узнал написанное. Это были не мои торопливые записки, где мысли путались и перебивали друг друга. Это был настоящий рассказ, написанный от третьего

лица беспристрастным наблюдателем. Мои редакторы убрали весь ненужный накал, составляющий основу моих записей, изложив все отточенным литературным языком. И все же это была та самая история, которую я пережил когда-то. Но теперь она не пугала и не беспокоила меня.

Рассказ приняли очень хорошо. Затем, как водится, поднялся общий треп. Скоро все забыли, с чего начали, и заехали совсем в другую сторону. Все принялись обсуждать какой-то новый фильм, ассоциируя его с моим рассказом. Илья пробрался ко мне и потихоньку спросил:

– Ну, как?

– Здорово. Мне никогда так не написать.

– Ого, вот уж не знал, что у тебя литературные комплексы!

– Да нет, причем тут комплексы? Просто я сравнил, как ты пишешь, и как это делаю я.

– А-а, вот ты о чем. Скажи мне другое. Тебя устраивает, как это выглядело сегодня? Или я неправильно выбрал стиль?

– Нет, мне очень понравилось.

– Отлично. Тогда я предлагаю тебе писать в соавторстве.

– Мне? В соавторы? С тобой? Ты же – профессионал, а я так, погулять вышел...

– Смотри, я в состоянии лишь литературно оформить твои записи. Да, я – профессионал, и поэтому оставь мне все техническую работу. Практически же это будет твоя книга. Книга твоих воспоминаний. Просто в литературе есть свои правила и законы. Ты продолжай писать так, как тебе удобно. Я понимаю все, что ты пытаешься сказать в своих записках, и постараюсь все сохранить. Просто форму подачи приведу в соответствие с законами литературы. Буду писать как сегодня: от третьего лица и без лишнего накала страстей. Ну и, естественно, почищу и отредактирую текст. Так что это не я тебя, а ты меня возьмешь в соавторы. Так оно обычно и делается. По рукам?

– Фантастика! Конечно, договорились. Я, честно сказать, думал, что вы вообще выбросите это все в мусор.

– С ума сошел. Отказаться от такого материала?! Ты мне другое скажи. У тебя есть время на это? Нам ведь предстоит большая работа.

Внезапно в разговор вклинился Виктор. Мы не заметили его, а он был рядом и слушал весь разговор:

– Только не загони его, Илья. Я же знаю тебя, энтузиаст ты хренов, сам не успокоишься, пока не сделаешь задуманное и других заездишь. И никаких возражений. График работы я вам составлю сам, и стану лично контролировать выполнение. И чтобы без со-

циалистических обязательств. Вас никто не гонит. Работайте потихоньку, в кайф. Понятно? – голосом прапорщика закончил Виктор.

– Так точно, вашбродь! – не сговариваясь, хором ответили мы с Ильей. Потом переглянулись, и так же дружно заржали.

– Однако, как вы уже спелись, – удивленно заметил Виктор. Он спрятал руку за спину, и через секунду протянул нам наполненный бокал – один на двоих:

– Ну, за вашу книгу, старики!..

Следующий месяц я жил так, как жил, наверное, только в раннем детстве: радуясь каждому дню. Утреннее пробуждение перестало быть проблемой, я вскакивал как заведенный, готовил завтрак и будил все семью, искренне не понимая, как они могут валяться в постели. Я стал замечать вещи, на которые никогда раньше не обращал внимания; все вокруг радовало меня. Я получал удовольствие даже от таких, казалось бы, утомительных и непривлекательных для мужчины занятий, как уборка дома и возня на кухне.

По вечерам я запирался на кухне и продолжал писать. Один-два раза в неделю приходил Илья, чтобы забрать написанное мною, и показать свой вариант. Не обращая внимания на окрики Виктора, мы работали как сумасшедшие. Мое отношение к Илье со «снизу вверх» постепенно сменилось на «ты ничего

не понимаешь!». Он тоже перестал бояться травмировать меня и, ничуть не смущаясь, в запале орал «да кто ты такой?!». Предусмотрительный Виктор заранее объяснил мне, что такой уж у Ильи характер, и для него это – обычный стиль работы, иначе он не может. Поэтому я даже обрадовался, когда этот неврастеник в первый раз накричал на меня. Короче говоря, у нас установилась нормальная творческая обстановка, как объяснял Илья, когда он, оторавшись, успокаивался и закуривал очередную сигарету.

Каждую новую главу мы обязательно читали у Арика. Народ всерьез подключился к процессу написания, при встречах меня первым делом спрашивали, как продвигается книга. Обсуждения написанного стали традиционными и проходили уже не так, как после первого чтения. Критиковали, как было принято в этой компании, невзирая на лица. Когда что-то удавалось, то от души хвалили, но никаких огрехов не прощали, ругаясь до одури. Оказалось, что не только у Ильи, но и у большинства в той компании был такой стиль работы. Я лично не кричал, и вообще старался не вмешиваться в споры, предоставляя Илье орать за нас обоих. Я больше слушал, понимая, что если мы пробьемся через эту ураганную критику, то книга выйдет настоящая.

Неожиданно все закончилось. Хотя, если задумать-

ся, то это было закономерно. Просто задуматься в нужном направлении никто из нас и не удосужился. Все, о чем я писал, было основано на моем личном опыте или рассказах людей, которым я доверял. Я писал только правду и искренне считал, что этого достаточно. Ни о каких обобщениях, ни о какой критике высшего руководства, или, упаси бог, самого советского строя, в моей книге и речи не было! Да и могла ли быть? Я же никогда не задумывался над этим! У меня была своя конкретная цель: избавиться от груза воспоминаний. Даже пройдя ту войну, я оставался законопослушным советским гражданином, который с детства был приучен не обсуждать, где и как он живет.

Возможно, в глубине души такие мысли появлялась у Арикиных гостей. Никто вслух их не высказал – но, вероятно, привкус опасности, ощущение причастности к таинственному диссидентству, придавали особую остроту всему происходящему. Они упивались собственной смелостью и значимостью. Ведь даже в самом безобидном изложении тема была слишком скользкой. Но кто-то из присутствующих всерьез задумался над этим, и назвал написанное другим, более реальным словом – антисоветчина. Кто именно это был? Был ли он настоящим стукачом или просто, вовремя спохватившись, решил донести сам, чтобы его не загребли заодно со всей компанией? Я так и

не знаю этого, и впоследствии выяснять не стал. Уже больно не хотелось разочаровываться ни в ком из своих...

Короче, однажды ко мне пришел невысокий человек в аккуратном сером костюме и, показав удостоверение, попросил разрешения пройти в дом. Как будто я мог ему отказать, с таким-то удостоверением! То, какое он выбрал время для визита, показывало серьезность его намерений. Дома я был один, жена только что ушла с ребенком и должна была вернуться не раньше, чем через час. Мы устроились в креслах, и я стал слушать. Посетитель повел неспешный разговор. Он говорил ровным голосом, негромко; речь его, похоже, была накатана и отшлифована десятками подобных бесед.

Я не запомнил, что именно он говорил мне. Видимо, так и задумывалось. Из всего потока слов я должен был понять одно единственное: начав писать свою книгу, я совершил серьезное преступление. Я выступил против системы, и система включила защитный механизм. За одно то, что я осмелился на попытку противостояния, этот механизм раздавит меня всмятку. Конечно, внешне все это выглядело совершенно иначе. Визит свой мой гость объяснял исключительно заботой об обществе. В его вывернутой логике общепринятая ложь о событиях в Афганистане выгля-

дела благом. В этом зазеркалье были перепутаны понятие правды и лжи, чести и бесчестия, добра и зла. Но именно по законам зазеркалья и жила вся страна, именно на страже этих законов и стояла его организация.

Незаметно для самого себя, я начал оправдываться. Я стал объяснять, что не преследую никаких целей, кроме описания эпизодов, в которых лично участвовал. Я повторил все доводы Виктора, которые он приводил, уговаривая меня написать эту книгу. Гость внимательно слушал, кивая головой. Когда я выговорился, он сказал:

– Что ж, я вас понимаю. Поэтому и пришел к вам домой, и мы беседуем здесь, а не в моем кабинете. Я уже догадывался, а теперь окончательно убедился, что вы не сами это придумали. Вы поете с чужих слов. Со слов людей, которые враждебно относятся к нашему строю. Я не виню вас. Вы стали жертвой людей, которые ни во что не ставят достижения нашей великой страны. Этим людям вообще чужды идеалы нашего общества. Ради удовлетворения своих мелкобуржуазных интересов они и вас втянули в круг своей преступной деятельности. Но вы, Сергей Юрьевич, как патриот своей страны, как настоящий русский человек, должны покончить с этим, и решительно отмежеваться от таких людей.

Эта речь продолжалась еще очень долго. Из гладких официальных фраз я понял главное. Мне предоставлялась возможность свалить все на Виктора с Ильей, а заодно подставить Арика со всей компанией. В этом случае меня простят и оставят в покое. Тем более (как все время подчеркивал гость), отношение ко мне со стороны его всемогущей организации, в общем-то, сочувственное. Они с пониманием относятся к моему теперешнему состоянию. Они знают, что я много пережил, и помогут преодолеть эти временные трудности. Гость намекнул на возможность лечения в привилегированной клинике, на путевки в реабилитационный центр в Крыму, на другие льготы, которые мне будут положены как ветерану, исполнявшему свой интернациональный долг.

Я понял, что мне предоставляется право выбора. Либо взять все на себя и отправиться в тюрьму по статье «антисоветская пропаганда», либо проходить по тому же процессу, но – свидетелем. Работу над книгой я должен прекратить в любом случае, а все уже написанное немедленно сдать, вместе с распиской, что ничего больше не у меня не осталось. Выбор был, конечно, небогатый.

Мой гость все говорил и говорил. Монотонный голос и привычные до отвращения газетные формулировки создавали некий медитативный фон. Я почув-

ствовал, что впадаю в оцепенение. За спиной моего собеседника появилось мерцающее облако. Оно постепенно становилось более плотным, темнело, обретало контуры. Наконец, облако перестало светиться, превратившись в висевшую в воздухе дверь. Она открылась с громким скрипом, который, впрочем, КГБшник не услышал. Из двери выпрыгнул маленький, хулиганистого вида чертенок. Дверь с противным визгом тут же захлопнулась за ним и исчезла. А чертенок принялся веселиться: он бегал вокруг кресла и корчил мне рожи; схватил с пола упавшую авторучку, оседлал ее и принялся скакать на ней вокруг кресла.

Я потряс головой и протер глаза. Чертенок не исчез. Он остановился, слез с ручки, взял ее «на караул», и выжидающе замер, отдавая мне честь. Мой гость перестал говорить и посмотрел на меня:

– Вам нехорошо?

– Нет, нет, продолжайте, пожалуйста, я внимательно вас слушаю, – ответил я.

Он опять заговорил. С первыми же его словами чертенок продолжил свои выходки. Теперь он разыгрался вовсю: забрался на КГБшника и стал отплясывать нечто неприличное у него на голове. Тот, ничего не замечая, продолжал говорить. Окончательно распоясавшийся чертенок свесил хвост, и принялся кисточкой щекотать ему нос. КГБшник чихнул, не пони-

мая от чего. Я не выдержал и засмеялся. Чертеночко радостно завопил и исчез. В тот же миг мой гость замер с открытым ртом на середине слова. Я огляделся. Всякое движение в комнате прекратилось. Маятник настенных часов остановился в верхней точке и, похоже, не собирался опускаться. Занавеска на окне застыла красивой волной. Вокруг стояла неестественная тишина. Впрочем, как раз тишина длилась недолго. Позади меня раздалось негромкое «кхе, кхе...».

– Здравствуйте, уважаемый Сергей Юрьевич! – произнес голос за моей спиной.

Я обернулся, но никого так и не увидел.

– Вы не туда смотрите, – послышалось вновь.

Я повернул голову обратно и увидел, что в кресле, которое только что занимал чекист, теперь сидел черт. Это был не тот нахальный чертенок, который только что тут отплясывал и всячески хулиганил. Это был серьезный солидный черт, одетый в строгий костюм-«тройку». Из жилета торчали большие серебряные часы на цепочке, тянувшейся из кармашка через весь живот к противоположному краю жилетки. Между рогами просвечивала лысина. Это был наш общий знакомый – Евлампий.

Разговор с чертом вначале был односторонний. Черт, расположившись на месте КГБшника, начал издали. Он подробно описал мне все варианты даль-

нейшего развития событий. По его словам выходило, что как бы я не поступил, конец будет один – предательство, психушка, самоубийство; либо – тюрьма, больница, самоубийство. Было еще несколько вариантов, но все кончались одинаково: самоубийством. Чего-чего, а красок для описания моего будущего он не жалел. Я был настолько подавлен случившимся, что только кивал ему в ответ. Наконец, Евлампий почувствовал что материал готов, и приступил к главному. Он сделал драматическую паузу и после сообщил, что на самом деле выход имеется, по каковой причине он, собственно, и находится здесь. Он предложил отправить меня в такое место, где меня не найдет даже КГБ, и где я буду в полной безопасности.

– Уж не к себе ли вы хотите меня забрать? – поинтересовался я.

– Совершенно верно, абсолютно верно, – обрадовано подтвердил Евлампий. – Надеюсь, вы понимаете, что там они вас не достанут?

– Да уж, там меня никто не достанет. А чем же это лучше обещанного вами самоубийства?

– Во-первых, это не так больно, и совсем не страшно. Во-вторых и в главных, вы же останетесь живы.

– Не понял...

– Я заберу вас в Ад живым – таким, какой вы есть сейчас. Поживете у нас, поработаете, а в свободное

время допишете свою книгу. Вы, по-моему, уже достаточно подкованы в литературном деле, чтобы закончить ее самостоятельно, без Ильи.

– Живым? Поработать?

– Ну да. Не вы первый, не вы последний. Нам нужны живые люди из современного мира, а то мы, знаете, как-то не поспеваем за вашим, так называемым, прогрессом. Будете у нас, кхе кхе... консультантом.

– Все равно не понимаю. Какая разница, попаду я к вам живым или мертвым, все равно ведь это – Ад!

– Экий вы непонятливый. Вы же не как грешник туда попадете, а как служащий. Поверьте, это очень большая разница. Поживете у нас, приведете себя в порядок. А там, глядишь, и здесь все образуется и вы сможете спокойно вернуться.

– Ага, так это временно, только переждать весь этот кошмар?

– Ну да, я же об этом вам и толкую.

Я почувствовал, что у тупика, в котором я оказался, похоже, действительно имеется выход. Но потом я вспомнил о другом:

– Хорошо, допустим, я спрячусь. А что будет с остальными? Их же все равно посадят. И все это из-за меня. Я не могу их предать, Евлампий, это не по-мужски.

– Ваши чувства делают вам честь. Должен при-

знать, что по роду своей деятельности я чрезвычайно редко встречаю подобное отношение к людям. Лично я считаю излишним заботиться о других, а ваш подход, с моей точки зрения, граничит с откровенной глупостью. И кому, скажите, станет легче, если вместе с Ильей арестуют и вас? Только КГБ и порадуются.

– Как хотите, но я все решил. Я остаюсь.

Евламий заерзал в кресле. Было видно, что ему очень не хочется заканчивать встречу подобным образом. С минуту он отчаянно, с хрустом, грыз коготь на указательном пальце, затем обреченно махнул рукой и сказал:

– Ладно, уговорили. Хотя я категорически отказываюсь вас понимать. Давайте заключим договор. Если я устрою все так, что никто из ваших друзей не страдает, вы отправитесь со мной?

Я кивнул. Выхода у меня не было. Евламий поднялся из кресла:

– Хорошо, тогда ждите меня здесь.

С этими словами он исчез. Черт отсутствовал примерно минуту, затем появился вновь. Выглядел он неважно. Лацкан дорогого пиджака был оторван и висел на нескольких нитках, рукава по локоть были мокрые. Он снова уселся в кресло, кисточкой на хвосте вытер пот со лба и произнес:

– Эх, не цените вы мою заботу. Пришлось, однако,

повозиться. Слушайте меня внимательно. Я кое-что исправил в событиях прошедшего месяца. В тот вечер Виктор с вами не разговаривал, его вообще не было у Арика. Его послали в командировку, а вы так с ним и не виделись больше. Соответственно, никакую книгу вы не писали. Ее нет и никогда не было. И сегодня, разумеется, к вам никто не приходил. Не за чем. Дела вашего тоже не существует. Все ваши друзья в целостности и сохранности.

Я ошарашено покачал головой. Это надо было переварить. Визит КГБшника меня не застал врасплох, такое могло случиться с каждым. Но вот так, сидя у себя дома, обсуждать с чертом изменение прошедших событий?! Внезапно я увидел на столе свою рукопись. Чекист заставил меня достать ее еще в самом начале разговора.

– Но вот ведь она, моя книга, никуда не делась! – воскликнул я.

– Конечно. Для вас она сохранилась. Я же обещал вам, что у вас будет возможность ее дописать. Так что берите ее и отправляемся. Я свое обещание выполнил, теперь – ваша очередь.

Я обвел глазами комнату, прощаясь с прежней жизнью. Потом все потемнело, и я оказался в кабинете нашего общего начальника, Тихона Велесовича...

Глава 9

– Но мудрецы древности учат, что красота может быть и не наружная, она внутри человека.

– Внутри человека кишки, – мрачно ответил Жихарь и загрустил от бесспорной своей правоты.

(Михаил Успенский. «Там, где нас нет»)

Рассказ произвел тяжелое впечатление на всех. Похоже, Марина тоже никогда раньше его не слышала. Первой отреагировала она:

– Так выходит, ты сюда и не рвался?

– Даже и не думал никогда. У меня просто воображения не хватило бы. Я уже начал задумываться, что, может, лучше было остаться на Земле, даже если и пришлось бы пойти в тюрьму? Все же были бы вокруг живые люди. Никогда не хотел я сюда, и сейчас не хочу здесь оставаться. Но ты видишь, у меня не было другого выхода. Речь шла не только обо мне, но и о моих друзьях. Я не мог их предать.

– А ты бы никого и не предал. Ведь Евлампий все исправил. Послал бы его подальше после того, как он изменил прошлое, и жил бы себе спокойно. Что, он тебя силком бы с собой потащил?

– А ты думаешь, что нет? – спросил я Марину. – По моему это слишком опасно. И потом, они же заключили соглашение.

– Соглашение, соглашение, – с досадой ответила она. – С чертями и вести себя надо соответственно. Ничего бы не случилось. Я всю здешнюю механику уже изучила. Знаю их как облупленных. Они могут командовать только мертвыми душами. А с живым человеком им не справиться. Нас сюда забирают только по нашему желанию. По обоюдному, так сказать, согласию.

– И ты думаешь... – начал я.

– Конечно! Сергею надо было подождать, пока Евлампий не выпутает его из этой передраги, а потом просто отказаться. Грубить, конечно, не обязательно, можно было вежливо объяснить, что пока тот отсутствовал, я передумал и решил остаться на Земле. Спасибо, мол, за помощь, как-нибудь загляну к вам. «Чао, бамбино, сори», так сказать. И вся любовь!

– Интересный вариант. Но ведь был риск, что Евлампий, обозлившись, вернет все обратно?

– Это в крайнем случае, Сергей поступил бы так, как предлагал КГБшник. Я думаю, его просто пугали. Ну, забрали бы книжку, провели бы еще одну воспитательную беседу, и этим бы все и закончилось!

– А если нет?

– В худшем случае – посадили бы этого Виктора. В конце концов, он сам все это и затеял. Если бы Арик не вмешался, жил бы себе Серега спокойно на Земле, глушил водку, трахал баб и растил сына.

Я развел руками. С такой вывернутой логикой спорить было невозможно.

Сергей, который все это время слушал молча, наконец не выдержал:

– Как ты можешь так рассуждать?!

– Как это «так»?

– Да это же настоящая чертова логика – главное, чтобы мне было хорошо, а на остальных наплевать. Ты что, за месяц здесь уже нахваталась у них подлости?

– Ой-ой-ой!.. Брось эти громкие слова: «подлость, предательство»! Ты что, еще не понял, что жить надо только сейчас и только для себя?

– Никогда так не жил и не собираюсь начинать. А вот ты меня удивляешь все больше и больше. Ты никогда такой не была.

– Откуда ты знаешь, какая я на самом деле? Ты что, решил, что если я с тобой сплю, то ты уже все про меня знаешь? Лопух ты был, лопухом и помрешь!

– Остановись, Марина, не надо, ты же знаешь как я к тебе отношусь...

– Ага, как он ко мне относится. Нормальная гормо-

нальная реакция, и ничего личного. У тебя уже начался сперматоксикоз мозга от одиночества. А тут появилась я. И вспыхнула вселенская любовь. Все нормально!

– Марина... – Я честно пытался ее урезонить, – может, вы потом выясните свои отношения?

– Надоело! Все надоело! Не хочу больше притворяться! Я и так всю жизнь подлаживалась: то под родителей, то под мужа и его компанию, теперь вот под вас!..

– А мы-то тут причем? – сказали мы с Сергеем.

– Да не при чем. Сначала мне надо было все детство убеждать своих родителей, что я именно такая, как им хочется. Потом изображала перед родителями будущего мужа ту самую, единственную и неповторимую, любящую и заботливую, которая только и подходит для их сыночка. Потом все время им подыгрывала и поддакивала. В общем, образцовая жена, – тьфу! – самой со стороны смотреть противно! И все время следила за собой, чтобы, не дай бог, не сорваться и не объяснить им всем, что же я о них думаю на самом деле. А у мужа была своя компания, и там я опять должна была становиться другой. Там все дети шишек, всем все пофиг, у всех все и так уже есть. Чужих, – в смысле, тех, чьи родители не сумели дослужиться до их вершин, они откровенно презирали. И

я должна была притворяться такой же, и тщательно скрывать, что до замужества я была «черной костью». А на работе – все наоборот! Свекор, паразит, так и не удосужился после свадьбы найти мне приличную си-некуру, и я по-прежнему работала в своем НИИ. Институтские бабы завидовали мне страшно. Еще бы: за «шишкиного» сыночка замуж выскочила! И я с ними заигрывала как могла, чтобы меня только не съели. А я уже больше не могла играть девочку, прости господи, типа свой парень. Я – женщина, и хочу жить и получать удовольствие от жизни! А не прозябать по восемь часов на работе всю неделю, а потом все выходные стирать и гладить белье, да варить борщ!

– Ну, тут ты, пожалуй,хватила лишку, – возразил я. – Не думаю, что с твоим тестем и его прислугой ты много стирала и гладила.

Сергей просто молчал. Ему было тяжело наблюдать эту метаморфозу.

– Ну да, правильно, – продолжила Марина. – Поэтому я и вышла замуж за своего идиота. Ты что думаешь, он без отца что-то из себя представлял? Я практически за папочку выходила. На самом деле я бы могла и под самого папочку лечь, но это ненадежно. А замужем за его сыном – это совсем другое дело. Это – пожизненный гарантийный сертификат!

– А что же ты тогда сюда напросилась? Неужели

тебе здесь лучше?

– Ха, много вы знаете! Вы же – лопухи оба! Вы отправились сюда, поверив Евлампию, что он обеспечит вас всем необходимым, и все! А у меня – договор.

– И что в этом договоре?

– Ага, так я тебе и сказала...

Марина резко потушила свою вечную сигарету:

– Все, засиделись мы сегодня. Завтра выходной.

– Ну, так поэтому и можно посидеть, завтра выспимся! – запротестовал я.

– Это вы выспитесь. А мне рано вставать, у меня дела.

– Пошли, горе мое, – добавила Марина, обращаясь уже непосредственно к Сергею. Она обняла его и улыбнулась, как ни в чем не бывало. Растерянный Сергей обнял ее в ответ, и вдвоем, они отправились к себе. Голова Марины уже лежала у Сергея на плече, она что-то шептала ему на ухо.

Я остался на кухне один. Во время всего разговора я чувствовал какую-то несоразмерность. Что-то никак не стыковалось. Маринин тесть – советский партийный деятель, Серегу преследует КГБ за антисоветскую пропаганду. Что происходит? Наконец, что-то щелкнуло у меня в голове. Я вскочил и бросился из кухни в коридор:

– Ребята, подождите! Ответьте мне на один вопрос:

какой сейчас год?

– Одна тысяча девятьсот восемьдесят... – начали хором Сергей с Мариной. Они переглянулись, приснули от смеха и, не договорив, исчезли в спальне. Дверь за ними закрылась, и я остался один. Момент для обсуждения временного феномена оказался явно неподходящим. Я вернулся на кухню. Спать еще не хотелось, несмотря на прошедший рабочий день и долгий нервный вечер. Я решил хорошенько поразмыслить над происшедшим. В принципе, меня не удивило то, что Сергей с Мариной прибыли сюда из другого времени. Вполне возможно, что и сами они жили в разные годы. Из рассказа Сергея мне стало ясно, что черти могут управлять временем. «Так вот почему мне было так просто с ними, – понял я. – Они пришли из того времени, из той страны, которую я хорошо знаю и понимаю, в отличие от современной, совершенно непонятной мне России!..» Додумать эту мысль до конца мне не удалось. Мягкие ладони закрыли мне глаза, в ухо кто-то нежно подышал, а затем прошептал знакомым голосом:

– Спать пора!

Элла, как обычно, появилась, как только Марина с Сергеем ушли к себе. Она привычно повернулась и пошла к выходу из кухни.

– Подожди, – взмолился я. – Я так больше не могу.

Немедленно сядь и давай по-человечески просто поговорим.

– А не боишься, что будет как в анекдоте? «Чайковского читала, нет? Тогда в койку!». И потом, может, я по-человечески и не умею? – улыбнулась Элла.

– Все остальное ты по-человечески очень даже умеешь. А сесть со мной и просто поговорить – это тебе, выходит, не под силу? – Я схватил ее в охапку и усадил к себе на колени. – Вот и все. Ответишь на мои вопросы, тогда я тебя отпущу.

– А попросить нельзя, надо сразу накидываться? – для вида закапризничала Элла.

– Конечно. Ты еще не знаешь, какой я грозный. – Я зажал нос и прогундосил фразу, знакомую каждому, кто хоть однажды смотрел Западные фильмы с подпольным русским переводом: – Вы имеете право на один звонок адвокату. Вы имеете право сохранять молчание.

– Впрочем, нет, – добавил я, когда мы отсмеялись. – Права на молчание я тебя лишаю.

– Изверг, – сообщила мне Элла, щекоча губами мою шею.

Чертовка прекрасно знала, что через десять секунд все будет кончено, никаких вопросов я задавать больше не смогу. Усилием воли я прервал это неземное наслаждение и развернул Эллу так, чтобы она боль-

ше не могла повторить свою провокацию. Я помолчал, надеясь, что сердцебиение уляжется. Элла глядела на меня почти с испугом:

– Саша, что-то случилось? Тебе действительно так нужно поговорить?

– Ага. Только ты, пожалуйста, больше так не делай, ладно?

– Вообще никогда-никогда? – хитро переспросила Элла.

– Нет, нет, что ты! – в деланном ужасе закричал я. – Только до конца разговора.

Внезапно Элла поднялась с моих колен и села напротив.

– Хорошо, – сказала она, нормальным голосом, – попробую быть серьезной. Только учти, мне это трудно, и надолго меня все равно не хватит. Так что начинай поскорее.

Вот как раз с этим у меня и был напряг. Я только-только начал формулировать свои вопросы. Но сначала я должен был задать их самому себе, и попытаться ответить самостоятельно.

– Ладно, самое главное придется отложить. Я сам еще не понял, что именно меня беспокоит. А ты пока расскажи о моих соседях. Ты знаешь, я тут с ними треплюсь почти неделю, а толком так ничего и не узнал.

– А что тебя интересует, милый? Неужели тебе при-
спичило посплетничать?

– Считай, что да. Что они делают на работе, как от-
дыхают? И что здесь творится, в конце концов? – ка-
жется я все же сумел сформулировать свой главный
вопрос. Меня понесло. – Для чего меня сюда вытаци-
ли? На кой ляд здешним чертям компьютеры, да еще
устаревшие и ни на что не способные? Зачем я целый
день издеваюсь над охранниками? Мне это уже по-
рядком надоело, честно сказать. Толку от всего этого
ни на грош. Кому это нужно, я не понимаю!

Последнюю фразу я практически уже кричал. Неза-
метно для себя я так разошелся, что встал и закричал
в потолок:

– И зачем все это нужно лично мне, хотел бы я
знать!

Потолок мне не ответил. Элла тоже молчала: жда-
ла, пока я выговорюсь.

– Я не могу застать Евлампия уже целую неделю.
Каждый день пытаюсь пробиться к нему в кабинет, но
меня выбрасывает обратно в мою комнату в обща-
ге. Слушай, я начинаю чувствовать себя здесь как в
тюрьме. Да на фига мне все это нужно! Я, слава бо-
гу, пока еще живой, чтобы гнить здесь как последний
грешник. Это нечестно!

Наконец, я успокоился. Приступ непонятного воз-

буждения, которое охватило меня минуту назад, так же внезапно закончился. Я совершенно спокойно сел обратно и, прихлебывая остывший чай, посмотрел на Эллу:

– Вот вкратце и весь список вопросов. Только я не могу понять: что на меня нашло, и чего я так разорался?

– А это я тебе помогла. Ты сказал, что не можешь сформулировать свои вопросы, а я не могу ждать. Вот я тебя и подтолкнула.

– Обещай мне, пожалуйста, что больше не будешь меня так подталкивать, ладно?

– Договорились. А теперь слушай ты. Все эти вопросы – зачем и почему, – не ко мне. Может быть, Евламбий ответит тебе на них со временем, а может и нет. Все зависит от тебя самого. Ты сам во всем разберешься. Рано или поздно.

– Что же мне делать?

– Прежде всего, перестать задавать этот самый вопрос. Сразу станет легче.

– Хорошо, не буду. Но хоть что-то ты мне можешь объяснить?

– Объяснить – нет. Могу рассказать о твоих соседях. Хотя мне не понятно, ты, похоже, и так все о них знаешь.

– Я разобрался, что они из себя представляют. На-

пример, на Серегу я всегда смогу положиться, а вот Марине я даже не дам подержать свое пирожное.

– Сожрет, – согласилась Элла.

– Непременно. А потом еще и возмутится, что маленькое. Впрочем, ты ее тоже недолюбливаешь, я прав?

– Если ты имеешь в виду, что я на нее обиделась за закрытую комнату, то нет. Она была вправе выбирать любое средство. Она выбралась из затруднительного положения, да еще и устроила гадость сослуживцу. У нас это считается достоинством. Кстати, она получила самую высокую оценку за всю историю этой комнаты.

– Ну, я же говорю – стерва. А чего же она тогда на тебя дуется?

– А ты так и не понял? Она за Сергея боится, ко мне ревнует. Он ведь тот еще гулена. Тем более, он тут без нее целый месяц жил. Она его все время пытается, было ли у нас что-то?

– А было? – не удержался я.

– Брось, ему фантазии не хватило, что можно спать с ведьмой. Особенно – в тот первый месяц. Он ходил и работал, как замороженный, на автомате. Евлампий уже жалел, что взял его. А все свободное время Сергей сидел над своей книжкой. Говорит, я должен ее написать всем назло. Выбросил все, что они уже сде-

лали вместе с Ильей, и начал писать заново. Теперь там достается уже всем: и генералам, и КГБ, и КПСС. Потом он втянулся в эту жизнь, даже смирился с потерей жены и пацана. А первое время сильно убивался. Потом появилась Марина, и он в нее по-настоящему втюрился.

– Вот как раз этого я и не могу понять.

– А что, красивая баба, сексуальная, как кошка. И умная. Играет с ним, вертит, как хочет. А ему теперь все равно не до личной жизни. Он считает, что совершил благородный поступок, и что своим пребыванием здесь он расплачивается за спасение товарищей. И убегает от всех вопросов и лишних мыслей к своей книге. Боюсь, что у него уже сформировалась новая мания.

– Жаль парня. Ну а Марина? Я так и не понял, как она здесь оказалась. Ведь у нее жизнь сложилась идеально, по ее меркам. Выскочила замуж за генеральского сыночка, или кем там был его папаша, я не знаю... Каталась, небось, как сыр в масле: дефицитные шмотки там и прочее. Ей-то чего не хватало?

– Во-первых, ей нужно куда-то выплескивать свою злость. Дома она боялась вымолвить лишнее слово, не то чтобы скандал устроить. На работе тоже нельзя – вдруг свекор узнает и разочаруется в своей невестке. Она ведь только пыжится, что ее замужество – это

пожизненный сертификат. Если бы она свой стервозный характер хоть разочек проявила, и свекор решил, что она не подходит его мальчику, она бы оглянуться не успела, как оказалась на улице. Да еще с волчьим билетом. Так что она просто устала жить в постоянном напряжении.

– Как разведчик в тылу врага, постоянно на грани провала, – кивнул я. – И все равно непонятно. Так живут тысячи женщин. Она сама именно о такой жизни и мечтала, столько усилий приложила, чтобы пролезть в ту семью!

– Да, конечно. Наверное, тысячи. А ты спрашивал их вот так, один на один, откровенно, счастливы ли они? То-то. У любой найдется свой скелет в шкафу.

– А Евлампий-то тут при чем?

– Евлампий наблюдал за ней с самого детства. Даже заключил с Тихоном Велесовичем пари, что заполучит ее.

– Как вижу, он его выиграл. Но как?

– Очень просто. Соблазнил ее.

– Евлампий? Я не ослышался?

– Блин, да что ты сегодня на сексе повернутый? Евлампий предложил Марине такое, от чего она не смогла отказаться. Он ей предложил не Ад, как вам, а Рай.

– Вот как? Слушай, а я даже не задумывался над

этим ни разу. Ведь если мы в Аду, то где-то должен быть и Рай. Вот это да! – я ошарашено покачал головой. – Постой, но ведь выходит, что он ее обманул? Она все же в Аду...

– Дурачок. Вот так вас и покупают. Она здесь работает. А там – отдыхает. Пять дней она живет здесь, в общежитии, и работает на наш департамент. Причем, работает на совесть. Она отрывается на грешниках хуже самого сурового охранника. А по выходным Евлампий отправляет ее в Рай. Что она там делает, как развлекается – никто не знает. Но приезжает всегда очень довольная: отдохнувшая, загорелая, веселая. Здесь она мгновенно опять звереет от обстановки – представь себе: вот такое, и после райских садов! – и вымещает свою злость на заключенных. Евлампий с Тихоном Велесовичем просто в восторге от нее. Ее, похоже, такое положение вещей вполне устраивает. Она честно отработывает свои поездки на выходные в Рай, и кроме них ее, по большому счету, ничто не интересует.

– А Серега? Она бывает в Раю с ним?

– Ты сам-то понял, что спросил? Подумай хоть немного, зачем он ей там? Она с удовольствием использует его здесь, чтобы не быть одной, а там, в Раю, она и без него прекрасно обходится. Он даже и не знает ничего. Просто на выходные Марина куда-то ис-

чезает, а в понедельник появляется снова. На вопросы она, конечно, не отвечает. В первый же раз, когда Сергей спросил, куда она исчезла в выходные, она закатила ему такой скандал, что он больше никогда ее об этом не спрашивает. Встанет утром, увидит, что ее опять нет, вздохнет, попьет чайку в одиночестве на кухне, и садится за свою книгу. Вот и все, что я могу тебе рассказать...

Информация оказалась интересной, но практически бесполезной. Ничего важного я так и не узнал. Хотя вот насчет Рая...

– Слушай, – спросил я Эллу. – А эта поездка в Рай. Это только Марина себе выбила, или мне тоже можно попроситься туда? У меня ведь теперь будет болеть живот, пока я там не побываю. Хоть одним глазочком глянуть! – занудил я.

– Ага, дошло наконец. А я, между прочим, для этого и пришла сегодня пораньше. Хотела тебе кое-что сообщить, – Элла хитро посмотрела на меня, и замолчала.

– Ну! – завопил я голосом Кисы Воробьянинова, перед которым Остап вскрывал очередной стул. – Ну!

– Не нукай, я не лошадь, – рассмеялась Элла. – Стала бы я тебе все это рассказывать, если бы тебе нельзя было знать. А сюрприз я приберегу на потом. Пошли в спальню, изверг, держишь женщину на кухне.

– Ты думаешь от меня в спальне сейчас будет толк? Говори немедленно, а то у меня уже заболело, – я схватился за живот и замычал. Это должно было продемонстрировать, что обещанные боли в животе уже начались.

– Э, милый, да у тебя видать родовые схватки. Может подсобить, акушерку вызвать? – засмеялась Элла.

Я не ответил и упорно продолжал мучиться.

– Ладно, изверг, слушай. Час назад меня вызвал к себе Тихон Велесович. Он просил передать тебе, что доволен твоей работой.

– Доволен балаганом, который я устроил? Ну, ну, похоже я тут пришелся ко двору. Значит, все что говорили Сергей с Мариной действительно правда. Все эти рассуждения о пакостях, мелких и крупных – это не просто треп, это норма здешней жизни. Я прав?

– А как же иначе, без пакостей? – искренне удивилась Элла. – Мы же на работе!

– Понятно. У нас на Земле в общем-то тоже так, но не настолько откровенно.

– А мы существа конкретные. У нас все по-простому. С утра сделал гадость – и весь день свободен. Но ты не дослушал. Тебе положена премия. Завтра поутру у тебя будет экскурсия в Рай. Зайдешь в свою будку, найдешь в справочнике номер Ираклия Андрееви-

ча, и отправишься. Там тебя встретят.

Я завопил от восторга, схватил Эллу на руки и понес к выходу.

– Вот теперь от меня толк будет, – прошептал я, целуя ее на ходу.

– Животик то, животик как, не болит? – успела ехидно поинтересоваться Элла, перед тем как за нами закрылась дверь в спальню.

Утром, как обычно, я проснулся один. Я стал раздумывать, как мне провести сегодняшний выходной день. И тут вспомнил про обещанную экскурсию. Я быстро вскочил и через пятнадцать минут, гладко выбритый, пахнувший итальянским шампунем и французским одеколоном (знай наших, тоже не из деревни приехали!) уже стоял в телефонной будке и держал в руках справочник.

На этот раз справочник был заполнен полностью. В глазах рябило от непривычных имен и странных названий. Ради интереса я поискал Евлампия. Его номер стоял на своем месте. Номер Тихона тоже был там. Я понял, что карантин сняли и мне предоставлена возможность свободного передвижения. Но все это позже, позже, сказал я себе. Черти от меня никуда не убегут. А сейчас мне нужен был этот загадочный Ираклий Андреевич. Я вдруг испугался, что как раз его тут и не будет. Вспомнилось Элино «с утра гадость – и

весь день свободен». Но обошлось. Похоже, справочник больше не собирался играть со мной: нужный мне номер нашелся на соответствующей странице. Через секунду я уже крутил диск телефона.

Глава 10

– Арфу и псалтырь, пару крыльев и сияние тринадцатый номер для капитана Эли Стормфилда из Сан-Франциско! Выпишите ему пропуск, и пусть войдет.

(Марк Твен, Путешествие капитана Стормфилда в рай.)

Я стоял на широкой, залитой солнцем и бетоном площади. Вокруг громоздилось совершенно немислимое скопление зданий. Первыми бросались в глаза небоскребы. Здесь был повторен весь центральный Нью-Йорк, от Эмпайр Стейт Билдинг до Рокфеллеровского центра. С небоскребами Нью-Йорка соседствовали все известные небоскребы других мегаполисов Земли. Было даже несколько телевизионных вышек, и не меньше десятка Эйфелевых башен. Я с трудом представлял себе, кому и зачем они могли здесь понадобиться, телевизионные вышки, да еще в таком количестве, но они были.

Следующее место по грандиозности занимали копии знаменитых отелей. В первую очередь знаменитые казино Лас-Вегаса. Прямо передо мной расположился помпезный «Дворец Цезаря», рядом громоздилась пирамида отеля Luxor. За казино толпились

всевозможные Шератоны и Хилтоны, собранные со всех концов света.

Далее располагался район дворцов и вилл. Я сразу же узнал мой любимый Петергоффский Большой Дворец с его каскадом фонтанов. Версаль и Виндзор мирно соседствовали, окруженные великолепными парками. Во всем великолепии блистали восточные дворцы. Виднелись причудливые, для европейского глаза, очертания резиденций древней японской и китайской знати. Белели мрамором виллы римских аристократов.

Я поглядел в другую сторону. Здесь начинался широкий проспект. Вдаль тянулись ряды зданий, описать которые весьма затруднительно. Большинство сооружений представляли собой дикое смешение архитектурных стилей. Некоторые, самые авангардные, были похожи скорее на гигантские деревья. Они вздымались вверх под немыслимым углом, извивались, закручивались в спирали, перекидывались арками через проспект и сливались со своими соседями на другой стороне.

Среди хаоса построек, попадались и настоящие произведения искусства. Здания, сотворенные мыслью, не связанной ограничениями, навязанными строительным материалом, и не подчинявшиеся самим законами гравитации. Здания, очертания кото-

рых ограничивались только фантазией их авторов.

Однако большинство построек оставляло неприятное ощущение пустой напыщенности, аляповатости, отсутствия вкуса и воображения у их создателей.

На крышах домов горели огромные буквы рекламных объявлений. Рекламные картинки непрерывно мелькали на стенах домов. Наиболее эффектными выглядели объемные трехмерные изображения появляющиеся в воздухе прямо перед входом в здания. Гигантский гамбургер, повисший напротив не менее гигантской буквы «М» знаменитой закуской, из-за своего размера не показался мне достаточно аппетитным. Тем не менее, заходивших туда посетителей это не останавливало.

Среди привычных магазинов, ресторанов, салонов красоты и прочих неперемных атрибутов подобных мест отдыха и покупок, попадались и довольно экзотические заведения. На здании, которое я с первого взгляда принял за авторемонтную мастерскую, висело объявление «Чистка и регулировка кармы». Внутри что-то пытело и двигалось. Из открытой двери раздавались хлопающие и чавкающие звуки, вырывались клубы пара.

Напротив мастерской располагалось заведение, похожее на парикмахерскую. Через стеклянные двери я видел сидящих в креслах женщин. Возле них хлопо-

тали мастера в белых халатах. Другие клиентки сидели в надвинутых на головы колпаках фенов. В прихожей, за разговором, коротали время ждущие в очереди. Табличка над входом гласила: «Стрижка и укладка биополя, окраска и шестимесячная завивка ауры».

Над изогнутым дугой зданием, на вершине которого красовался десяток параболических, гиперболических и эллиптических антенн, горела реклама: «Космический информационный канал. Индивидуальная настройка на пользователя. Подключение и первые два месяца – бесплатно!».

Вдоль проспекта тянулась полоса автомагистрали, по которой неслись автомобили всех марок, всех времен и народов. Но основное движение шло по параллельной полосе, вымощенной камнем. По мостовой на лошадях скакали всадники. Запряженные упряжки везли за собой громоздкие золоченые кареты. Рядом с этими помпезными, по-варварски роскошными произведениями средневековых дизайнеров, самые дорогие современные лимузины выглядели как домашние болонки рядом с красавцами сенбернарами. Эффектно смотрелись на мостовой колесницы, в которых стоя ехали всадники в белых тогах или черных плащах. Некоторые предпочитали носилки, которые несли абсолютно одинаковые, будто сошедшие с конвейера, огромные негры. Кто-то даже ехал в санях,

запряженных собаками или оленями. Каким-то неведомым образом, под полозьями саней все время был снег.

По тротуару гуляли многочисленные прохожие. Их внешний облик различался еще сильнее, чем транспорт на дороге. Здесь были представлены все расы и все национальности. Для современного человека, выросшего в большом городе, такая картина стала уже привычной. Однако местное население различалось не только по географическому, но и по временному признаку. Рядом с моими современниками, шли одетые в сюртуки представители викторианской эпохи. Чопорные джентльмены в высоких цилиндрах едва заметно кивали друг другу при встрече. Нарядно одетые русские купцы с окладистыми бородами неторопливо оглядывали витрины магазинов, и что-то про себя подсчитывали.

Яркими пятнами выдавались в толпе европейские дворяне времен эпохи возрождения, в париках и ярких камзолах, со шпагами на перевязях. Декольтированные дамы в роскошных платьях с дорогими украшениями привлекали мужские взгляды. Однако, натолкнувшись на встречный взгляд кавалера, небрежно положившего руку на эфес шпаги, прохожие спешили дальше. Редкие смельчаки, обернувшись, бывали вознаграждены улыбкой красавиц, и брошенным

незаметно на мостовую батистовым носовым платочком с вышитой монограммой.

Среди прохожих встречались азиаты в национальной одежде, мало менявшейся на протяжении столетий. Маленькие и изящные, как статуэтки, японки, затянутые в кимоно, семенили мелкими шажками в своих игрушечных деревянных туфельках, скромно потупив взор. Однако и в этом случае, привлекательный и настойчивый ухажер мог получить в награду незаметно переданную записку.

Я, наконец, перестал ошеломленно крутить головой и заметил стоявшего рядом со мной невысокого, полного господина, в сюртуке, жилетке и полосатых панталонах. Из кармана жилетки высовывались золотые часы луковица. От часов к поясу тянулась золотая же цепочка с брелоками. Лицо невысокий господин имел чистое, простое, но крайне приятное. Он наблюдал за мной с улыбкой.

– Здравствуйте, Александр Леонидович. Я уж испугался, что вы так и не обратите на меня внимание.

– Здравствуйте, – ответил я удивленно. Затем, проделав незамысловатые умозаключения, добавил. – Вы видимо встречали меня?

– Ну да, ну да. Я, однако, не стал мешать вам осмотреться. Первые впечатления, знаете ли, они самые важные.

Я представил, как выглядел со стороны, когда с открытым ртом таращился по сторонам.

– Да, вы правы, впечатление потрясающее.

– Простите, забыл представиться. Я не душа, как вы догадываетесь, а местный служащий, чиновник так сказать. С достаточно высоким положением, могу вас заверить. Зовут меня Ираклий Андреевич, полагаю вас известили обо мне.

Я пожал пронятую мне руку. Мы сказали друг другу все положенные в таких случаях слова.

– Местный служащий, – повторил я. – То есть ангел?

– Ну да, можно сказать и так.

– А где же ваши крылья, нимб?

– Ну, батенька, это парадная форма тысячелетней давности. Департамент ее давно отменил. Теперь мы одеваемся в соответствие с традицией и модой своего сектора. Ну, разве что с небольшим отставанием, – ответил ангел, косясь на мои джинсы с кроссовками. – Я покажу вам все, что вас интересует, а потом буду рад ответить на ваши вопросы.

– О, вопросов у меня скопилось множество. Вы хотите сказать, что это и есть рай?

– Не весь, конечно. Это лишь центральная часть, здесь сосредоточена деловая активность. То, что в земных городах называется коммерческий центр или,

на американский манер, даунтаун.

– Деловая активность. Помилуйте, Ираклий Андреевич, что вы имеете в виду под деловой активностью в Раю?

Ираклий Андреевич подошел ко мне и взял меня под руку.

– Давайте немного прогуляемся, а по дороге я вам расскажу все по порядку.

Я как-то не привык гулять под руку с мужчинами, но понял, что для моего сопровождающего это вполне обычный способ передвижения, и не стал возражать. Мы неторопливо пошли по проспекту. Вблизи картина была еще более впечатляющей. Мелькание разнообразных лиц, пестрота их одежды, обрывки разговоров на непонятных языках. Все это в совокупности не давало никакой возможности понять, что говорит мой спутник. Наконец, я почувствовал, что привык к этому бесконечному мельтешению перед глазами, и прислушался. Ираклий Андреевич как раз заканчивал свои объяснения.

– ... и таким образом вы видите, что для творческой работы и занятий бизнесом, существует, кроме денег, множество других побудительных мотивов.

Мне неловко было переспрашивать с первых же минут нашего знакомства, поэтому я решил отложить это на потом, а сам стал слушать дальше. Ираклий

Андреевич тем временем продолжал.

– Вы, возможно, обращали внимание, что за небольшим исключением, описание Рая в большинстве религий достаточно условное. В отличие от Ада, пребывание в котором всегда описывается тщательным образом, с душераздирающими подробностями предстоящих мучений. В этом есть своя логика. Наказание должно быть конкретным.

– Простите, что перебиваю вас, – прервал я Ираклия. – Я только что прибыл из тех самых мест. И я бы предпочел поговорить с вами о Рае, а не о месте своей работы и проживания. Временных, как мне хочется надеяться.

– Временных, конечно же, временных, дорогой мой Александр Леонидович. Вы ведь живы, а значит – у вас все временно.

Вот так успокоил, подумал я. Вслух же сказал другое.

– Как же вы выходите из положения?

– Индивидуальный подход, а как же иначе. Каждой душе создаются подходящие для нее условия. В ряде случаев, применим и групповой метод. Там все действительно решается достаточно быстро и просто. Давайте, чтобы не тратить время попусту, мы и начнем нашу экскурсию с таких примеров. Закройте глаза, пожалуйста.

Я закрыл глаза и почувствовал, что меня буквально выдернули из окружающего пространства, как пробку из бутылки, и через мгновение воткнули обратно, но уже в другую. Я осторожно открыл глаза.

Мы стояли на склоне, покрытом жесткой темно зеленой травой. Внизу, под нами, темнело серое холодное море. Волны с шумом набегали на тонкую полоску такого же серого песка. На берегу стояли полусгнившие, разбитые волнами старинные ладьи. Когда-то здесь была пристань. Теперь от нее остались лишь несколько торчавших из воды деревянных свай.

Возле причала, в песок был вбит высокий столб. На столбе криво висела табличка с надписью готическими буквами: «Добро пожаловать в Асгард – жилище богов!». От пристани вверх по склону вела тропинка, почти заросшая мхом и травой. Возле начала тропинки в землю был вкопан еще один столб. На нем был указатель со стрелкой и надписью «чертог Вальгалла – последний приют павших воинов».

Я повернулся вслед за стрелкой и увидел, что тропа ведет к огромному замку. Древняя каменная крепость поражала, прежде всего, своей основательностью. Широкие мощные стены, невысокие, но толстые башни по углам, и прочные ворота напрочь отбивали мысль о возможном штурме. С архитектурной точки зрения примечательной была только крыша замка,

сложенная из старинных шлемов и щитов. Когда-то на щитах были рисунки, но погода и время полностью их стерли. Перед воротами замка протекала неширокая, но быстрая и шумная горная речка. Через речку был переброшен мост, от которого теперь остались только сваи. Возле моста стоял указатель «река Тунд».

Я вопросительно посмотрел на своего гида.

– Это Один постарался.

– Один? Скандинавский бог?

– Он самый. Верховный бог скандинавской сборной. Известный задира и пьяница. Ему стало скучно со своими подчиненными, и он придумал брать к себе в собутыльники души викингов, тоже не дураков выпить и подраться. Несколько веков он собирал здесь компанию из убитых воинов, затем передал Скандинавию в ведение христианского отделения, а сам заперся с собутыльниками и беспробудно пьянствует. У него собралась весьма примечательная компания единомышленников. В огромном зале накрыты столы с отборными, конечно по понятиям викингов, угощениями. В основном это зажаренные целиком быки и олени. У них главным критерием является количество. Но главное на столе это напитки. Говорят, Один научился гнать семидесятиградусный самогон, и теперь они забросили свой любимый эль и хлещут только его пойло. С утра там все чинно, благородно. У каждого есть

свое место, согласно его прошлым заслугам. Самые прославленные сидят за одним столом с Одином. Все едят и пьют, поют песни, и по очереди рассказывают истории о своих прошлых подвигах, то есть кого, где и как они зарезали. К вечеру все напиваются до свинского состояния, достают топоры и начинают выяснять отношения. К полуночи в живых остается едва ли половина, остальные, изрубленные в лапшу, валяются на полу. Вдрызг пьяные победители чуть позже тоже валяются рядом с трупами и засыпают. За ночь все приходят в себя, раны заживают, отрубленные конечности и головы отрастают заново. Утром все похмеляются, усаживаются за стол, и веселье начинается сызнова.

– Крепкие, однако, ребята, – только и смог сказать я.

– Кремень, а не люди, – согласился Ираклий Андреевич. – Один для себя же и старался. Теперь таких больше не делают.

Я несколько минут постоял перед замком, оглядывая все вокруг. Когда мое любопытство было полностью исчерпано, Ираклий Андреевич предложил мне снова закрыть глаза. Теперь путешествие воспринималось совсем легко.

Когда я открыл глаза, передо мной стоял настоящий восточный дворец из сказок «Тысяча и одна

ночь». Ажурные башенки, крытые переходы, внутренние дворики. Таким я и представлял себе настоящий дворец из арабских сказок. Вывеска над входом гласила, что это рай для истинных праведников, исповедующих при жизни мусульманство.

Праведники проводили время весело. Треньканье множества дутаров сливалось с пьяными криками постояльцев. С завидной регулярностью раздавались стоны лишаемых девственности красавиц пери. Я не стал использовать свое умение видеть сквозь стены. Мне и так все было ясно.

– И это праведники? Как же тогда отдыхают просто безгрешные?

– Чуть тише. Поменьше музыки, вино послабее, никаких наркотиков. И всего сорок гурий на брата.

– А здесь?

– Здесь их семьдесят две, это категория люкс. Плюс отборный гашиш. Мы оборудовали все в точности, как они просили.

– Семьдесят две. Откуда такая точность?

– Не знаю, – усмехнулся Ираклий Андреевич. – Это не наша инициатива, это было их главное требование. Видимо кто-то еще при жизни на Земле самостоятельно подсчитал. Представляете себе такого экспериментатора?

– Да, уж. Он видимо был очень сексуально озабо-

чен. И этот бесконечный бордель они называют раем? По мне уж лучше наша тюрьма. После такого зрелища я целую неделю буду с удовольствием смотреть рекламу стиральных порошков.

– Эх вас зацепило! Не переживайте, вас сюда и не пустят. У вас не тот склад ума. Но в основном вы правы. Те кто здесь развлекаются – это просто жрущая, пьющая и спаривающаяся протоплазма.

– И к чему все это?

– А вы, по-прежнему пытаетесь во всем искать смысл. Кроме смысла есть еще правила, которые мы соблюдаем. Им было обещано, и они получили. Здесь находятся именно те, кто на большее не способен. Согласитесь, надо же их куда-то деть? Это не самый плохой вариант. Клиенты довольны и никому не мешают. Заодно и избавляют нас от дополнительных хлопот. С ними только одна проблема, – добавил Ираклий Андреевич, указывая в сторону от дворца. – Это обеспечение девственницами.

Я повернулся в указанную им сторону, и увидел, что недалеко от дворца стоит фабрика. Судя по внешнему виду это было какое-то сложное химическое производство. Из ворот выходила нескончаемая вереница женщин.

– Биороботы высокого класса, – объяснил Ираклий. – Интеллект им особый не требуется, важны

только физические показатели. К сожалению, в последнее время фабрика не справляется с нагрузкой, и уже рассматривается вопрос о строительстве дополнительной.

Ираклий Андреевич взглянул на меня.

– Подобные узкопрофильные отделения имеются для фанатиков всех религий. Хотите продолжить осмотр или вернемся в центр?

– Кажется, я уже получил представление об этих, как вы их назвали, узкопрофильных отделениях. Давайте вернемся к главному. Я так и не понял, что же у вас происходит с душами? Только сначала, заберите меня отсюда, пожалуйста.

Мы снова очутились в центре. На этот раз мы сидели в легких плетеных креслах перед небольшим столиком на тенистом зеленом бульваре. На столе стояло две чашечки с кофе.

– Все не так уж и сложно, – Ираклий Андреевич отпил из своей чашечки, прислушался к ощущениям и довольно кивнул. – Фанатиков, которые твердо и наперед знали, что именно они будут делать в Раю ничтожно мало. Подавляющее большинство душ, попадая к нам, не имеют ни малейшего представления о том, что их может здесь ожидать. А счастье – понятие сугубо личное и индивидуальное. Ну как спрашивается, можно сделать душу счастливой, если она и сама

этого не знает? Поэтому все устроено следующим образом. Душам предоставляется возможность просто продолжать привычный образ жизни. Тем, кому он не нравился, могут выбрать любую другую жизнь. Человек сам выбирает по своему вкусу жилье из существующих на земле аналогов, или строит что-то свое, новое. Вы видели эти новые здания. Попадаются весьма интересные, но в основном ужас, конечно. Страшная безвкусица. Но, мы терпим. А из существующих, я думаю вы тоже обратили внимание, что далеко не все мечтают жить в Лувре или президентском люксе Хилтона. Именно эти люди в первую очередь и представляют для нас интерес. Но об этом чуть позже.

– Так что же, выходит я целую вечность опять буду составлять программы? Да еще под Windows?! Если конечно я попаду сюда, – добавил я осторожно. – Ну нет. Лучше в мою тюрьму, я как-то уже сроднился с ней.

Ираклий Андреевич допил кофе и поставил чашечку обратно на стол. Он прищурясь посмотрел на меня и сказал.

– А ведь вы трудоголик, Александр Леонидович. Подумайте хорошенько об этом на досуге. И не принимайте все так близко к сердцу. Вы ведь пока живой человек. Вот и живите себе и радуйтесь жизни. А что будет потом? Вот потом и узнаете.

Он достал из кармана жилетки часы и открыл их.

– Ну вот, – сказал он. – Пора обедать. Вы не откажетесь отобедать со мной?

– С удовольствием, – ответил я. Только теперь, я сообразил, что мы путешествовали значительно дольше, чем мне показалось и я успел основательно проголодаться.

– Тогда двинемся. Да! – воскликнул он. – Чуть было не забыл. Боюсь, что у вас сложилось несколько превратное представление о том, что получают в Раю те, кому было обещано. Давайте-ка, сейчас заскочим на пару минут в одно место. Только прошу вас, ведите себя тихо, я не хочу им мешать.

– Кому? – спросил я заинтриговано.

– Узнаете, – коротко ответил Ираклий Андреевич. – Закрывайте глаза.

Я закрыл глаза. Мы перенеслись. Еще не открывая глаза, я услышал, какая вокруг стоит тишина. Она не была абсолютной, совсем нет. Здесь был и шелест листвы, и далекое пение птиц, и даже редкое кваканье лягушек. Но все равно вокруг было ощущение спокойной тишины. Меня наполнило предчувствие, что сейчас я узнаю что-то важное и бесконечно значимое для меня. Я осторожно открыл глаза.

Передо мной лежал заросший камышом пруд. На другом берегу раскинулся сад. В саду росли вишни,

которые начали зацветать. Мне подумалось, как, наверное, приятно гулять с любимой в таком саду. В глубине сада стоял дом. Своим обострившимся зрением я разглядел как старый слуга, медленно ходит по дому и расставляет подсвечники – скоро должен был наступить вечер. В комнате склонился над письменным столом худой, темноволосый человек примерно лет тридцати восьми. Он что-то писал гусиным пером. Красивая женщина сидела в углу с вязанием, и временами с любовью смотрела на него. Я, пораженный тем, что увидел и кого узнал, повернулся к Ираклию Андреевичу.

– Это он, Мастер?

Ираклий Андреевич молча кивнул. Я хотел еще что-то спросить, что-то сделать, но вдруг мир передо мной раскололся на части, затем вновь соединился. Мы находились в красиво убранной столовой. Большая светлая комната выходила окнами в цветущий вишневый сад. Я спросил с надеждой:

– Где мы? Неужели у него?

Ираклий Андреевич отрицательно качнул головой.

– Нет. Его нельзя беспокоить. Я создал этот сад, только чтобы поднять вам настроение. А то, я смотрю, вы начали киснуть. А ведь наш разговор еще не окончен.

– Да нет, я в порядке. Просто я... Даже не знаю, как

мне сформулировать свои ощущения.

– Вот ничего и не говорите. Отдохните. Вы у меня в гостях. Сейчас мы с вами пообедаем, а потом погуляем по этому дивному саду. Там и закончим нашу беседу. А теперь, прошу к столу, закусим.

Обед был сервирован в знаменитых русских традициях, безвозвратно утраченных с наступлением двадцатого века. Для начала мы подошли к закусочному столу – небольшому столику, заставленному водками, всевозможными настойками в крохотных графинчиках и классическими русскими закусками. Я с любопытством наблюдал, как Ираклий Андреевич разлил водку в два серебряных стаканчика, взял небольшую тарелку кузнецовского фарфора и положил себе икры и балыка. Потом последовал его примеру.

– Ну что же, Александр Леонидович, давайте выпьем за ваше здоровье, – Ираклий Андреевич поднял свою рюмку.

Мы выпили и закусили. Потом перешли к обеденному столу, на котором был сервирован уже непосредственно сам обед. Некоторое время, мы молча отдавали должное поданным блюдам. Меню было составлено с большим пониманием, приготовлено все было безукоризненно. Вот уж в самом деле, райское наслаждение, подумал я и усмехнулся.

Ираклий Андреевич заметил мою улыбку.

– Что-то не так?

– Нет, что вы, все превосходно.

– Разумеется. Мы используем оригинальные рецепты самых выдающихся поваров. Никаких суррогатов, никаких подделок.

Тут мне пришло в голову, что я, наконец, смогу получить ответ на вопрос, занимавший меня уже много лет.

– Скажите, а можно мне встретиться с душой одного человека?

– В принципе это возможно. Но сначала скажите мне, кого и с какой целью вы хотите увидеть?

– Некто Оливье. Повар француз. Жил в Москве в конце девятнадцатого века. Он был самым знаменитым поваром в Москве. Вы уж простите, но за таким столом, у меня и мысли только о еде.

– Что ж, это похвально. За столом нужно говорить и думать только о еде, тут я с вами полностью солидарен. А вот насчет самого Оливье, то я понял о ком идет речь, но встречу, к сожалению, устроить не могу. Однако, мне очень любопытно, почему именно он?

– Это длинная история, но поскольку она имеет непосредственное отношение к еде, то я вам ее расскажу. Итак, Оливье в семидесятых годах девятнадцатого века работал поваром в трактире у Тестова. Там он достиг пика известности тем, что изобрел ка-

кой-то небывалый и совершенно потрясающий салат. У Тестова тогда собирались самые отъявленные гурманы, и обед не считался обедом без знаменитого салата оливье. Готовил его Оливье всегда лично. Никто не знал точного рецепта, было только известно, что в его состав входила черная паюсная икра, раковые шейки, рябчики, и многое другое. Стоил салат баснословно дорого, как и подобает редчайшему деликatesу. Но настоящих знатоков это не останавливало, а богатые купцы заказывали его для шика. Салат так и называли по имени автора. Многие в Москве пытались приготовить салат оливье самостоятельно. Но ни у кого не получалось добиться того совершенства. Было похоже, да все не то. Позже Оливье открыл собственное дело и построил на паях с купцом Пеговым роскошный ресторан «Эрмитаж Оливье». Разумеется, там подавали и салат оливье. Вслед за салатом в Эрмитаж перекочевали и все московские гурманы. Но речь не об этом. Дело в том, что к великому сожалению, Оливье умер, так и не раскрыв своего секрета. Вот этот рецепт и составляет основной предмет моего интереса.

– Ну что ж, – сказал Ираклий Андреевич, накладывая себе очередную порцию чего-то божественно вкусного. – История знает немало подобных, не побоюсь этого слова, трагических примеров. Почему же

именно этот салат? Почему не тушеный крокодил, фаршированный удодами, которого подавали к столу фараонов? Или знаменитый бухарский плов с перепелками и павлиньими языками? Эмир всегда ел его перед тем, как отправиться в гарем. Поверьте, нам не хватит обеда на перечисление всех этих заманчивых блюд.

– Дайте же мне дорассказать, – возмутился я. – Я предупреждал вас, что история длинная. Итак, прошло много лет. В России пришли к власти большевики, которые позже назвали себя коммунистами. Коммунизм они не построили, а свою страну компромиссно назвали социалистической. Правил страной в то время Иосиф Сталин. Он, между прочим, очень любил сытное и пьяное застолье, понимал толк в хорошо накрытом столе. Большое внимание он уделял тому, как выглядит его страна со стороны. Наблюдателю снаружи его полуголодная нищая страна должна была казаться богатой и изобильной. Пропаганда работала на всех направлениях. Немаловажным показателем в идеологической войне было и то, как и что пьют советские граждане. Первым делом был налажен выпуск шипучего вина, которое назвали шампанским. Правда, во избежание международного скандала, перед словом шампанское в названии добавили слово «советское». Сталин резонно рассудил, что потре-

битель все равно не сможет сравнить предложенную ему шипучку с оригинальным благородным напитком. Шипучку гнали повсюду, вкусом и качеством она разнилась по всему спектру подобных напитков: от действительно неплохих элитных сортов, до обычного перебродившего виноградного сока, который крепили и подслащали ликером, и искусственно газировали углекислотой. В западных странах, где жили идеологические противники Сталина, шампанское было и остается дорогим элитным сортом вина. Шампанское покупают для больших торжеств, чтобы подчеркнуть важность события, его подают на престижных приемах. Его пьют в дорогих ресторанах. В общем, это удовольствие для избранных. И вот, вдруг, статистика из советского союза сообщает, что советские люди за год выпивают шампанского в несколько раз больше, чем все западные страны вместе взятые. И это в пересчете на душу населения. Иностранные корреспонденты сразу в крик – фальсификация, не может такого быть! А им – пожалуйста, вот заводы, вот магазины с рядами тяжелых бутылок из темно зеленого стекла, вот вам рабочий и крестьянка, распивающие после первомайской демонстрации благородный напиток из граненых стаканов. Ах, качество у нас низкое? Тут же на мировые ярмарки поступают самые изысканные сорта великолепного игристого вина из СССР. Вино это дела-

ется самым тщательным образом из отборных сортов винограда по выверенным технологиям очень малыми партиями. И получает это вино медаль за медалью на международных конкурсах. Другое дело, что к шипучке, продающейся внутри страны, это вино не имеет никакого отношения. Но ведь об этом никто не знает. Внешне бутылки одинаковые. И замирает Запад в восхищении и удивляется, как богато живут советские труженики. А Сталин тем временем идет дальше. Всем винам, которые выпускались в стране, были присвоены гордые имена – портвейн, херес, вермут и мадера стояли рядами в продуктовых магазинах по цене, доступной любому советскому гражданину. Ничего общего со своими благородными однофамильцами эта бурда не имела. Но задачу свою выполняла отлично: бутылки такого напитка хватало для того, чтобы привести нормального здорового мужчину в совершенно скотское состояние.

– Прервитесь, Александр Леонидович, я вижу у вас уже в горле пересохло, а до пресловутого салатика вы так еще и не добрались, – остановил меня собеседник.

Я отпил немного вина из стоящего передо мной бокала (поскольку мы уже перешли к десерту, то это был херес), перевел дух, и продолжил.

– Когда с винами было покончено, и Запад уве-

ровал в небывалое благополучие советских граждан, настал черед белых эмигрантов – тех, кто успел убежать из России до ее превращения в СССР. Сталин решил добить своих старых врагов, таких же гурманов, как и он сам. И он вспомнил о знаменитом салате оливье. Сталин вызвал своего повара и дал ему задание придумать салат, который смогут одновременно приготовить перед праздником все хозяйки Советского Союза. В ответ на распоряжение, повар представил рецепт, состоящий из самых доступных и массовых продуктов. Основу салата составили вареная картошка, сваренные вкрутую яйца, соленые огурцы и кое-что по мелочи. Сталин был в восторге. Салат удовлетворял самым строгим критериям. Его было просто приготовить, продукты были доступные и недорогие, а сам салат оказался красивым, вкусным и сытным – его один можно было поставить на стол и приглашать гостей. Со свойственной Сталину иронией, он велел назвать новоизобретенный салат-оливье. В пику всем тем, кто еще помнил если не на вкус, то хотя бы по названию, великолепный деликатесный салат. И вот уже в ближайшую годовщину своей революции советские люди ели за праздничным столом салат оливье и запивали его шампанским. Говорят, что пожилые эмигранты, узнав о массовом поедании салата оливье в СССР под шампанское с вермутом и портвейном, те-

ряли рассудок. С некоторыми случались сердечные приступы. С тех пор россияне по праздникам с удовольствием едят картофельный салат, изобретенный безвестным поваром по приказу Сталина, и искренне верят, что это и есть салат оливье. Вот и вся моя история. Почти детективная история о том, как великий политик сумел использовать даже кулинарные шедевры прошлого в качестве идеологического оружия против своих врагов. Но меня во всем этом интересует только сам рецепт салата. Теперь вы понимаете, что я не могу упустить такую возможность раскрыть одну из загадок девятнадцатого века.

– Не самую таинственную, но, пожалуй, самую вкусную, – смеясь добавил Ираклий Андреевич. – Вы заинтриговали и меня. Но это не по правилам. Рецепт не сохранился, и его неожиданное возвращение на Землю может иметь самый непредсказуемый результат. Вы сами только что рассказали мне, какие серьезные последствия имело возрождение одного только его названия. А если восстановить рецепт самого салата, представляете, что может произойти?

Я не был вполне уверен, всерьез говорит Ираклий, или подыгрывает мне, находясь в благодушном расположении духа после хорошего обеда.

– Я приложил руку к груди, и напыщенно произнес:
– Обещаю, что как и изобретатель, сохраню рецепт

в тайне. Буду готовить салат оливье только для себя, и есть его ночью, под одеялом, в запертой комнате, и погасив свет.

Ираклий Андреевич развеселился окончательно.

– Считайте, что уговорили. Пожалуй, я попробую. Это действительно не так просто. И ответ я вам сразу не дам. Но, поскольку я смогу включить его в свое меню... Да и удивить коллег будет кстати, – он мечтательно закатил глаза. – Договорились, раздобуду я ваш рецепт. Однако, должен вас разочаровать. Встречу с душой господина Оливье организовать не смогу при всем моем желании. Его здесь уже нет.

Я удивленно посмотрел на собеседника.

– То есть, как уже нет? Где же он? Что может случиться с душой в Раю?

– Видите ли, это очень непросто. Личность Оливье представляет для нас особый интерес. Так что сейчас он находится, как бы выразится, еще выше. Его перевели на следующий уровень существования.

– Оливье, повар?

– Дело не в том, кем он был при жизни. Для нас важно то, что он обладает острым, творческим умом, способным к независимому мышлению. Поскольку при жизни он был поваром, то и проявил свои незаурядные способности в кулинарии. Сложись обстоятельства по-другому, он мог бы стать выдающимся худож-

ником или крупным политиком. Такие люди рождаются редко, и за всеми мы следим от рождения. Переход – это привилегия немногих по-настоящему творческих личностей.

Я задумался.

– Хорошо, оставим это. У меня есть к вам более серьезный вопрос. Я подумал о душах, населяющих эти ваши узкопрофильные райские заведения. И сравнил, уж простите я буду называть вещи своими именами, тех разбойников, убийц и развратников с душами отбывающими наказание в моей тюрьме в аду. Неужели они такие грешники, что им положено вечное наказание?! Возьмем, скажем, Александра Петровича, который отбывает срок за то, что пил водку, бил жену и три раза изменил ей с соседкой. И за это черти теперь издеваются над ним. Не такой уж и великий это грех. Любой нормальный мужик и выпивает, и хоть раз в жизни изменяет жене. Ну и пара оплеух за всю семейную жизнь наберутся у большинства. Так что же, если мужик по-пьяни перепихнулся с соседкой, то его сразу в ад, на вечные муки?

– Не горячитесь, Александр Леонидович, дорогой мой. Ну что вы сразу так – вечные муки. Давайте оставим вопрос о вечности пока в стороне. Вечность – это, знаете ли, слишком долго. А вот относительно того, заслуживают ли ваши заключенные такое наказание,

то вопрос настолько серьезен, что просто не имеет однозначного ответа.

– Отчего же. Речь идет о конечной виновности или невинности по итогам всей жизни человека. Грешен он или нет. Правильно?

– Совершенно верно. В упрощенном варианте все религии описывают процедуру суда над душой усопшего следующим образом. С одной стороны на весы будут положены все добрые дела человека, совершенные им при жизни, а с другой – все плохие. Дальше происходит взвешивание и соответственно приговор – в ад, или в рай. Очень просто. Только скажите, что тяжелее – зеленый цвет или нота До?

– Но, если предположить, что все поступки, как хорошие, так и плохие, имеют свою меру, то можно оценить их по единой шкале. Ну, не знаю, например, добрые дела можно определять в матерезах, что ли. Или скорее в милитерезах, куда нам до нее. А для плохих дел использовать ту же градацию, но со знаком минус.

В моем перевозбужденном мозгу уже закрутились формулы соответствующих математических моделей.

– Правда, тут возникает вопрос об основном моральном критерии, который следует принять за основу, – я запнулся. – Совершенно не представляю, как

объединить все в одну систему координат.

– Bravo, Александр Леонидович. Вы подошли к самой сути. Не существует этой единой системы координат. Как нет абстрактного добра и абстрактного зла. Есть только две точки отсчета – общественная мораль и личная убежденность.

– Постойте, а заповеди?

– Заповеди лишь общее руководство. Религиозные деятели успели добавить к ним кучу оговорок. А политики настолько извратили общественную мораль, что временами просто отрицают заповеди и переписывают их применительно к собственным интересам. Так что в изначальном виде заповедями никто уже не пользуется. Каждый случай мы рассматриваем индивидуально.

– Да уж, – растерянно сказал я. – Кажется, я начинаю понимать. Бедный Петрович, он еще при жизни корил себя за свои, не такие уж и великие грехи! Значит, на суде он во всем признался, и ему тут же вlepили максимальный срок. А какой-нибудь профессиональный преступник, имеющий опыт общения со следственными структурами, «пошел в отказ», как он это умеет, и благополучно пролез в Рай. Я правильно вас понял?

Ираклий Андреевич усмехнулся.

– В любой системе есть свои недостатки.

– Так, так, буду иметь в виду на будущее. Спасибо, что предупредили. А я-то думал, что если на высшем суде расскажусь, то мне, наоборот, объяснят, что я слишком строг к себе, и отправят в Рай.

– Беда в том, – ответил Ираклий Андреевич, – что отношение человека к самому себе, его личная убежденность в правильности и праведности своих поступков остается почти единственным критерием.

– И все равно я не понимаю. Мне кажется, что все это какая-то невыносимая игра, которая ведется по непонятным мне правилам. Но с какой целью? Зачем все это?

Ираклий Андреевич внезапно изменился в лице. Он достал из кармана жилетки свои золотые часы лужковичку и открыл крышку.

– Э, батенька, – ненатурально сладким голосом проговорил он. – Однако я совсем заболтался с вами. А вам уже и домой пора.

– Но мы же не договорили. Именно теперь у меня возникла куча вопросов к вам.

– Нет, нет. Покорнейше прошу меня простить, но вам пора назад. Прошу вас, закройте глаза.

Вселенная раскололась, и я вернулся в свою комнату в общежитии.

Глава 11

Мальгрим был ужасен – ужасны были его слова на каком-то колдовском наречии: «Варга гракка, Марлаграм, о террарма вава марваагриста Демогоргон!» Сумерки сгустились в черную мглу, грянул гром, сверкнула молния, удушливо запахло серой... (Джон Пристли, «31 июня»)

Я вновь очутился в своей комнате. Процедура перемещения стала уже привычной. Я вышел в коридор и заглянул на кухню. Сергей сидел за столом и что-то писал. Перед ним стоял небольшой красный чайник, украшенный золотым орнаментом. На чайнике была нарисована хлопковая коробочка с листьями. Рядом стояла такая же красная, с хлопком, пиала; в ней дымился темный, в красноту, чай. Красавец чайник не вписывался в спартанское убранство кухни. Я вспомнил, что его сотворила Марина в подарок Сергею на день его рождения.

Есть мне не хотелось, и я решил не беспокоить Сергея, а пошел погулять снаружи. Я вышел из здания общежития, прошел мимо обшарпанной телефонной будки – автобусной остановки, как мы прозвали ее из-за выполняемых ею неспецифических функций. Дой-

дя до конца дома, я свернул за угол. Потрескавшаяся асфальтированная дорожка вела вокруг общежития. За ним росло несколько чахлах деревьев. Это место черти со свойственной им иронией называли рощей. Метрах в тридцати за деревьями кончался участок пространства, выделенный для общежития. Там земля резко кончалась, и начиналось серое ничто. Над головой у меня светилось наше маленькое персональное солнышко, которого хватало только на то, чтобы осветить и согреть бетонное здание да прилегающий к нему кусочек земли.

Я посмотрел вокруг. В окружающем пространстве вдали плавала тюрьма. Она была наклонена к нам под совершенно невероятным углом: окнами вниз, и я все время подсознательно ожидал, что кто-нибудь оттуда вывалится. Понятно, что направление гравитации у нас не совпадало, но внешне это впечатляло. Хотя лично я предпочитаю впечатления другого сорта. Слева от тюрьмы плавало здание административного центра нашего сектора. Чуть дальше виднелись другие, так сказать, «исправительные заведения».

Мне пришло в голову, что тут может поместиться и небольшой домик для меня. Случись такая мысль неделю назад – меня бы замучили сомнения. А получится ли? А можно ли мне это вообще делать? Я бы посчитал, что должен жить там, куда меня поселил

работодатель. Эта пагубная привычка неуклонно соблюдать правила и выполнять все то, «что нам сказали», в свое время и сделала мою жизнь несносной.

Я сегодняшней размышлял иначе. Вернее сказать, – вовсе не размышлял. У меня появилось желание построить себе собственный дом здесь, в Аду. И я решил его построить. Дом, в котором мне будет уютно и удобно. Чтобы я мог там с комфортом отдохнуть после работы. Чтобы было не стыдно пригласить гостей, если таковые найдутся. Короче говоря, я не хотел больше жить в общежитии и собирался устроиться здесь с максимально возможным комфортом. Таким, какой только смогу создать. Места вокруг было навалом, я могу воткнуть сюда хоть десяток Манхэттэнов.

Оставался лишь маленький вопрос: как? Тут я тоже не раздумывал. Просто выбрал место, где было посвободнее и решил про себя, что именно здесь и будет располагаться мой будущий дом. Я попытался четко определить границы своего будущего владения, и с приятным удивлением увидел, что в пространстве вспыхнула яркая точка. Она явно появилась после того, как я присмотрел себе это место. Точка выросла и превратилась в сверкающую звезду, сыплющую во все стороны фонтаном искр, как бенгальский огонь. Я попробовал сдвинуть ее. Звездочка послушалась меня и двинулась вниз. За ней с шипением потянулся

след – такой же яркий, брызжущий искрами света.

Звездочка резала серое пространство. Я продвинул ее еще дальше, до конца облюбованного мной участка. Затем повернул вбок. Четкая вертикальная линия продолжала светиться в пространстве. Она остывала и уже не фонтанировала искрами. Я не знал, надолго ли это или скоро линия потухнет совсем? Я ускорил движение звездочки. Не дожидаясь, пока первая линия совсем погаснет, я вырезал из пространства намеченный кубик, обведя его со всех сторон святающимися линиями.

Как только я соединил последние линии, они снова ярко вспыхнули. Намеченные мной линии стали гранями куба, а все его внутреннее пространство загорелось. Внутри, в кубе. Свет, заключенный в нем, постепенно как бы выжигал серую инертную массу, заполнявшую собой все пространство вокруг. Постепенно передо мной вырисовался идеальный куб, заполненный светящейся материей. Она клубилась, переливаясь из одной стороны куба в другую. Какие-то неясные образы спонтанно формировались в глубине куба и тут же исчезали. Как будто художник, составляя палитру, делал пробные мазки или, скажем, музыкант, настраивая свой инструмент, играл фрагменты мелодий...

Я понял, что стройплощадка готова. Светящее-

ся вещество внутри куба было моим строительным материалом. Я задумался, пытаюсь сообразить, как быть дальше. Я чувствовал, что полностью контролирую поведение куба. Он реагировал на мои пробные попытки резкими всплесками света и переливом материи. Я попробовал вытащить из памяти все, что когда-либо знал о строительстве. Я попытался, как положено, выровнять площадку и заложить фундамент, на котором впоследствии собирался возвести стены, в соответствии со строительными правилами. То, как отреагировал куб, стало для меня неожиданностью. Он на миг потемнел, потом замигал, по нему пошли полосы, как по экрану испорченного телевизора. Куб обиделся. Он не хотел, чтобы в нем копали канаву и заливали ее цементным раствором. Я почувствовал, как он огорчился от одной мысли об этом.

Я остановился. Было ясно, что традиционные методы строительства здесь не подходят. Я мысленно пообещал кубу больше в нем ничего не копать, и увидел, что тот снова посветлел. Тогда я просто обратился к кубу с просьбой о том, что мне нужен дом, небольшой уютный домик. Не надо мне дворцов, говорил я кубу, пусть это будет простой двухэтажный коттедж: гостиная с кабинетом внизу и несколько спален на втором этаже. И вокруг что-нибудь более приятное, нежели потрескавшийся асфальт и пожухлая зелень. Куб яв-

но меня понимал, потому внутри него стали происходить какие-то перемены. Все было мутно, неясно. Тогда я решил уточнить свои представления о том, что именно я хочу построить и как оно должно выглядеть. В тот же миг движение в кубе замерло, а сам он опять замерцал.

Понятно, решил я. Даже такой уровень детализации куб не принимает. Нужно полностью абстрагироваться от деталей и сосредоточиться только на общем образе. Я попытался сформулировать свое понятие дома. Не то, сколько в нем должно быть комнат или как и из чего он построен. Я просто представил себе, как хорошо, усталому и голодному, после работы зайти в свой дом. Дом, который ждет меня, в котором уютно, где каждая вещь на своем месте. Дом, где можно расслабиться и отдохнуть. Дом, где так хорошо одному, а еще лучше – с любимой, или с друзьями. Я представил себе заснеженные горы вокруг моего дома, восход солнца, который на мгновение окрашивает вершины в фантастический фиолетовый цвет. Я почувствовал свежий морозный воздух, который можно вдыхать, а можно пить, как выдержанное шампанское. Чем ярче и поэтичнее я представлял себе эту картину, чем точнее я формулировал свои ощущения, тем быстрее и точнее работал куб.

Переливы света стали более энергичными и кон-

трастными. Внутри куба происходило какое-то движение, наполненное неизвестным мне смыслом. В кубе стали постепенно возникать контуры дома и деревьев вокруг него. Прежде чем я успел разглядеть, они исчезли. Как в калейдоскопе музыкального клипа, стали появляться и сменять друг друга фрагменты домов, комнат, коридоров, разнообразная мебель – от громоздких викторианских комодов до авангардистских кресел, в которых и сидеть-то невозможно. Потом на их место пришли пейзажи. Морское побережье сменялось каменистой пустыней, заснеженный лес уступал место высокому ущелью, по которому лился поток водопада. Я чувствовал, что куб таким образом общается со мной, выясняет мои вкусы и пристрастия, уточняет свое задание. Постепенно картины стали мелькать все реже и реже, и внезапно пропали совсем. Куб окрасился в однотонный глубокий золотистый цвет. Настройка была завершена. Теперь внутри куба началось настоящее строительство. Внутри золотистого пространства постепенно стали проступать контуры рождавшегося на моих глазах нового мира.

Я понял, что дальше куб может строиться без моей помощи. Я вытер пот, внезапно выступивший на лице. Колени неожиданно подогнулись, и я то ли сел, то ли свалился на землю. Слабой рукой я достал сигареты и закурил. Возвышенное поэтическое состоя-

ние духа, в котором я пребывал, управляя процессами внутри куба, потихоньку проходило. Одновременно с этим я чувствовал, что мне становится чуть легче, но недостаточно. Я был словно подвешен над землей, не имея возможности вернуться обратно.

Стало понятно – для того, чтобы окончательно прийти в себя, я должен немедленно избавиться от творческого состояния и вернуть свою парящую в голубых высях душу обратно в тело, с его приземленным восприятием действительности. Я глубоко вздохнул и громко, с чувством, начал ругаться. Ругался площадно, растрачивая богатый словарный запас. И так – минуты две, от души. Помня о чувствительной натуре куба, который все еще трудился, строя для меня дом, я постарался никого конкретно не обижать, пользуясь лишь абстрактными понятиями. И чем яростнее я кричал, тем легче мне становилось. Наконец, я почувствовал, что полностью пришел в себя.

В ту же секунду, когда я замолчал, куб завершил свою работу. Мне пришла в голову совершенно невероятная мысль. Теперь я знал, как творят чудеса волшебники. Я увидел, как это тяжело и насколько непредсказуем может быть конечный результат их труда. Я понял, насколько абсурдно было бы просить встреченного вами волшебника сотворить для вас конкретную вещь. Волшебство работает не с кон-

кретными предметами, это не фокусы в цирке. Магия оперирует совершенно другими понятиями. Впечатления, воспоминания, ощущения, и что-то другое, для чего, в общем-то, нет подходящих слов в языке – вот с чем работает магия. Она действует на уровне чувств, и конечный результат зависит от того, насколько маг почувствует, пропустит через себя то, что он хочет сотворить. Сотворение предметов и явлений при помощи магии – это чисто творческий процесс. В нем используются какие-то мне пока неведомые силы, управлять которыми можно лишь волевыми усилиями. Не прямыми приказами, а опосредованно: через свои ощущения. Материализация происходит независимо от мага, он проскаккивает этап рутинной работы, обязательной, скажем, для художника, который, как бы ясно он ни видел в воображении свою будущую картину, – должен еще владеть чисто техническими навыками. Магу же необходимо только описать желаемое. Он тут же включает все свои способности. Все его силы концентрируются в области психического видения предметов. Именно в этой области он и формирует образ творимого им. И процесс этот утомляет не меньше, чем грубая физическая работа.

В отличие от художника, занятого выписыванием мелких и крупных деталей, маг не формирует материальную картину. Он создает духовную атмосферу то-

го, что творит: как это действует, для чего это предназначено, как это пахнет, в конце концов. Инженер назвал бы это техническим заданием. Если, к примеру, нужно спрятаться от холода, то маг начнет с того, что мысленно опишет мороз, отчаяние, страх замерзнуть. Затем он воспроизведет ощущение умиротворения, появляющееся от тепла, когда тело согрелось и страхи улетучились. Чем конкретно может закончиться такое колдовство? По разному. В зависимости от обстоятельств, силы своего воображения и личных пристрастий, маг может создать либо теплую шубу, либо охотничий домик с горящим камином, либо просто бутылку дешевой водки с соленым огурчиком.

Понял я и еще одну вещь, которая просто повергла меня в хохот. Я вспомнил, что основное действо в кубе происходило как раз в тот момент, когда я начал ругаться. И закончил куб свое строительство сразу после того, как я выкрикнул последнюю фразу. Если бы за мной в это время следил некий абстрактный наблюдатель, не знакомый, к тому же, с русским языком, он непременно пришел бы к выводу, что я произносил какое-то страшное заклинание, а куб под действием этих магических звуков делал свою работу.

Вот так заклинание, подумал я. А что, если это действительно так? В процессе колдовства маг входит в творческое состояние, отключаясь от всего окру-

жающего. Оно, подобно состоянию медитации имеет свою опасную сторону. В такое состояние медитации трудно войти, но случается, что выйти из него еще труднее. Существует опасность застрять в этом странном состоянии, в неизвестном месте и непонятном времени. В таких случаях для возвращения в реальность необходимо применять сильнодействующие средства. Нужно как бы встряхнуть самого себя за шиворот, надавать себе по щекам.

Ругань вслух может оказаться не самым плохим средством в такой ситуации. После усиленной умственной работы магу необходимо снова прийти в себя, выйти из этого состояния полной отрешенности и вернуться в обычный мир. Возможно, что маги прошлого, заканчивая творить чудо, всего лишь ругались, снимая напряжение и облегчая душу после тяжелой умственной работы. Поскольку процесс творения вершился не сразу, то результат появлялся как раз к тому времени, когда маг завершал произносить свое заклинание, что бы оно там ни значило.

Держа в секрете истинную управляющую силу колдовства, маги тщательно записывали в свои книги подборки нецензурных ругательств на древнем языке. И делали вид, что произнесение вслух этих заклинаний и является главным для сотворения чуда. Представляю, как они веселились, наблюдая за недалеки-

ми простаками, которые вновь и вновь, с таинственным выражением на лице, произносили древние ругательства, тщетно пытаясь разгадать заключенный в них тайный смысл. Я выбросил сигарету, лег на спину и стал громко смеяться. Этот смех восстановил меня лучше, чем любая ругань. Лучше, чем любое заклинание.

Отсмеявшись и окончательно придя в себя, я стал рассматривать, что же у меня получилось. Высоко надо мной висел кусочек альпийского пейзажа. Мой кубик постарался, строительство вышло на славу. Я сумел здесь, в Аду, построить себе жилище, о котором подсознательно мечтал всю жизнь. Лучшего я не смог бы получить и в Раю. Большую часть пространства занимала гора, покрытая снегом. У подножия горы текла горная река. Там, внизу, было явно теплее. Вокруг реки расстилался настоящий альпийский луг. Я бы не удивился, увидев там чистеньких ухоженных швейцарских коров, с большими колокольчиками на шее и пластиковыми серьгами микрочипов в ушах. Но животных здесь не было. То ли черти их не любили, то ли законы этого места не позволяли, но крупным рогатым скотом я не обзавелся.

На довольно крутом подъеме в гору росли темные серо-зеленые ели. Они образовали небольшую рощу. Не сомневаюсь, что я сотворил ее в пику хлипким де-

ревцам вокруг общаги. Выше по склону, там, где кончались деревья, лежал снег и виднелась маленькая станция подъемника. Опоры канатной дороги поднимались до самой вершины, где стояла вторая станция. Я прикинул, что оттуда можно будет проложить две или даже три очень приличные трассы для спуска. У меня зачесались руки. Я не ездил на лыжах с того дня, когда приехал в Израиль. Это было моей самой тяжелой жертвой, которую я принес на алтарь эмиграции. Я не сомневался, что в одном из шкафов внутри моего нового дома, меня ждет пара горных лыж.

А где же сам дом? Я искал глазами и, наконец, увидел его. Двухэтажный, с мансардой под остроконечной крышей, крытой ярко красной черепицей. Крыша едва виднелась из-под крон окружавших дом сосен. Фасадом дом выходил на луг и реку, а с остальных сторон его окружали сосны. Я стал пристально вглядываться, пытаюсь рассмотреть детали, потом остановил себя и решил отложить осмотр до прибытия на место. В душе всколыхнулось ощущение праздника.

Такое ощущение я испытывал в детстве каждый год, в день своего рождения. Когда я засыпал, родители ставили подарки возле моей кровати. И утром я первым делом вскакивал и принимался распаковывать коробки. Самым трудным во всем этом было за-

снуть вечером, накануне дня рождения. Вот и сейчас меня переполнило ощущение праздника. Вернее, предвкушение праздника, ощущение, которое, на мой взгляд, еще приятнее. Потому, что вместе с праздником наваливается суматоха, которая порой даже мешает прочувствовать его полностью. И только предвкушение дает возможность, не торопясь, просмаковать все замечательные подробности.

Теперь передо мной встал вопрос, как добраться до моего нового дома. Я почему-то категорически не хотел воспользоваться для этого нашей телефонной будкой. Не только потому, что там, возможно, нет приемной станции, и мне пока не известен ее код. Просто мне показалось, что это все испортит. Обшарпанная телефонная будка – это совсем не то место, из которого я собирался отправиться в первый раз в свои новые владения. Я чувствовал, что нельзя оскорблять старой грязной будкой только что созданный мною мир, пусть и крошечный, но такой чистый и беззащитный.

Я вспомнил, что Евлампий, отправляя меня в общагу и на работу, просто велел мне закрыть глаза, после чего переносил меня без использования каких-либо дополнительных технических средств. Значит, в будке на самом деле необходимости нет, это просто очередной трюк для представителей техногенной земной цивилизации. Я решил воспользоваться методом пе-

редвижения, принятым здесь, то есть – перенестись без всяких технических приспособлений. Если это могут черти, то и я смогу. Я ни минуты не сомневался в успехе. После создания собственного маленького мира я был уверен, что простое перемещение в пространстве смогу проделать без труда. Надо только поймать подходящее настроение. Я вспомнил свои ощущения при строительстве. Соответствующее настроение и желание увидеть свой дом уже было.

Долго не раздумывая, я закрыл глаза и пожелал очутиться возле своего дома. Ничего не произошло. Я попробовал еще раз. Снова безрезультатно. Тогда я вспомнил свое открытие про использование заклинаний. Я подозревал, что открытый мной принцип сильно отличается от общепринятого способа творить чудеса. Как всякий самоучка, я придумал для себя методику, которая не совпадала с общепризнанной и, кроме публичного оскорбления общественной морали посредством громкой нецензурной брани, наверняка имела и другие недостатки. Возможно, своими упражнениями в прикладной магии я подвергал себя серьезной опасности. Но я не мог ждать. Кроме того, проконсультироваться все равно было не с кем.

Мысль позвать Евлампия и попросить о помощи я отбросил сразу. Хватит, я всю жизнь оглядывался на тех, кто диктовал мне, как я должен жить; спраши-

вал, как следует поступить в той или иной ситуации. Пусть я что-то и делаю неправильно, пусть нарушаю какие-то традиции или даже местные законы о строительстве и собственности. Я уже построил себе дом и хочу там жить!

Я составил недлинную, но емкую фразу на том самом русском устном, и снова закрыл глаза. Теперь я не торопился. Я вновь вспомнил давние детские ощущения перед днем рождения, потом связал их со своим новым домом. Когда подходящее состояние полностью захватило меня, я закрыл глаза и громко произнес заготовленную фразу. Поэтическое настроение как рукой сняло. В тот же миг вселенная предо мною раскололась и опять соединилась. Со мной что-то произошло. Я боялся пошевелиться и открыть глаза. Потихоньку я стал прислушиваться к новым ощущениям. Я стоял на чем-то мягком и упругом. Воздух вокруг меня был другой, насыщенный неуловимой свежестью. Я, наконец, решился и открыл глаза. Я стоял на открытой веранде, построенной на фундаменте из огромных гранитных глыб, а внизу передо мной расстилался луг, который пересекала горная речушка. Я был дома.

На меня накатила волна чистого безмятежного счастья. Я медленно повернулся, открыл большие стеклянные двери и вошел в дом. Большая гостиная ока-

залась именно такой, какой, по моему мнению, должна была быть гостиная в таком доме. Я обвел комнату удивленным взглядом. Дом был создан только что, на моих глазах, и все здесь должно быть новым. Но вместе с тем, дом имел обжитый вид, все вокруг казалось мне знакомым. У меня появилось ощущение, будто я когда-то, давным-давно, уже жил здесь, и теперь просто вернулся после долгого путешествия. Я вышел из гостиной и стал исследовать свое жилище. Очень быстро я убедился, что дом был спланирован и обставлен именно для меня. Я без труда определял, где находится та или иная комната; открывая очередную дверь, я уже знал, что там увижу, и находил именно это. Не только комнаты – любая вещь обнаруживалась именно в том месте, где я и ожидал.

Как зачарованный, я ходил из комнаты в комнату, осматривал мебель, обитую темной материей, в основном – солидную и большую, но не производившую впечатление громоздкой; брал в руки разные мелочи в гостиной, снимал с полки и листал книги в библиотеке, посмотрел подборку музыкальных дисков возле проигрывателя. Я поднялся на второй этаж и обнаружил там несколько уютных спален. В конце коридора была винтовая лестница, которая вела еще выше, в мансарду. Я не стал подниматься туда, зная, что там найду самую интересную комнату во всем доме. Там

меня ждала мастерская. На огромном рабочем столе среди запыленных тяжелых фолиантов валялись чертежные инструменты; там же лежали свернутые в рулон чертежи и старинные географические карты. В центре комнаты стоял огромный глобус; небольшой телескоп выглядывал в оконную раму.

Спустившись по лестнице, я вернулся в гостиную. Положил в камин заботливо приготовленные кем-то (или чем-то) сухие растопки, уложил сверху немного дров, и разжег огонь. Камин оказался славным и совсем не дымил. Когда огонь разгорелся, я подбросил в камин еще несколько поленьев и, вооружившись ко-чергой, поудобнее их уложил. Потом поднялся и подошел к буфету, тоже старому, из темного дерева, со стеклами в тяжелой свинцовой раме. В буфете меня ждал графинчик с темно-красным вином и несколько бокалов из толстого стекла. Я налил себе вина, вернулся к камину и уселся в огромное старое, но удивительно уютное кресло, стоящее напротив. Не сомневаясь, что найду, я протянул руку в сторону, и действительно обнаружил на небольшом столике, рядом с креслом, обкуренную трубку и деревянную табакерку. Не торопясь, я набил трубку и закурил. Потом некоторое время блаженно смаковал изумительное по вкусу вино и глядел в огонь, попыхивая трубкой. Думать ни о чем не хотелось. Мой дом, мои новые способности

– все это настолько перепуталось в голове, что я не мог сосредоточиться, ни на чем конкретном. Мысли путались, перебивая друг друга. Постепенно вино и огонь сделали свое дело. Хоровод мыслей понемногу утих, я только-только успел отложить в сторону стакан и трубку, как мои глаза закрылись, и я незаметно задремал.

Проснулся я от боя часов. Большие напольные часы с маятником у стены позади меня били громко, с шипением и придыханием. Взглянув на циферблат, я увидел, что уже восемь часов вечера. Снаружи было темно, я так устал, что проспал почти весь день. Однако пора ужинать, подумалось мне. Эта мысль потянула за собой целую цепочку ассоциаций. За прошедшую неделю я настолько привык к Сергею и Марине, что возможность провести вечер в одиночестве, без них, показалась мне неправильной. Столько всего произошло сегодня, что, конечно же, первым делом я должен был увидеться и поговорить с ними. Мне показалось совершенно естественным отправиться в общагу и привести их сюда.

Я вышел из дома и, не задумываясь, повернул направо. Так и есть – сразу за углом, спрятавшись в тени, под кроной огромной разлапистой ели, стояла неизменная телефонная будка. Но не обшарпанная, с выбитыми стеклами телефонная будка из провин-

циального российского городка. Это была вымытая до блеска, ухоженная, ярко-красная, будто игрушечная, телефонная будка, какие можно встретить только в Лондоне. Она была точно скопирована из моей памяти, где поселилась после давней поездки в Англию. Эти лондонские телефонные будки, ярко-красными пятнами виднеющиеся в тумане, бросающие вызов скверной лондонской погоде и серому индустриальному пейзажу вокруг, почему-то запомнились мне сильнее всего. Только такая будка и имела право стоять возле моего нового дома.

Я вошел, достал справочник. На этот раз он оказался полностью заполнен. В глазах рябило от непривычных имен и странных названий. Ради интереса я поискал Евлампия. Его номер стоял на своем месте. Номер Тихона тоже был там. Я понял, что карантин сняли, и мне предоставлена возможность свободного передвижения.

Но сейчас мне нужен был другой номер. Вот он – общежитие земных консультантов. Значит, можно просто набрать номер и очутиться в родном общежитии. Я стал листать справочник дальше. Меня совсем не привлекала необходимость вновь колдовать для возвращения сюда. К тому же, надо было еще и перенести своих друзей, а этого я совсем не умел. Полистав справочник, я нашел нужную запись. Мой но-

вый дом был внесен в список абонентов, и у него уже был свой код. Вопрос транспортировки, таким образом, был решен. Набирая номер, я вспомнил, что Марина проводит выходные в Раю. Тогда я резонно решил, что можно посидеть по-холостяцки вдвоем с Сергеей.

Однако первым человеком, которого я увидел, выйдя из знакомой старенькой телефонной будки возле общежития, оказалась именно Марина. Она сидела на скамейке перед входом, низко наклонив голову и спрятав лицо в ладонях. Она плакала. Я почему-то не был готов увидеть ее плачущей. У меня уже сформировался образ этакой «self made woman» – независимой женщины, самостоятельно создающей свою судьбу, прекрасно справляющейся со всеми жизненными обстоятельствами и, как минимум, никогда не плачущей. Я остановился в растерянности, затем медленно подошел к скамейке и присел рядом. Марина подняла голову и посмотрела на меня заплаканными глазами. Я протянул руку и потихоньку обнял ее. Она ничего не сказала, а только уткнулась мне в плечо и снова заплакала. Я всегда теряюсь в таких случаях, женский плач полностью деморализует меня. Я неуклюже похлопал ее по спине, приговаривая: «ну не надо, все образуется, ты ведь такая сильная, все будет хорошо»...

Марина оторвалась от моего плеча и посмотрела на меня невидящим взглядом:

– Нет, хорошо теперь уже не будет никогда. Теперь я его потеряла окончательно.

– Кого?

– Женьку, моего единственного Женьку.

– Хочешь об этом поговорить? – Я не придумал ничего умнее, как обратиться к ней тоном профессионального психоаналитика.

Марина достала платок и вытерла лицо. Она огляделась в поисках зеркала и косметички, ничего не нашла, посмотрела на меня как-то снизу вверх, и произнесла знаменитую фразу, которую любая женщина инстинктивно произносит в подобной ситуации:

– Я, наверное, ужасно выгляжу?

Я успокоил ее не менее дурацкой фразой, с претензией на дружеское участие:

– Но мы любим тебя не за это.

Мои слова подействовали. Марина фыркнула и, похоже, немного успокоилась. Она еще раз шмыгнула носом и потерлась об мое плечо.

– Ты сегодня рано вернулась, – начал я. – Говорят, что ты обычно возвращаешься только в понедельник утром.

– А, уже знаешь... Элла постаралась?.. И что же она тебе наплела?

– Ничего особенного. Рассказала, что, в отличие от нас, ты проводишь выходные в Раю.

– И все?

– По-моему, она больше ничего и не знает. Сказала еще, что ты всегда возвращаешься свежая и веселая. – Я помолчал и добавил: – Но сегодня ты, похоже, не слишком там веселилась.

– Ты ничего не знаешь. Вы все ничего не знаете и не понимаете. Я с таким трудом все устроила; как дура, торчала здесь по пять дней подряд, занимаясь этим идиотизмом, чтобы потом два дня побыть с ним. Пока я его там нашла, и только-только все снова стало хорошо... А они у меня его забрали. Опять. Это нечестно, нечестно! – Марина была готова опять сорваться в истерику.

Я взял ее за плечи и мягко прижал к себе.

– Успокойся, не реви. Давай сейчас поднимемся к нам, я заварю чай, и ты мне все расскажешь. Если захочешь, конечно. А там вместе решим, что делать. Согласна? – Я оторвал ее голову от своего плеча и посмотрел ей в лицо. – Легче станет, обещаю.

Марина глубоко вздохнула:

– Дай мне сигарету. Никуда мы не пойдем. Лучше посидим прямо здесь, а я тебе все расскажу. Только Сергею не передавай. Он ничего не знает, да и не нужно, чтобы он узнал.

Она помолчала, глядя на сигарету, как бы не понимая, что с ней надо делать. Затем продолжила:

– Ты ничего не знаешь. Никто, никто здесь этого не знал. А теперь мне уже все равно. Так что слушай...

Глава 12

Рассказ Марины

*Итак, вот что можно сказать о дамах города N., говоря поповерхностней. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иных вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже в дамские сердца.
(Н.В. Гоголь, «Мертвые души»)*

В тот день я пошла на работу в новых туфлях. Свекор у меня, конечно, поганец, но материальные блага урвать себе умел. И внимательно следил за тем, чтобы его домочадцам тоже досталось все, положенное по его рангу. Так что со шмотками у меня проблем после замужества никогда не возникало. Новые туфли были просто блеск – итальянские, красные. Каблук, уже и не помню точно, но сантиметров двенадцать, как минимум. Это при моем-то росте. Иду и гляжу на всех сверху вниз. Что вы там, убогонькие, внизу поделяете, мне это не интересно. Я выше вас всех. И в прямом, и в переносном смысле. У такой обуви масса достоинств, и всего один недостаток. В этих туфлях надо ездить в собственной машине, а не как я, в автобусе. Села-то я нормально, а вот когда стала выходить, то поняла, что сейчас рухну вниз, и все. Зано-

шу ногу в пустоту с последней ступеньки, и вдруг вижу протянутую мне руку. Я цепляюсь за нее, как за спасательный круг, и благополучно оказываюсь на тротуаре.

Перевожу дух, поднимаю глаза, и чувствую, что дыхание опять замерло. Был ли он так уж красив? Да нет, в Голливуде, например, ему точно делать нечего. Разве, что аппаратуру таскать. Все равно тогда я видела только его глаза. Взгляд, в котором были доброта, понимание, и чуть насмешливое сочувствие. И тепло, которого я давно не видела у окружающих, по которому так соскучилась.

– Все в порядке? – спросил он.

– Да, спасибо.

– Может быть, вас проводить?

– Что вдруг? – я автоматически попыталась окрыситься.

– Давайте я вас, все же, провожу, – сказал он, не выпуская при этом моей ладошки из рук. – А то я потом буду переживать, что с вами что-нибудь случилось.

И как-то он это особенно произнес. На той неуловимой грани между приставанием и дружеским участием. Недостаточно нахально, чтобы обидеться, но достаточно настойчиво, чтобы нельзя было отказаться.

Оказалось, что он работает совсем не далеко от меня. Это потом уже я узнала, что на самом деле ему

было в другую сторону. А пока мы были вместе, он каждый день встречал меня у выхода, приговаривая, как, мол, удобно – мне и идти никуда за тобой не надо. По дороге разговорились, познакомились. Как-то сами собой нашлись темы для разговора, обнаружили общие интересы. Не заметили, как пришли. О том, чтобы встретиться после работы, вопрос не поднимался. Он только уточнил, когда я заканчиваю, помог мне подняться по ступенькам и, сказав «до вечера», исчез.

Весь день я была сама не своя. Я пыталась понять, что со мной произошло, почему он так подействовал на меня. Я убеждала себя, что ничего такого в нем нет, что мне это не нужно, что я уже устроила свою жизнь. И чем больше я так себя накручивала, тем больше понимала, что влюбилась в этого случайного прохожего, и что никто на свете, кроме него, мне не нужен. Придя к такому выводу, я уже ни о чем больше не думала, а только гадала про себя: встретит ли он меня вечером, как обещал, или это очередной треп. Ой, как мне было плохо!.. Я представила, что он не придет, и что я навсегда останусь в этой трясине своей игры под названием «примерная жена». И так нехорошо мне стало от этой мысли! А ведь до той встречи я и не предполагала, что так несчастна! Я была абсолютно уверена, что все хорошо, просто отлично: задачи поставлены,

планы выполняются, жизнь устроена. А тут – хоть в петлю лезь, если Женька не придет...

Вечером он, действительно, встретил меня. Как я удержалась от того, чтобы не кинуться ему на шею и не расцеловать прямо на улице, не знаю. Но, кажется, по моему виду он понял все. Потом мы с ним ужинали в чудесном ресторанчике и гуляли по Старому Городу. Там было так красиво и интересно! Я не раз, и не два бывала в Старом Городе, но с ним я видела все, как в первый раз. Это состояние счастливого изумления окружающим потом оставалось со мной все время, пока мы были вместе.

Помню, я училась в третьем или четвертом классе, когда папа, наконец, поменял наш старенький черно-белый «Рекорд» на огромный роскошный, отделанный полированным деревом, цветной телевизор. Тогда я открыла для себя, что у мира есть краски. Ведь для этого нужно долго все видеть черно-белым, чтобы оценить как это красиво в цвете. То же случилось со мной и тогда. Серый-серый мир, в котором я жила, вдруг стал цветным! Дорога, по которой я, не выспавшаяся, не замечая ничего вокруг, топала на работу и обратно, оказалась красивейшей и загадочной улицей настоящего средневекового города. Оказывается, существует чудесная, связанная с ней легенда, которую он рассказывал мне в тот вечер, и которую я,

хоть убей, так и не могу вспомнить...

Вечер закончился у него дома. Он жил один – у него была комната в коммуналке, с десятком соседей. И со всеми он умудрился найти общий язык. Я бы взбесилась там через неделю, а он жил совершенно нормально. Две бабушки-пенсионерки даже подкармливали его по очереди. Он ведь в быту был совсем как ребенок. Перехватит на работе в столовке что-то, и тем живет, если вечером не накормить.

Мне с ним было не просто хорошо. В тот вечер я впервые в жизни почувствовала себя женщиной. Именно так: женщиной – любимой, желанной. А Он!.. Впрочем, этого не расскажешь. У нас был контакт на уровне подсознания. Мы были единым целым. У меня были мужчины, и я считала себя достаточно опытной в постели, но тут просто поплыла по течению, и это было прекрасно. Я испытала с Женькой такое, чего у меня не было ни с кем до него, и никогда уже не будет потом.

Должна тебе сказать, что к тому времени, при прекрасном внешнем фоне и полном материальном благополучии, в моей душе царила пустота. У меня давно не было нормальной сексуальной жизни. Дело в моем муженьке. Ведь как я проникла в его семью? Через постель! Для меня это был единственный путь в высшее общество. Браки в этом окружении обычно со-

вершались только между своими. Родословную проверяли, как на собачьей выставке. Женились только внутри своих кланов, иногда заключали союзы с противниками. Шекспир со своими Ромео и Джульеттой – ребенок; крестный отец Марио Пьюзо – просто пацан, не знали они настоящей жизни, и в СССР пропали бы сразу. Я понимала, что мои шансы выйти замуж за элитного жениха практически равны нулю, но упорно искала возможность. И шанс представился. Я выяснила, что с постельными делами у моего будущего муженька большие проблемы. Он не был импотентом, даже наоборот: он очень любил это занятие. Но удовольствие при этом получал, обычно, только он сам. Он так быстро все проворачивал, что женщина просто за ним не успевала. То ли организм у него был такой, а может быть, вырастили родители махрового эгоиста, не знаю. Только прошел среди девушек их круга слушок. А девки там были избалованные. Во всех смыслах, ну ты меня понял. И вот приходит пора этому оболтусу жениться, а никто за него не идет. Ну, совсем никто!

Как я с ним познакомилась, какую осадную компанию провела, рассказывать не стану. Сама не хочу вспоминать. Да и неинтересны тебе эти женские хитрости. И вообще речь не об этом. Короче, переспали мы с ним. С моей стороны это действительно было

больше похоже на бесплатные услуги населению, чем на нормальный секс. Но я убедила его, что он просто великолепен. Потом мы стали встречаться регулярно, и постепенно я приучила его к себе. Ни о ком другом он уже и думать не мог. Привел меня в дом, познакомил с родителями. Тут я открыла второй фронт и стала играть роль идеальной невесты. Родители сначала были категорически против. Еще бы, я ведь была из самой обычной семьи. Помнишь, как на уроках английского в школе мы учили – «My father is an engineer, my mother is a doctor». Вот это и есть моя семья. Совершенный плебс, по их понятиям. Но я обрабатывала их каждый вечер, а каждую ночь ублажала своего жениха. В конце концов, сынок закатил папаше настоящую истерику на тему «хочу жениться», и папаша сдался. В один прекрасный день, вернее – вечер, папаша отвел меня в свой кабинет, закрыл дверь и посадил перед огромным письменным столом. Сам уселся в кресло со своей стороны и посмотрел на меня через стол. Видимо, такое расположение действующих лиц добавляло ему уверенности. Не знаю, у него и так уверенности в себе было хоть отбавляй. А вот я начала мандражировать.

– Марина, я хочу с вами серьезно поговорить.

Я молчала. Только кинула на него взгляд, похлопала ресницами, слегка улыбнулась и снова опустила

голову. Словно отличница, которую вызвал директор школы и объявил, что ее будут готовить на золотую медаль.

– Так вот, Марина, мой сын сказал, что любит вас и хочет на вас жениться. Вы, конечно, понимаете, что в нашем кругу такие браки не приняты. Но любовь, особенно в молодости, – это такое великое и светлое чувство, что ему нельзя противиться. Мой долг, как отца, в первую очередь состоит в том, чтобы мой сын был счастлив. Он убедил меня, что вы – именно та девушка, которая может сделать его счастливым на все жизнь.

Я сидела, наклонив голову, и боясь пошевелиться, лишь из-под ресниц следила за ним. А он достал из внутреннего кармана солидное портмоне, вынул оттуда небольшой ключик и открыл выдвижной ящик в письменном столе. Там он взял и положил на стол перед собой самую обычную картонную папку-скорошиватель. На обложке папки были написаны мое имя и фамилия, а наверху были оттиснуты грифы «Для служебного пользования» и «Совершенно секретно». У меня появилось нехорошее предчувствие. Я поняла, что попала даже выше, чем метила.

– Я внимательно наблюдал за вами, Марина. Своевременно ознакомился с вашими данными. Ну, что ж, могло быть и хуже. И я принял решение не мешать

своему сыну. Я надеюсь, что вы станете ему хорошей женой.

Я подняла голову и одарила его своей самой обаятельной улыбкой. Я действительно была счастлива. Как будто провинциальному актеру позвонили из Голливуда и предложили сыграть главную роль в блокбастере. Однако по его виду я поняла, что разговор не закончен. Напротив, он только начинался.

Мне прочитали длинную лекцию о моральном кодексе высшего света, в который я теперь вступаю, и перечислили мои обязанности, как будущего члена их семьи. Провинциальному актеру объяснили, что с момента подписания контракта с Голливудом он больше не принадлежит себе. Он становится частью огромного механизма, маленькой шестереночкой, и должен вращаться вместе со всеми. Меня предупредили, что я должна полностью и безоговорочно соблюдать все правила поведения, принятые здесь. От точности соблюдения этих правил и выполнения обязанностей зависит мое будущее благополучие. Конкретно все льготы и выгоды он перечислять не стал, понимая, что это я и сама знаю. Несколько раз подчеркнул, что если я буду себя хорошо вести и, главное, – если его сын будет доволен, то у меня будет все, о чем может мечтать советская женщина. Он очень любил подчеркивать, что все мы – советские люди, да. А вот если

я стану сачковать и пренебрегать своими, не слишком то и сложными обязанностями или нарушу правила поведения, принятые в их доме и обществе, то у него найдутся средства поставить меня на место. Он именно так и выразился. И повторил, заставив меня смотреть ему в глаза:

– В случае чего, я сумею поставить тебя на место. А если что за тобой замечу, то просто уничтожу. Думаю, ты понимаешь, о чем я. И запомни: я предупреждаю только один раз. Ты предупреждена...

При всем своем самообладании, я почувствовала, как по моей спине пробежали мурашки. Он спрятал папку в выдвижной ящик стола и запер его на ключ. Потом, как ни в чем не бывало, вышел из-за стола и подошел ко мне. На лице его была широкая улыбка. Он протянул ко мне руки.

– Ну, иди ко мне, дочка. Дай я тебя поцелую. А теперь беги, порадуй семью хорошей новостью...

Вот так я получила папашино благословение. Дальше все было как в кино. У этих людей все было просто и доступно. Первым делом меня снабдили новым гардеробом. Это тут же вызвало перманентную зависть со стороны баб у меня на работе и, соответственно, мою первую головную боль в новом положении жены сына высокого сановника.

Свекор устроил нам роскошную свадьбу в закры-

том ресторане. Была куча народу, ужасно солидные мужчины, в дорогих импортных костюмах; женщины были одеты в сногшибательные наряды, сверкали бриллиантами и золотыми украшениями. Меня разглядывали откровенно и без церемоний, словно породистую скаковую лошадь на аукционе. Хорошо, зубы не щупали. Хотя по глазам старикашек было видно, что они как раз не прочь и пощупать. Не зубы, конечно...

Прямо из ресторана нас отвезли в аэропорт, и мы отправились в свадебное путешествие по Европе. Это была сказка. Мы не останавливались в больших дорогих отелях, но в каждом городе к нашим услугам была небольшая уютная квартира с приходящей горничной, и всегда наполненным холодильником. С утра к дому подъезжала машина, и любезный гид устраивал нам чудесные экскурсии. До этой поездки пределом моих мечтаний была профсоюзная путевка в институтский профилакторий в пригороде. У меня ведь все деньги уходили на то, чтобы прилично одеться и нормально выглядеть. Я и так, ради совершенно необходимого мне тюбика косметического крема или баночки пудры, могла по два-три дня не обедать. Какими усилиями я собирала деньги на более крупные покупки – страшно вспомнить!

После возвращения из свадебного путешествия, я

официально переехала в дом к мужу и новоприобретенным родителям, и стала блаженствовать в новом для себя качестве члена семьи высокопоставленного слуги народа. Я была счастлива: я добилась всего, о чем только могла мечтать девчонка из простой инженерно-врачебной семьи. Я честно играла по указанным мне правилам, а сама старалась взять от жизни все, что могла. Впрочем, такое поведение прекрасно вписывалось в устои их жизни. Именно так все и поступали.

В тот вечер у Женьки я опомнилась, когда на часах было без четверти одиннадцать. А меня ведь ждал дома муж. И, что намного страшнее, – сам свекор. Я выскочила как сумасшедшая, остановила такси и всю дорогу придумывала, что скажу мужу. В критических ситуациях я всегда мыслю разумно. Когда я зашла в дом, у меня уже было готово вполне достоверное оправдание моему позднему возвращению. Потом у меня «разболелась голова», и я легла спать, завернувшись до подбородка в одеяло, и уткнувшись лицом в стенку. Все прошло нормально.

Неделя пролетела совершенно незаметно. Каждый вечер Женька встречал меня возле работы, мы гуляли по городу, потом шли к нему. Домой я возвращалась поздно, каждый раз с новой легендой. Пошло в ход все: от комсомольского собрания до дня рождения

сотрудницы, о котором совершенно забыла. Ближе к концу недели, в четверг, когда я опять поздно вернулась домой с работы, я сказала, что меня неожиданно послали дежурить в ДНД. Муж сочувствовал, предлагал позвонить и освободить на будущее от всех дежурств, но я попросила его ни в коем случае этого не делать. Я объяснила, что и так в институте все завидуют тому, что у меня такой замечательный муж. Он расплылся в довольной улыбке. Я чмокнула его и убежала в спальню. Но по дороге успела заметить на себе тяжелый пристальный взгляд свекра. В пятницу утром я сразу предупредила, что мы сдаем тему, и я задержусь на работе допоздна, чтобы все закончить до выходных. Муж совсем расстроился, сказал, что я не берегу себя, пообещал поговорить с отцом, чтобы тот нашел мне более спокойную работу. Я попросила его не беспокоиться: мол, это только сегодня, а сама, ничего не соображая, побежала на остановку. Мне нельзя было опаздывать: мы с Женькой теперь каждое утро встречались в автобусе и ехали вместе до работы. Потом он меня провожал, и получалось, что мы в день виделись два раза. И главное, что уже с утра мы целых полчаса проводили вместе.

Я с ужасом ждала выходных, потому что в выходные у меня не было никакого предлога улизнуть из дома. Я утешала себя, убеждала, что придумаю что-ни-

будь. Стала вспоминать, к кому из старых подруг я могу якобы пойти в гости. К подругам меня иногда отпускали в одиночку. Но всем моим планам было не суждено сбыться. И вот однажды в пятницу, когда я вернулась и мы сели ужинать, свекор объявил, что завтра мы едем на дачу на все выходные. Я не справилась с собой и попыталась возражать. С отчаяния даже предложила, чтобы ехали без меня, а я, мол, схожу в гости к подружке, давно у нее не была. Свекор посмотрел на меня:

– Что с тобой случилось, Марина? Ты всегда так любила ездить на дачу. Мы поедем всей семьей, мне так редко удается выбраться из дома на все выходные. Погуляешь на свежем воздухе, сейчас такая замечательная погода, там все цветет. – Он пристально посмотрел на меня и, слегка акцентируя, добавил: – Ты очень устала за эту неделю, и тебе надо обязательно отдохнуть за городом.

Я совершенно не представляла, как смогу провести без Женьки целых два дня. Мне нужен был только он, я не могла видеть никого из домашних. Даже хорошо, что меня вывезли на дачу, не представляю, как бы я прожила выходные в городской квартире. Чтобы ни с кем не разговаривать, я уходила на весь день в лес и гуляла там, исходив все окрестные тропинки. Я отключилась от окружающего мира и мысленно была

только с Женькой. Я вспоминала наши встречи, каждое его слово, каждый взгляд, жест. Мечтала, как снова с ним увижусь. Я так его любила, что была счастлива даже одними мыслями о нем!..

А в понедельник он меня не встретил. Ни утром, ни после работы. Я ничего не могла понять. Побежала звонить ему из автомата – с работы ведь нельзя, я у всех на виду. Звоню, звоню, а там все время занято. Кто-то там болтал часа два, не меньше. Может, мне так показалось, я же взвинчена была до предела. Наконец, дозвонилась. Прошу его к телефону. Спрашивают: кто просит? Ну, меня там уже знали, поэтому я представилась. Это оказалась одна из тех сердобольных бабулек, что его подкармливали. Она мне и рассказала, что Евгений ушел в субботу утром на стадион, он всегда по субботам с друзьями в футбол играл.

– При чем тут суббота? – спрашиваю. – Сейчас-то он где?

А она так спокойно отвечает:

– А он с тех пор так и не приходил. Я ему, – говорит, – бульончик куриный приготовила в честь воскресенья, а он так и не приходил больше...

– Как это, – говорю, – больше не приходил? Человек исчез на три дня, а вы даже не побеспокоились?

– А что я, – отвечает, – буду делать? Человек он взрослый, мне не сын и даже не родня. Не стану же я

его пытаться – куда пошел, когда вернешься?

У меня трубка так из рук и выпала. Я не знала, где он работает, не знала никого из его друзей. У меня не было никакой возможности разыскать его. Я чувствовала – что-то случилось, не мог же он просто так не вернуться со стадиона! Не помню, как я добралась до дома. Меня знобило, я плохо соображала, где нахожусь. Вызвали врача. Врач сказала, что это вирус, хотя, возможно, и просто сильное переутомление, вызвавшее нервное истощение. Выписала витамины и транквилизаторы, дала больничный до конца недели, велела лежать и читать Мопассана. После врача приехала медсестра, еще раз измерила мне температуру, сделала укол и осталась на ночь.

Поздно вечером ко мне заглянул свекор. Он только что вернулся с работы и выглядел очень усталым. Вид у него был, пожалуй, не лучше, чем у меня. Под глазами круги, лицо бледное. Никогда не подумаешь, что только вчера вернулся с дачного отдыха. Мне показалось, у него дрожат руки. Но за это не ручаюсь: я плохо соображала тогда.

Он пристально посмотрел на меня:

– Вот видишь, нельзя тебе так переутомляться. У тебя была очень тяжелая неделя. Я ведь тебя предупреждал...

И ушел, даже не спросив, как я себя чувствую. А

мне было очень плохо. Все ночь я металась в бреду. Под утро сестра сделала мне еще один укол, и я уснула. Так я провалялась три дня. Наконец, я стала поправляться и окрепла настолько, что мне разрешили выйти погулять возле дома. Я оделась, и первым делом побежала к телефону автомату, звонить Женьке. Была середина рабочего дня, и я говорила с той самой бабушкой. Она мне все и рассказала. Женьку нашли только во вторник. Вернее – то, что от него осталось. Его сбила машина на переходе через улицу. Тяжелый КамАЗ на полной скорости наехал на него и, не останавливаясь, умчался дальше. Женька погиб сразу. Скорая только зафиксировала смерть. Поскольку с ним никого не было и документов при нем тоже не обнаружили, то тело забрали в морг и нашли его там только во вторник, когда забили тревогу на работе. На похороны я тоже не успела. Все произошло без меня, пока я валялась в горячке дома. Где именно его похоронили, бабушка не знала.

Кое-как, на ослабевших ногах я вернулась домой. Закрылась в спальне и заплакала. Я очень, очень устала. Видимо, в глубине души я была готова к случившемуся. Я не рыдала, не билась в истерике, чего мне очень хотелось, а просто залезла в угол кровати, подтянула коленки к груди, уткнула туда голову и тихо плакала. Я поняла, что все кончено. Жизнь более не

имела смысла. Прямо передо мной на тумбочке лежала пачка таблеток со снотворным. «Ну, вот и хорошо, – подумала я. – Просто засну, и никогда больше не проснусь». Я не стала играть в героинь романов, которые перед тем, как принять яд, метаются по комнате, заламывая руки, а потом пишут и рвут предсмертные записки. Я аккуратно, как будто перед сном, открыла коробочку с лекарством и не торопясь, одну за другой, стала вытаскивать таблетки. Вскоре коробочка опустела, а у меня в ладошке собралась полная горсть маленьких беленьких кружочков. Я рассматривала их, пересыпая из ладони в ладонь. Ничего страшного или зловещего в них не было. Обычные таблетки, таких за всю жизнь мы съедаем тысячи. Так я сидела довольно долго. Что-то мне мешало проглотить их. Наконец, я поняла. Меня держала мысль о том, что я поступаю как героиня слезливого женского романа. Я их не выношу: ни романы, ни героинь. И я просто сидела, играя с таблетками.

– Кхе, кхе, – раздалось вдруг в комнате.

Я оторвала взгляд от таблеток, за которыми следила, как замороженная, и увидела, что в комнате стоит черт. Чистенький, опрятно одетый, но все же настоящий черт.

– И охота вам разыгрывать такую банальную сцену, милочка? Вот уж не ожидал я от вас такого, ну, никак

не ожидал!..

Мне стало стыдно, будто меня поймали за каким-то неприличным занятием. Суицидальное настроение улетучилось окончательно – было оно, видимо, не таким уж и сильным. Но я все же обиделась:

– А кто вы такой, чтобы мне указывать?

– Видите ли, можно сказать, что я тот, кто пришел вас спасти, но это будет выглядеть еще банальнее, чем ваши таблетки. – Черт оскалил зубы и нарочито закричал, что, по-видимому, соответствовало улыбке и смеху одновременно. – Да выбросьте вы их, наконец, не стройте из себя романтическую натуру. Вы же прекрасно понимаете, как это глупо!

– Ах ты, скотина, – разъярилась я окончательно. – Да что ты понимаешь, козел рогатый? На, подавись ты этими таблетками, я и не собиралась их глотать!

Я швырнула таблетки прямо в лохматую морду, и неожиданно успокоилась:

– Так кто же вы и откуда взялись?

– Кто я такой – вы, полагаю, поняли: не маленькая. А откуда я? Прямоком из того самого места, куда ваша душа могла отправиться в ближайшее время. После таких поступков у нас не церемонятся, знаете ли. Порядок у нас простой. Понятно?

– Допустим. И что же дальше?

Черт продолжил:

– Скажите, милая, как вы думаете, куда попала душа вашего любимого, а?.. Правильно, в Рай. И чего же вы собирались добиться, выпив свои таблетки?

– А что мне оставалось делать? Конечно, это глупость, но я не могу дальше жить без него!

– А я и не говорю, что вы будете жить без него.

– Как это?

– Именно с тем-то я и прибыл! Да-с, сударыня! Что вы скажете, если я предложу вам сделку?

– Я увижу его?

– Да.

– Я согласна!

– На что?

– На вашу сделку! Что вы там задумали?

Черт несказанно обрадовался. Он даже подпрыгнул от удовольствия, изобразив несколько движений, напоминающих варварский танец.

– Благодарю, вот это я понимаю. Вот это по-нашему! Раз-два и готово! Я рад, что не ошибся в вас, Мариночка. Нет, но какова! Ни тебе истерик, ни слез! Вы меня просто покорили. Позвольте в знак признательности поцеловать ручку-с!..

С этими словами черт протянул ко мне свою волосатую лапу. Я взвизгнула и со всего размаху шлепнула по ней рукой:

– Не морочьте мне голову! Что конкретно вы пред-

лагаете?

– А предлагаю я вот что, – черт помахал в воздухе покрасневшей лапой и на всякий случай отодвинулся подальше: – Я заберу вас отсюда к нам, в Ад. Живую, еще какую живую, не переживайте: ведь всему свое время... Нам, видите ли, нужны живые современные люди, скажем так, для консультаций. Вы там будете не одна, у вас будут очень симпатичные сотрудники. Поживете у нас, будете выполнять кое-какие поручения. Как обычно: пять рабочих дней и два выходных. Работать вы будете у нас, в Аду, а на выходных вы вольны делать что угодно. Если, например, решите отправиться в Рай и найти там своего возлюбленного, то никто вам мешать не станет.

– Почему я должна вам верить? Допустим, заберете вы меня к себе, а что будет дальше – я ведь не знаю?!

– Помилосердствуйте, у нас все по благородному. Вот ваше трудовое соглашение, остается только расписаться.

С этими словами черт протянул мне пергаментный свиток. Я развернула его. Несмотря на пергамент, договор был написан на самом современном бюрократическом языке. Текст пестрел «вышеупомянутыми» и «нижеподписавшимися», так что толком понять ничего было невозможно. Неожиданно черт стал меня

торопить, сунул мне невесть откуда взявшееся перо, и стал подталкивать под руку:

– Вот видите, я же говорил, это стандартный договор. Подписывайте, и отправляемся!..

Посмотрев на хитрую рожу черта, я еще раз внимательно изучила свиток:

– А ну-ка, покажите мне пункт про Рай!

– Вот, пожалуйста, вот здесь, видите?

– Ничего не вижу! Тут написано, что мне предоставляется два выходных дня, которыми я могу распоряжаться по своему усмотрению.

– Ну вот, значит...

– Ничего это не значит. Берите перо и добавляйте пункт, что каждые выходные утром вы – лично вы, понятно? – отправляете меня в Рай, и забираете утром, через два дня, в начале рабочей недели.

Черт завыл от досады. Он забежал по комнате, начал причитать, что не имеет права изменять договор, что это стандартный бланк, что все вот просто подписывают, и никто ничего не требует. Я молча наблюдала. Поломавшись еще минут пять, черт угомонился. Взял перо и вписал в договор то, на чем я настаивала. Потом вручил мне перо, уважительно поглядел в глаза и сказал:

– Я чувствую, мы сработаемся.

– Так я очутилась здесь, – продолжила Марина. –

Работа оказалось несложной, да и к жизни в общаге тоже можно было привыкнуть. В конце концов, я не за этим здесь оказалась. У меня была конкретная цель. В первый же выходной день я отправилась к Евлампии и потребовала отправить меня в Рай. Он принял меня очень тепло: мол, здравствуйте Мариночка, прошу вас проходите, присаживайтесь. Вы насчет поездки в Рай? Да, да, конечно, у меня уже все готово. Только вас и ждал. Пожалуйста, закройте глазки, а когда их откроете, вы уже будете в Раю. Кхе, кхе...

– И ты увиделась с Женькой? – спросил я.

– Какое там! Ты ведь знаешь Евлампия! Он не мог напрямую нарушить договор, но пакость, конечно же, устроил, и еще какую! По договору он был обязан отправить меня в Рай на все выходные. Он это и сделал. Он, действительно, отправил меня в Рай. Но в какой! Более дурацкого места в Раю, похоже, не найти. Это был Рай какой-то страшно древней общины. Эти бедняги на Земле жили в совершенно жутком месте, оторванные от всего человечества. Место было мало приспособлено для жизни, и они все свое время тратили на то, чтобы просто физически выжить. Мало того, что им самим приходилось производить буквально все необходимое, климат там был ужасный, а земля в основном – камень да болота. Они до посинения обрабатывали крохотные клочки почвы, их и полями-то

нельзя было назвать. А когда кончались работы в поле, они укрепляли и утепляли свои примитивные хижины, шили одежду, готовили еду, – в общем, хлопот у них была целая куча. Вкалывали они по двадцать часов в день, без выходных и праздников. Работали бы и больше, но приходилось все же тратить четыре часа в день на еду и сон. А теперь попробуй представить, какой Рай они могли для себя придумать!..

– Наверное, что-то очень примитивное.

– Ты просто гигант мысли! Не поверишь, они не могли даже вообразить, что может быть другая жизнь, без бесконечной борьбы за существование. Пределом их мечтаний оказалась деревня с теплыми сухими домами, окруженная полями с нормальной плодородной почвой. И подходящий климат. Они по-прежнему каждый день работают изо всех сил, но только по восемь часов в день. Представляешь, восьмичасовой рабочий день, как предел мечтаний! Остальное время они валяются на лавках в доме. Самым интеллектуальным развлечением, которое я у них обнаружила – это поковыряться в носу, скатать найденное в шарик и щелчком запустить в соседа. Если удавалось попасть, то это вызывало бурю восторга у окружающих.

– А почему ты не ушла оттуда?

– Они полностью изолированы. Как наша общага. Они уверены, что кроме них больше никого не суще-

ствуует. Вернее, они никогда и не задумывались над этим. Некогда было. А самостоятельно перемещаться я тогда еще не умела. И я как дура проторчала там два дня. Пришлось еще и пахать вместе с ними. Когда я говорю пахать, то имею в виду именно вспахивание поля какой-то примитивной палкой-ковырялкой.

– Ой, не завидую я Евлампии, когда ты вернулась.

– Я даже не устраивала скандал. На работу я все следующую неделю не выходила, а с Евлампием просто не разговаривала. Первый день вообще провела в ванне. Мне все казалось, что я никогда не отмоюсь. Насекомых на этих древних трудоголиках, конечно же, не было, но сам понимаешь, какие они были грязные. Брр, до сих пор не могу вспомнить без содрогания. К следующим выходным я была уже в состоянии самостоятельно передвигаться здесь: и по Аду, и по Раю. Я нашла Женьку, и в течение целого месяца каждую неделю имела по два дня полного, абсолютного счастья. Ради этих двух дней в неделю я и жила в общаге и работала на чертей.

– Но почему ты все время говоришь об этом в прошедшем времени?

– О том и речь. Все повторилось и здесь. Сегодня я не застала его на обычном месте, весь день искала и не могла найти. Только к вечеру узнала, что его больше нет в Раю. Видишь ли, те, кто все это устроил,

вовсе не расценивают Рай и Ад, как место последнего, окончательного пребывания человеческой души. Время от времени они вытаскивают оттуда отдельные личности и переводят их, как они выражаются, на следующий уровень существования. Это случается далеко не со всеми. Женька, видимо, чем-то их заинтересовал.

– Понимаю. Это в первую очередь говорит о том, что твой Женька – личность незаурядная.

– Я это и без них знаю. С самого первого взгляда на него поняла. Но неужели нельзя было подождать? Почему его у меня все время отнимают?

Я не нашелся, что ответить. Да и что можно было сказать в такой ситуации? Найти и снова потерять любимого – что может быть тяжелее? Но когда такое случается не где-нибудь, а в Раю, – это просто невысказано. Тем не менее, вот она, Марина, сидит передо мной, и все еще шмыгает носом.

– И что же будет теперь? – спросил я.

– Ничего больше не будет. Я очень хорошо знаю, что меня ждет после смерти, сама планировала наказания таким, как я. Так что сюда я не тороплюсь. Завтра же распрощаюсь с Евлампием и Тихоном, и вернусь обратно на Землю. Буду выжимать из свекра с мужем все положенные мне материальные и духовные блага. Проживу остаток жизни в свое удоволь-

ствии. Мне теперь ничто не страшно. И ничто не интересно. От меня осталась пустая оболочка. Вот пусть она и живет на Земле, как положено.

С этими словами Марина поднялась со скамейки, чмокнула меня в щеку на прощание и ушла. Я остался один перед входом в подъезд. Заходить в общежитие я не стал, а свернул за угол, подошел к телефонной будке, и в скором времени был у себя дома. День оказался слишком насыщен событиями, чтобы я мог нормально соображать. Меня хватило только на то, чтобы ополоснуться в душе и добраться до кровати в ближайшей спальне. Я даже не помню, как разделся и лег...

Часть вторая

Вперед, в прошлое

Глава 13

Высокие ноздреватые сузробы по сторонам крыльца были утыканы разноцветными лыжами – я насчитал семь штук, одна была с ботинком. С крыши свисали мутные гофрированные сосульки толщиной с руку.

(А. и Б. Стругацкие, «Отель «У Погибшего Альпиниста»)

Несмотря на все происшествия вчерашнего дня, я проснулся рано утром выспавшийся и свежий. Смутно вспоминался сон, добрый и очень важный. Но думать о нем не хотелось. Потянувшись и выбравшись из постели, я почувствовал неодолимый зуд немедленно действовать. Сегодня был мой второй выходной день на Том Свете, и я не собирался терять из него ни минуты. В рабочие дни рано вставать – настоящая мука для меня. Но во время отпуска со мной происходит перевоплощение. Я вскакиваю, как заведенный, с восходом солнца, ощущая сильнейшую потребность

немедленно куда-нибудь отправиться. Ощущение того, что я бездарно просыпаю свое собственное личное время, предназначенное исключительно для моего отдыха и развлечений, раздирает мне душу. Если бы было возможно, я бы вообще не спал в выходные и весь отпуск.

Я выглянул в окно. Ночью похолодало и выпал снег. Я торопливо оделся, выскочил из дома, и некоторое время стоял на крыльце, наслаждаясь морозной прелестью раннего зимнего утра. Всюду лежал снег, не потревоженный ни чьими следами. Покрытые инеем сосны стояли на страже этого белого великолепия, как мрачные, рано поседевшие на воинской службе ветераны старой гвардии. Ветра не было, и вокруг стояла такая поразительная тишина, что, казалось, было слышно, как зажигаются искры на льдинках, отражавших лучи низкого утреннего зимнего солнышка.

Я решил устроить себе праздник. Настоящий выходной в горах на лыжах. Я вернулся в дом. Лыжи, как я и ожидал, стояли в небольшой кладовой недалеко от входа, в коридоре. Я застегнул крепления, выпрямился, и прямо от крыльца съехал к станции подъемника. При моем приближении он включился. Но кресла не двигались с места, лишь слегка покачивались на натянутом тросе. Это была моя детская мечта – персональная канатка, без очереди, и чтобы кресла

ждали пока я сяду. Нисколько не сомневаясь, что так и будет, я подъехал к ближайшему креслу и уселся. «Давай!» – крикнул я неизвестно кому. Канатка послушалась и мягко тронулась, постепенно набирая ход. Через несколько минут я оказался на вершине. Подъемник услужливо притормозил, а затем и вовсе остановился. Я нахально посидел в кресле еще пару минут, болтая ногами в воздухе и привыкая к роли единоличного хозяина всего окружающего. Заодно я проникался чувством, что кроме этого услужливого подъемника мне принадлежит и вся гора, и вообще весь этот мир. Небольшой, но гармоничный, законченный, и очень симпатичный.

Я спрыгнул с кресла и уже на лыжах добрался до самой вершины. Там я остановился и осмотрелся вокруг. Передо мной открылась панорама моих владений: заснеженный склон горы; лес у ее подножия, в котором прятался дом; побелевший за ночь луг и замерзший ручей еще ниже. Я не удивился, что только вчера все это возникло по моей воле из серого ничто, а только удовлетворенно осмотрел результат своей работы, и радостно рассмеялся. То, что вчера казалось мне откровением и сложнейшей магией, сегодня выглядело забавой, подходящей разве для шестиклассника. Я знал, что способен на большее.

Но это все потом, потом. Сейчас я буду отдыхать,

наслаждаться морозным горным воздухом и этим великолепным видом. А потом я съеду вниз с горы и оставлю первый след на девственно чистом ровном снегу. Я поднял вверх руки и подставил лицо к солнышку, которое успело за это время немного подняться. Я почувствовал, как оттуда на меня хлынул поток чистой освежающей энергии. Улыбнувшись ему в ответ, я оттолкнулся палками и заскользил по склону.

Спуск на горных лыжах – как езда на велосипеде. Однажды научившись, уже никогда не потеряешь этого восхитительного умения. Я летел вниз в объятиях пьянящего горного воздуха, купаясь в добром солнечном свете. Я получал удовольствие от самого процесса, и от того, какой я умелый, как здорово слушаются меня мышцы, какие четкие команды отдает им мозг. Как замечательно режут снег канты лыж. Как здорово жить на свете!

Примерно через час, усталый, запыхавшийся, я снял лыжи и с удовольствием оглядел свои следы на склоне. Они были хороши, хоть фотографируй и вставляй в любой учебник по горным лыжам. Я даже крякнул от удовольствия и гордости, как аккуратно и грамотно вывел я все траверсы и повороты. Поднимать руку со сжатым кулаком и кричать «Yes» я не стал: не в Голливуде все-таки. Я просто сказал себе: какой же я молодец, напомнив о том, что я талант-са-

мородок и что вообще – я лучше всех. Я с удовольствием выслушал все здравицы в свою честь, подумал, и добавил еще несколько.

Я был доволен собой, этим утром, снегом, всем миром. Далеко-далеко на задворках сознания мелькнуло удивление: последние годы я был не в ладах с собой: постоянно ругал себя за все, что делаю и что не делаю, а если и хвалил, то тут же обрывал сам себя в педагогических целях. Мне казалось, что, постоянно ругая себя и принижая собственные заслуги, я смогу добиться лучших результатов. В конечном счете, результаты оставались прежними, а привычка ругать себя постепенно превратилась в легкую манию под названием «самоедство».

Я решил было постоять немного и обдумать эти изменения в себе, но почувствовал приступ дикого голода. Думать было уже некогда. Я повернулся и пошел к дому. По дороге я размышлял, чего бы такого мне съесть на завтрак. Разгоряченное воображение, подстегиваемое голодом, выдавало одно за другим самые привлекательные блюда. По мере приближения к дому, порции становились более объемными, а сами блюда – более калорийными. Когда, наконец, в моем воображении возникла отбивная размером с лопату для очистки снега, я сказал себе «стоп». Не хватало еще принять здесь мученическую смерть, примитив-

но обожравшись завтраком. Я решил не конкретизировать, а просто пожелал, чтобы к моему приходу был сервирован завтрак.

Когда я зашел в дом, мой нос уловил божественный аромат еды, ожидавшей меня в столовой. Я, однако, решил проявить силу воли, и сначала зашел в душ, затем переоделся в легкий домашний костюм и вернулся в роскошный теплый халат. Чистый, умиротворенный и страшно голодный, я уселся за стол. Передо мной стояла салатница с зеленым салатом, хлеб и масленка. В двух судках томились в ожидании горячие блюда. Открыв судки, я обнаружил в первом жареную картошку, а во втором – здоровенную свиную отбивную, с вызывающе торчащей косточкой, – плод моего голодного воображения. Я взглянул на нее и тяжело вздохнул. В плане кулинарии я оказался совсем никудышным магом. Из всех возможных диетических и деликатесных вариантов завтрака, я выбрал и сотворил себе отбивную с жареной картошкой.

Я не стал особо переживать по этому поводу и с удовольствием уничтожил весь завтрак. Запил я его, по случаю воскресенья, не традиционным чаем, а парой бутылок чудесного, слегка подогретого темного пива. Закончив завтрак, я потянулся, и закурил самую вкусную, первую за день сигарету.

Я, наконец, вспомнил свой сон. Он не давал мне

покоя с утра, но я отложил его в сторону и не думал о нем: вспомню – хорошо, не вспомню – значит, ничего важного и не было. А тут он и вспомнился. Приснилось мне, что я в кабинете у Тихона, причем сижу на месте хозяина, а ко мне входят Марина с Сергеем. Видно, что ребятки порядком робеют, они даже шли, взявшись за руки, как первоклашки, которых вывели на экскурсию.

Я усадил своих испуганных друзей в кресла и прочитал нотацию о том, что жить надо на Земле, а не прятаться у каких-то чертей. Я подробно объяснил каждому, что и как он должен будет сделать по возвращении на Землю, и как ему жить дальше. Пообещал, зная, что это в моих силах, решить все их проблемы, чтобы потом они могли спокойно жить нормальной земной жизнью, и не мечтали убежать от нее на рога к очередному черту.

Во сне у меня все получилось очень просто. Я увидел Марину счастливой матерью двух замечательных ребяткишек-близнецов, мальчика и девочки. Оба были очень похожи на Женьку. Как я понял, что они похожи именно на него, хотя никогда Женьку не видел, не знаю; во сне все было просто и понятно. Сергея я увидел в семье, с женой и пацаном, потом в гостях у Арика, как положено, со всей компанией, потом (было видно, что прошло много лет) – солидным мужчиной,

ставящим автограф на книге, протянутой ему читателем на какой-то представительной конференции.

«Да, – сказал я себе, – во сне это конечно просто». А вот как все осуществить на самом деле, я пока не знал. Но ощущение того, что ребят надо выручать, переполняло меня. «Это не дело, – сказал я себе. – Со мной все понятно, я, похоже, пришелся здесь ко двору. Я еще не разобрался окончательно со своим новообретенным могуществом, но и то, что я уже могу, помогло мне устроиться здесь с максимально возможным комфортом». О дальнейшей своей судьбе я пока не задумывался, это можно отложить. Пока мне здесь совсем неплохо, некоторое время спокойно поживу, а дальше будет видно. В любом случае, за себя постоять я в состоянии.

А вот Сергей беспокоил меня все больше. Возможно, первое время ему было здесь хорошо. Он поддерживал себя мыслью о том, что избавил своих друзей от страшной беды. Тем более что он искренне считал виновником самого себя. Это было довольно странно. В своей книге, даже с той минимальной информацией, которой Сергей располагал, он добрался до глубокого понимания истинных причин той войны, и всех ее последствий. А вот в личных делах, он по-прежнему не мог подняться выше самого примитивного уровня восприятия – мы нарушили закон, и нас за это аресто-

ют. Хотя это всегда так. Одно дело – рассуждать о политике в глобальном масштабе, и совсем другое – когда результаты этой самой политики непосредственно ударяют по тебе самому и близким тебе людям. В такой ситуации ломались и более сильные личности.

Марина тоже, скажем прямо, оказалась в трудном положении, как ей кажется – просто безвыходном. Но она внутренне понимает, что выход есть, и впоследствии вернется к своей прошлой жизни. Возможно, она справится с этим самостоятельно, возможно ей понадобится моя помощь. Пока же ей нужно время, чтобы разобраться в новой ситуации, и просто собраться с мыслями.

Так что первый на очереди Сергей. Я представил его сидящим за столом перед полной банкой окурков и с чайником горького чая. Он пересматривает какие-то бумаги, что-то записывает в своей заветной тетрадке. Эта тетрадка давно уже перестала выполнять ту функцию, ради которой ее завели. Теперь она была единственным, что еще связывало Сергея с той жизнью и всем, что у него осталось в этой жизни. Черти выполнили свое обещание и защитили его друзей. Но самого Сергея они уже не выпустят. Даже за ту неделю, что мы с ним знакомы, я заметил, как он снова погружается в депрессию. Сейчас она была особенно опасна, поскольку он только недавно почти из-

бавился от нее, и теперь именно осознание неизбежности убивало его. Я догадывался, что скоро из штатных работников, Сергея переведут в статус заключенного. Черти ничего не делают просто так. А уж за добрые поступки они заставят заплатить по полному счету.

Я потушил сигарету и резко поднялся из-за стола. Каникулы кончились. Пора заняться делом.

– Чип и Дэйл спешат на помощь! Спасатели, вперед! – гаденько пискнуло что-то внутри меня.

Это подала голос моя вторая натура. Не могу сказать, что во мне всегда сидел отчаянный трус. Нет, в обычной жизни я трусил, пожалуй, не больше всех остальных. Но эта вечная неуверенность в собственных силах плюс заниженная самооценка мне здорово мешали всю жизнь. Вот и теперь, когда я вплотную собрался решать судьбу Сергея, все мои сомнения выбрались наружу.

– Кто ты такой, – зашептал мне внутренний голос, – чтобы вмешиваться в жизнь человека, которого знаешь всего неделю? Почему ты решил, что у тебя есть право на это? Ты здесь совсем не при чем, это вовсе не твое дело.

Мне это очень не понравилось.

– Совести у тебя нет, вот что. Парень погибает, а помочь ему могу только я. Причем тут права? Тут оста-

лись одни обязанности. К тому же, если я откажусь, то ты потом будешь меня пилить за то, что я не помог вовремя. Отвали, надоел! – ответил я.

Моя вторая половина тут же сменила тактику:

– Ну, хорошо, ты действительно должен ему помочь. А вдруг у тебя не получится? Ты же только все испортишь. Зачем ты берешься за дело, в котором ни черта не смыслишь? Как ты себе представляешь всю эту возню? Просто махнешь рукой и скажешь «пусть у Сергея все будет хорошо»? А потом еще и выматерись для убедительности?

– Заткнись! – заорал я вслух. – Заткнись и исчезни навсегда! Не хочу тебя больше слышать. И почему всякий раз, когда я принимаю серьезное решение, ты тут же начинаешь мне мешать? Никогда не поддержишь, а только выискиваешь идиотские аргументы против?! Все, я больше никогда не хочу тебя слышать!!!

Я взял себя в руки и постарался успокоиться. Устроил ни с того ни с сего истерику... Видно, действительно, во мне происходили серьезные изменения. Какие именно – я не мог сформулировать точно, но очередной этап моего перерождения состоялся. Противный голосок внутри меня замолчал, и я знал, что замолчал он навсегда. Больше я никогда не услышу свою пакостную половину. Может быть, я что-то потерял от

этого? Перестал быть целостной личностью? Да бог с ним, пусть даже и так. Зато теперь я смогу спокойно жить, не терзаясь сомнениями по каждому ничтожному поводу. Пожалуй, я все же не потерял, а наоборот, только теперь и обрел эту самую целостность.

«Вот и все, – сказал я себе. – Начинаем кампанию по возвращению Сергея домой». Я поднялся из-за стола и прошел по столовой. Хорошо все-таки у меня, удобно, уютно. Я подошел к лестнице, поднялся на второй этаж, прошел по коридору мимо спальных комнат, и по винтовой лестнице поднялся в мансарду. Здесь, как и предполагалось, меня ожидал мой кабинет.

Я открыл дверь и оказался в большой светлой комнате. В воздухе неуловимо пахло пылью от старинных толстых фолиантов, разложенных на рабочем столе. Рядом с книгами были разбросаны рулоны с чертежами диковинных механизмов. Отдельно, в другом конце стола, выстроились ряды с причудливо изогнутыми колбами. Там же лежали коробочки и банки с химическими реактивами. На горелке стояла небольшая реторта. Внутри нее бурлила и кипела темно-малиновая жидкость. Пар от жидкости проходил, остывая, через перегонную спираль и, снова превратившись в жидкость, понемногу капал в пробирку, закрепленную на штативе. Химический опыт близился к завершению, и

предполагалось, что я немедленно возьму пробирку с полученным реактивом и продолжу его. Описание опыта лежало на столе и ждало меня. У стола стояло старинное кресло, приглашая сесть и развернуть книги. Эта средневековая мастерская в стиле Леонардо да Винчи была чудом как привлекательна. Хотелось немедленно усесться в огромное нелепое кресло, листать старинные книги, рассматривать глобус и чертежи, довести до конца начатую химическую реакцию.

Я поблагодарил свое подсознание за чудесную мастерскую. Однако сегодня мне нужен был совершенно другой кабинет. Возможно, стоило просто спуститься вниз по лестнице, и внизу я бы обнаружил помещение более подходящее для моих целей. Но мне нравилась именно эта, залитая солнечным светом комната. Из окна открывался чудесный вид, солнечные зайчики играли под высоким скошенным потолком. Заснеженные ветки ели почти касались оконного стекла. Я решил, что останусь здесь, только переоборудую ее по-новому.

Мне требовалась привычная рабочая обстановка, которая не отвлекала бы меня, а помогла собраться с мыслями: большой письменный стол, удобное современное кресло и, конечно, компьютер. Я настолько привык видеть перед собой экран, а вместо ручки и карандаша пользоваться клавиатурой и мышью, что

не мог даже представить свое рабочее место без этих атрибутов. Итак, первым делом нужно сделать здесь перестановку. Убрать весь этот романтичный хлам (он уже не вызывал во мне ничего кроме раздражения) и создать себе нормальный кабинет. Мне предстояло опять колдовать.

Глава 14

*– Мы молим и заклинаем тебя чарами, –
матушка помедлила, – этой палки-мешалки,
такой жуткой и острой.*

*Содержимое котла пошло мелкой рябью.
(Т. Пратчетт, «Вещие сестрички»)*

Я постоял с минуту, прислушиваясь к своим ощущениям. Так и есть. Колдовство не представляло для меня никакой проблемы. Мне не надо больше создавать особое настроение и копаться в своих эмоциях. И, конечно же, нет никакой нужды яростно ругаться для завершения магического таинства. Как я и предполагал, моя теория об использовании ругательств в качестве заклинаний не выдержала проверки временем. Вполне возможно, что я интуитивно нащупал древние глубокие связи, таинственную силу, заключенную в этих словах. Возможно, все было именно так. Но для меня эпоха нецензурной ругани в ворожбе уже прошла. Не знаю насчет остальных магов, великих и ужасных, но мне сегодня не нужны были ни заклинания, ни ругательства.

Я закрыл глаза, и некоторое время постоял так, ни о чем особенно не думая. Я точно знал, что мне надо, и желание не вполне ясным мне образом преображало

комнату. Вскоре я почувствовал, что все кончилось, и открыл глаза. Обстановка в комнате полностью изменилась. Все средневековые атрибуты мастерской алхимика исчезли. Вместо них стояли современные шкафы с книгами, небольшой диван с парой кресел и невысоким столиком перед ними. На полу лежал однотонный ковер, покрывавший всю площадь комнаты. В углу располагались стойка бара и холодильник.

Возле окна меня ожидал массивный письменный стол и удобное кожаное кресло – шедевр современной офисной мебели. На столе перед креслом стоял огромный, больше обычного телевизора, компьютерный монитор. Перед монитором лежала клавиатура и мышка. Соединительных проводов между ними видно не было, как не было и самого системного блока компьютера. Так было задумано. Мне просто нужен привычный интерфейс: клавиатура, на которой я мог бы напечатать вопрос и электронная трубка-монитор, которая покажет мне ответ.

Компьютер на самом деле не при чем, никакой компьютер не справится с тем, что я собирался предпринять. Я все буду делать сам. Мне нужна только привычная обстановка. Женщина, скорее всего, предпочла бы усесться в спальне перед своим зеркалом и вести диалог с ним. Тем более что изображающая поверхность у зеркала больше любого телеэкрана.

Именно так и поступают ведьмы и колдуньи в сказках. Но это не для меня. Я вообще не люблю смотреться в зеркало: это портит мне настроение. А вот экран компьютера поможет мне собраться и сконцентрироваться.

Привычная удобная обстановка и уверенность в собственных силах – вот и все, что нужно практикующему магу. Все эти волшебные зеркала, яблочки, катящиеся по блюдецке, кипящая жидкость в котле, – разве могут они показать что-то сами по себе? Это лишь вспомогательное средство, медиум или, в более привычной мне терминологии, – интерфейс. Средство визуализации результатов, не более. Всю работу, несомненно, выполняет сам маг, а внешние атрибуты лишь помогают ему сконцентрировать внимание и волю.

Я сел в кресло и нажал кнопку на мониторе. Внизу экрана появилась строка «Слушаю и повинуюсь». Я уставился на нее в некотором недоумении. Ну и как прикажете мне с ним работать? Какой синтаксис у команд? И вообще, что делать дальше? Я не придумал ничего лучше, как набрать «Hello world». Это оказалось сильнее меня. Как человек, всю жизнь программирующий на языке Си, знакомство с любой новой системой я начинал с этой сакраментальной фразы. Компьютер (я решил что буду называть это так, чтобы

не морочить себе голову истинными причинами происходящего) ответил просто и вежливо: «Здравствуйте, Александр Леонидович». Это наполнило меня гордостью. Вот это я понимаю, вот это – действительно настоящий персональный компьютер!..

Я немного подумал и набрал новую команду – «поиск». Компьютер отозвался немедленно. На экране открылось окно популярной программы для работы в Интернете. В окне этой программы я увидел страничку с моей любимой поисковой системой. Там даже светилась все та же ничем не убиваемая реклама. Курсор призывно мигал в начале поисковой строки. Я решил начать с главного. Быстро напечатал вопрос, надеясь, что компьютер, или что там будет мне отвечать, поймет, о чем идет речь. Вопрос был простым и коротким:

– Кто стукач?

Нечистый (или все же чистый?) дух, исполняющий роль моего компьютера, отреагировал мгновенно. На экране появился ответ:

– Вадим.

– Кто это?

– Вадим, сотрудник издательства. Вместе с Ильей он согласился по просьбе их приятеля, психолога Виктора, редактировать рукописи Сергея.

Я удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Ура,

моя идея сработала. Компьютер сразу же понял, что именно мне нужно. Похоже, он прекрасно справляется со своими обязанностями и понимает меня буквально с полуслова. Теперь надо убедиться в дополнительных возможностях моего импровизированного интерфейса, и продолжать расследование дальше. Я спросил вслух:

– А так ты меня понимаешь?

– Разумеется, – ответил приятный мужской голос.

Отлично: теперь можно не печатать на клавиатуре и не вглядываться в письменные ответы на экране. Остается только поудобнее устроиться в кресле и задавать вопросы. Я спросил вслух:

– Итак, ты уверен, что стукнул именно Вадим? Почему?

– Это входит в его служебные обязанности в издательстве, – немедленно ответил мне голос. – Когда он принес свою первую повесть в издательство, с ним провели предварительную беседу. Чуть позже вызвали в КГБ и предложили сотрудничать. В обмен ему гарантировали опубликование этой повести и всех его дальнейших литературных работ, место в Союзе Писателей и небольшую должность в издательстве. Это была карьера, о которой он мог только мечтать. Вадим, не раздумывая, согласился. За время работы в издательстве Вадим каждую неделю отчитывался пе-

ред своим шефом, но ничего серьезного принести не мог. В издательстве работали проверенные и очень осторожные люди. Вадим чувствовал, что его положение становится шатким. Поэтому он страшно обрадовался, когда Виктор завел с ним разговор о Сергее. Он сразу почувствовал, что это – тот самый шанс, которого он ждал, и вызвался помочь общему знакомому. В редактировании рукописи Вадим непосредственного участия не принимал, но периодически забирал тетрадку к себе на день-два: якобы для того, чтобы почитать в спокойной обстановке. На самом деле он относил ее своему куратору из КГБ. Могу показать видеоролик их беседы.

– Отлично, только комментируй по ходу дела.

– Слушаю и повинуюсь.

Окно программы на экране исчезло и вместо него появилось чуть размытое черно-белое изображение. По качеству оно напоминало документальный фильм, снятый любительской кинокамерой. Высокий, спортивного сложения мужчина, с красивым, но, на мой взгляд, чересчур слащавым лицом, вышел из здания. Камера наехала и показала многочисленные таблички на двери. Таблички извещали, что в этом здании расположено центральное республиканское издательство, Союз Писателей республики, редакция республиканской газеты «Правда» и другие, столь же

серьезные литературные учреждения. Мужчина, покачивая портфелем, который держал в руке, перешел через дорогу и направился прямо по широкому, выложенному бетонной плиткой, тротуару. Экран на мгновение потемнел, и изображение сменилось. Мужчина подходил к другой двери, еще более значительной и важной. Это был вход в святая святых: центральный республиканский комитет партии.

– Прервись, пожалуйста! – скомандовал я.

Экран отобразил стоп-кадр: человек замер на месте с поднятой ногой.

– Мужчина, как я понял и есть Вадим. Правильно?

– Да, это Вадим, – немедленно согласился компьютер.

– А почему ты мне показываешь, как он заходит в ЦК партии? Какое это имеет отношение к предательству?

– Самое прямое. Заместитель заведующего отделом культуры и есть куратор Вадима, капитан Мирзабаев. Это КГБшная должность.

– Ну да, я все уже забыл...

Пока мы беседовали, изображение на экране снова ожило. Я увидел, как Вадим заходит в кабинет, где его встречает тот самый капитан КГБ. Невысокий лысоватый мужчина восточной национальности в начале разговора был явно раздражен и долго выговаривал

Вадиму. Вадим, в свою очередь, стал рассказывать. По мере того, как он говорил, выражение недовольства на лице хозяина кабинета сменилось крайней заинтересованностью. Наконец Вадим открыл портфель и достал оттуда толстую общую тетрадь. Камера наехала, и я без труда узнал ту самую Серегину тетрадку. Правда, сейчас она была еще новенькая, не потрепанная. Куратор взял тетрадь в руки и начал листать. Через некоторое время он поднялся, отошел в глубину кабинета, где стоял огромный ксерокс, и стал делать с тетрадки копию. Одновременно с этим он продолжал задавать вопросы Вадиму.

Изображение исчезло, на его месте вновь появилась поисковая программа.

– Отлично! – похвалил я компьютер.

Я уже знал, как важно хвалить созданные мной магические предметы. Они и с самого начала действовали прекрасно, но после похвалы начинали буквально лезть из кожи вон, чтобы угодить мне, демонстрируя свою преданность.

– Можешь показать дальше? Только поработай над качеством. Что это у нас кино черно-белое и немое? Ты бы еще тапера привел! Давай, показывай как следует, уж постарайся!..

Компьютер постарался. Мне показали прекрасно снятый и смонтированный документальный фильм –

в цвете, со звуком, с прекрасным качеством изображения. На экране был тот же самый кабинет и те же персонажи. Судя по дате внизу экрана, со времени их предыдущей встречи, которую я только что видел в черно-белом варианте, прошла неделя. Хозяин кабинета встретил Вадима буквально с распростертыми объятиями. Он вышел из-за стола навстречу вошедшему, приобнял его за плечи и усадил не как обычно, на стул для посетителей перед письменным столом, а отвел в дальний конец кабинета, где стояли диван и кресла. На столике был сервирован чай в традиционном чайнике с пиалами. Рядом стояла вазочка с конфетами. Мирзабаев усадил Вадима в кресло, сам сел напротив. Взял чайник, расставил пиалы и наполнил каждую.

Мирзабаев отхлебнул чаю, и с улыбкой посмотрел на Вадима:

– Я поздравляю тебя, Вадим, с успешно проведенной акцией. Нашу инициативу высоко оценили. Мне поручено передать тебе благодарность от высшего руководства.

Вадим невольно чуть не вскочил и не заорал, как учили в армии – «Служу Советскому Союзу», но вовремя спохватился. Мирзабаев тоже уловил это движение и жестом успокоил его:

– Не надо благодарить, это – объективная оценка

нашей работы. Я рад, что мы в тебе не ошиблись, Вадим. Нам нужны такие люди. Ты – преданный идеалам нашего общества человек, ты образован и интеллигентен, ты представляешь собой элиту нашей молодежи. И мы надеемся, что ты еще не раз докажешь свою преданность делу построения коммунизма в нашей стране.

Вадим кивал, не зная, как реагировать на этот хвалебный поток. Его несколько насторожили слова «наш успех», «наша акция», но он быстро понял, что надо принимать все как есть. Естественно, что, докладывая наверху, его куратор приписал себе основную заслугу в этом деле. Но ведь сам Мирзабаев прекрасно понимает, что эта инициатива целиком принадлежит Вадиму! Поэтому он не будет резать курицу, несущую для него золотые яйца...

– Так вот, – продолжал тем временем Мирзабаев. – Тебе приказано поглубже закрепиться в этой компании, став там своим. Постарайся сделаться незамеченным для многих из гостей, и главное – для хозяев. – Он помолчал, хитро подмигнул Вадиму и неожиданно закончил: – Впрочем, для хозяйки ты уже и так незаменим, правильно? Не смущайся, дело молодое, горячее. Лучшего способа приручить женщину не существует. Смотри только, не нарвись на скандал с ее мужем. Нам не хотелось бы, чтобы из-за такого пустяка

провалилась ответственная операция.

Вадим удивленно поднял голову.

– Серьезная длительная операция, Вадим. Ты должен продолжать поддерживать Сергея в его работе. Подталкивай также и Илью, регулярно интересуйся у обоих, как продвигается их работа. Обязательно поощряй групповые чтения уже написанного, направляй дискуссии в нужное русло. Ты даже сам не понимаешь, на какой уровень мы выходим. Это – не просто факт написания клеветнической книги антисоветского содержания. Насколько я смог судить из твоего последнего отчета, вся компания приняла эту книгу и активно участвует в ее создании.

– Это не совсем так. Работают над книгой только двое: Сергей и Илья. Сергей записывает свои воспоминания, а Илья просматривает написанное и редактирует, как профессиональный журналист. Сергей ведь пишет на уровне пятиклассника, поэтому Илья практически переписывает все заново. Поскольку я в свое время поддержал их затею и обещал помочь, то время от времени они обращаются ко мне за помощью.

– Нам это известно. Расскажи мне, какова роль остальных членов компании, и в первую очередь, Арика?

– Все остальные более или менее в курсе дела. Ко-

гда был готов тот материал, что я вам приносил, Илья прочитал его вслух всей компании.

– Почему читал Илья, а не сам Сергей?

– Он постеснялся. Все же там были люди с литературным образованием, профессиональные журналисты. Парень очень смущался, не хотел, чтобы это вообще читали.

– Кстати, а кто именно предложил прочесть вслух?

– Не помню точно. Кажется, Арик.

Хозяин кабинета впервые за время разговора перестал улыбаться. У Вадима перехватило дыхание. Неужели после такого чудесного начала все провалится? Нет, обошлось. Хозяин только неодобрительно качнул головой и заметил, что впредь Вадим должен быть готов отвечать на подобные вопросы абсолютно точно.

– Хорошо, они прочитали. Что произошло дальше?

– Все зашумели, каждый стал кричать свое. В общем, все сводилось к одному и тому же: вы, ребята, молодцы, продолжайте в том же духе. Тут же по ассоциации кто-то вспомнил жутко неприличный анекдот, а потом разговор переключился на другую тему, и про книгу забыли. Сергей был этому страшно рад, он и так сидел в углу весь красный от смущения, и боялся поднять голову.

– Засмущался он, видите ли... Пасквили на своих

командиров писать, партию грязью поливать – это он не смущается! Какой-то гребанный механик-водитель берется рассуждать о мировой политике! Что он там мог видеть из своего БТРа?! Так нет, тоже лезет мемуары писать, словно генерал.

Хозяин кабинета отхлебнул из пиалы и внимательно посмотрел на Вадима. Потом заговорил медленно, подчеркивая значимость сказанного:

– Итак, Вадим, ты должен оправдать доверие. Нам поручено начать операцию по выявлению враждебной советскому строю группировки. Ты продолжишь активно интересоваться Сережинными воспоминаниями. Регулярно бери на просмотр новые записи, и, разумеется, приноси сюда. Я сделаю копии и верну их тебе. А ты отдашь их обратно Илье или Сергею. Можешь обсуждать сколько угодно вслух, но ни в коем случае не оставляй никаких пометок своей рукой в этой тетрадке. Запомни, это очень важно. Даже запятая, поставленная твоей авторучкой, или одно слово, написанное твоим почерком, могут перечеркнуть всю нашу работу. Запомни это. Теперь насчет обсуждений. Работу следует читать вслух для всех присутствующих каждый раз, когда у Арика собираются люди. После прочтения пытайся организовать обсуждение. Провоцируй их какими угодно высказываниями, однако помни, что тебе с ними встречаться еще не

раз, и не лезь на рожон. Твоя легенда в той компании – милый молодой человек со связями, который может оказаться кое в чем полезным. Сближайся со всеми, с кем сможешь. Подкупай по мелочам дефицитом и пригласительными билетами, это мы тебе организуем. Каждую неделю я буду ждать подробных отчетов об этих вечеринках. Фиксируй также и разговоры, не касающиеся непосредственно мемуаров. Нас интересует общее настроение в этом доме. И запомни: главное – конкретика. Кто что сказал, кто как кому ответил, что именно, в ответ на какую фразу. Все это должно быть зафиксировано самым точным образом. Ты выходишь на другой уровень оперативной работы. Я откровенно рад за тебя.

Мирзабаев разлил еще чаю и с пиалой в руке откинулся на спинку дивана. Вадим сидел неловко, выпрямившись. Пиалу он держал в руке, как будто забыл, что с ней положено делать. Наконец, он тоже расслабился и отхлебнул чаю.

– Ну, Вадим, ты все понял?

– Да. Сделаю все, как вы сказали.

– Вот и отлично! – Мирзабаев перешел ко второй части разговора. – А я тут на днях говорил с издательством. Твой роман ведь выходит через несколько месяцев? Так вот, из министерства культуры в издательство поступило письмо, что роман имеет боль-

шое воспитательное значение для нашей молодежи. В связи с этим издательство нашло резервы отпечатать его тиражом в два раза большим, чем было ранее запланировано.

Камера крупно показала лицо Вадима. На его лице светилась откровенная радость.

– Я прошу тебя сконцентрироваться и уделить этой операции все силы и время. На сегодня это – твоя главная и единственная работа, – сказал Мирзабаев и поднялся из кресла. – А теперь иди работать.

Вадим вскочил следом, все еще держа пиалу в руках. Спohватился, поставил ее на стол и направился к дверям. Перед самым выходом, капитан остановил его:

– Да, чуть не забыл. Есть мнение включить твой роман в число соискателей премии Ленинского Комсомола нашей республики за этот год. Саму премию я тебе не обещаю, ты понимаешь, мы должны выполнять национальную политику партии. Но само присутствие романа в этом списке откроет тебе дополнительные возможности. Итак, до встречи через неделю...

Вадим вышел из кабинета, не веря своей удаче. Он закрыл за собой дверь, прислонился к стене и некоторое время стоял с закрытыми глазами, переваривая произошедшее. Он был счастлив, как никогда в жизни.

Изображение на экране снова исчезло...

Глава 15

У него была своя такса...

За необразованную бабу он накидывал десять крейцеров, так как исходил из принципа, что простая баба доставит удовольствия больше, чем образованная дама.

(Я. Гашек, «Похождения Швейка»)

Пора было сделать перерыв. Я поднялся и медленно прошел по комнате. Подошел к бару, взял высокий стакан, поставил на стойку и плеснул на дно виски из большой красивой бутылки. Долил содовой, бросил пару кусочков льда. Отхлебнул, прислушался к ощущениям. Самогон самогоном, сколько бы звездочек на нем ни рисовали. Со стаканом в руке я вернулся к столу.

Некоторое время сидел и размышлял. По рассказам Сергея я представлял себе состав компании несколько иным. Похоже, что Вадим был там чужаком. Как же он у них оказался? Да еще поставил себя так, что Виктор обратился к нему с просьбой о помощи?

– Кстати, – сказал я вслух, – в разговоре у КГБшника промелькнуло что-то насчет связи Вадима с женой

Арика. У них что, роман? И ответь мне, пожалуйста, как Вадим вообще оказался в их компании? Похоже, что он там – человек случайный.

– Вы правы, Александр Леонидович, – тут же произнес голос. – Позвольте вам рассказать подробнее.

Компьютер, действительно, рассказал мне все очень подробно, с присущей ему обстоятельностью сделав целый исторический обзор. Про жену Арика – Раечку, – я знал из рассказов Сергея совсем немного. А, между тем, чтобы разобраться в происходящем, пришлось основательно покопаться в ее истории. Картина получилась очень интересная.

Отец Раечки, Владимир Артыбекович Матюхин, работал слесарем на заводе. Зарабатывал не то чтобы очень много, но семье хватало. Понемногу воровал, как и все остальные на заводе. И даже не подозревал, что ворует: он искренне бы обиделся, если б ему сказали об этом. Он просто, как и все, выносил с завода то банку краски или бутылку с растворителем, то электрический выключатель или трансформатор, то еще что-нибудь необходимое для дома. Разве можно осуждать человека, которому понадобился, скажем, моток проволоки, и он взял его на работе?..

Это не считалось воровством. Ведь крали не у соседа, не у конкретного человека. Да и не крали вообще, а попросту выносили. Надо же понимать разницу!

К тому же, уважающие себя рабочие никогда не продавали то, что вынесли с завода. Вот получить за вынесенный в кармане дефицитный набор сверл бутылку водки – это пожалуйста. Или пару бутылок местного «бронбойного» вина, разлитого в большие, темного стекла бутылки, в какие во время войны наливали зажигательную смесь. Вино, кстати, имело столь же убойное действие. Бутылка – не плата, бутылка – это уважение.

Мама у Раечки была, что называется, интеллигенткой в первом поколении. Особыми музыкальными данными бог ее не наградил, но все же в молодости она сумела поступить в центральное музыкальное училище. Окончив его, Поленька получила направление в районную музыкальную школу. Ни музыку, ни преподавание она не любила, зато очень ценила само место работы за ее преимущества, как то – короткий рабочий день, один ученик вместо целого класса, как в обычной школе, и другие мелкие, но ощутимые для женщины удобства.

На второй год работы в школе ее выбрали проф-оргом, и с тех пор она бесменно оставалась на этой должности. Директриса школы ценила Поленьку, которая к тому времени уже превратилась в Полину Степановну. Зная о невысоких профессиональных данных Полины, директриса никогда не требовала от

нее выдающихся показателей. Вопросы детского музыкального творчества в школе решались и без нее, а вот сделать так, чтобы зимой всегда были теплые батареи и не дуло в окна, а на праздники все сотрудники получили хороший паек, могла только Полина Степановна.

Внешне Раечкины родители составляли необычную пару. Владимир Артыбекович был невысокий черноволосый и черноглазый мужчина, со смуглой кожей, чуть раскосыми глазами, широкими скулами и выдающимся вперед подбородком. В графе «национальность» в его паспорте стояло «русский». Это было правдой, но лишь отчасти. Русский предок Владимира Артыбековича приехал в Среднюю Азию еще в начале девятнадцатого века и осел в одном из городов под вывеской «Продажа и ремонт скобяных товаров, купец Матюхин из Санкт-Петербурга». Он женился на местной девушке, и с тех пор в его потомках смешалась кровь полудюжины разных национальностей.

Восточные гены, как более сильные, в таких смесях обычно побеждают. Вот и Владимир Артыбекович непосвященному наблюдателю мог показаться типичным представителем коренной национальности. Но местные жители прекрасно ориентировались в подобных вывертах природы: для них Владимир Артыбекович был почти чистокровным русским. Он и фамилию

сохранил от предка, бросившего неизвестно уж по какой причине обжитые места в России, и отправившегося устраивать свою жизнь в отдаленную имперскую колонию.

Полина Степановна представляла полную противоположность своему мужу. Она была одного с ним роста, но шире и крупнее, что с возрастом становилось особенно заметно. Полина Степановна была натуральная блондинка с синими глазами, и очень светлой, никогда не загоравшей кожей.

В результате их брака родилась Раечка. Даже если бы ей предложили выбирать из имеющегося в наличии набора генов, она вряд ли выбрала бы более удачное сочетание. От восточных красавиц Раечка унаследовала хрупкую тоненькую фигурку и шелковистую кожу, как бы тронутую легким загаром. К этому добавлялись русые волосы и странные коричнево-зеленые глаза, менявшие цвет в зависимости от освещения, времени дня, а то и просто от настроения их обладательницы. Такое сочетание производило сильное впечатление. Было бы преувеличением назвать Раечку красавицей, но то, что она была привлекательна и эффектна, не отрицал никто.

Кроме внешности, от мамы Раечка унаследовала и музыкальные способности. Убедившись в наличии музыкальных данных у дочери, Полина Степановна

успокоилась и больше не переживала за будущее своей дочери. Зная по собственному опыту преимущества этой профессии, она провела дочку по всем этапам подготовки и, в конце концов, Раечка поступила в музыкальное училище. Раечка училась, особенно не напрягаясь и не поражая своим талантом преподавателей. Ненависть к преподаванию музыки, как и к самой музыке, вероятно, также передалась Раечке по наследству. Раечка рассматривала музыкальное искусство только как неприятную необходимость, которая в будущем могла обеспечить ей непыльную работу и приличное существование. В сознании Раечки между музыкальным училищем и строительным техникумом существенной разницы не было. Она училась в ремесленном училище, чтобы приобрести себе профессию, которая потом даст ей возможность не тяжелой работы с кучей всевозможных выгод.

Кроме обучения элитной профессии, музыкальное училище было для большинства учащихся еще и школой жизни. Воспитанницы училища активно постигали жизнь – в основном, ее сексуальный аспект. По уровню нравственности средняя ученица музучилища приближалась к мартовской кошке. Непосредственно музыкальным занятиям ученицы, составляющие абсолютное большинство, отводили не особенно много времени. Большую часть их жизни занима-

ло времяпрепровождение, которое сегодня называется тусовкой, а тогда, по-моему, вообще никак не называлось. Все и так понимали, о чем идет речь.

Нет, у этих вечеринок, конечно, было название. Назывались они, почему-то, конторами. Использовалось это слово всегда с предлогом «на», – видимо, для того, чтобы указать на разницу с обычной конторой, в которой сидят служащие. Говорили примерно так: «Ты пойдешь с нами на контору?». Или: «Я познакомился с ней у Витьки на конторе». К чести Раечки следует отметить, что до самого своего замужества она сумела сохранить девственность. Бывая на многих конторах, она умудрялась обходиться только поцелуйчиками и целомудренным тисканьем, ни разу не позволив кавалеру большего. Что это было – результат строгого воспитания, тонкий расчет для того, чтобы удачно выйти замуж, или просто она поздно созрела как женщина? Трудно сказать. Но фактом остается то, что она стала женщиной только во время первой брачной ночи, к великой гордости Арика.

Поженившись, Раечка и Арик стали жить отдельно от родителей в большом доме, доставшемся Арику по наследству от деда. Первые годы замужней жизни Раечка была счастлива. Впервые у нее появился свой дом. Она хлопотливо обустроивала его, даже заставила мужа сделать непосильный в материальном

плане ремонт, после которого целый год они расплачивались с долгами. Зато дом вышел замечательный. В таком не стыдно было принимать гостей. А гости в доме у Арика были частым, даже постоянным явлением.

Компания у Арика сформировалась еще задолго до женитьбы. Его друзья приняли Раечку если и не отчужденно, то, по меньшей мере, настороженно. Ее не считали равной Арику. Вслух никто этого не говорил, — в конце концов, это была его личная жизнь, которую он строил по собственному разумению. Однако все соглашались с тем, что Арик мог бы найти себе более подходящую подругу жизни.

Первое время Раечка относилась к гостям настороженно: она смущалась, чувствовала, что ни по своему образованию, ни по общему уровню развития никак не дотягивает до них. Она комплексовала в кругу начитанных эрудитов, которые составляли основной круг знакомых ее мужа. Раечка старалась не принимать участия в их разговорах, а больше хлопотала на кухне, готовя немудреное угощение, и следила, чтобы всем хватило закусок, и для всех нашлось место. В общем, играла роль хозяйки, не слишком сведущей в делах своего мужа, но уважительно относящейся к его гостям. Она чувствовала к себе настороженное внимание и старалась стать как можно менее заметной.

Со временем положение Раечки укрепились. Она стала чувствовать себя увереннее, иногда даже посмеиваясь над гостями. Приглядевшись, она заметила, что большинство из них при всей внешней значимости и начитанности, почти не ориентируются в реальной жизни. Они могли часами рассуждать о последних тенденциях в музыке или литературе, а между тем на работе их обходили при повышениях, не давали отпусков в удобное время, лишали премии. Никто из них, даже по настоящему талантливый, не мог похвастаться каким-нибудь реальным достижением в области карьеры. В основном все они занимали не престижные должности, без всякой перспективы дальнейшего роста. Все громкие слова, произносимые вечером в гостях у Арика, так и оставались словами. На следующий день гости-интеллектуалы превращались в неприметных служащих, бессмысленно проводивших рабочие дни за однообразной рутинной работой, без надежды на улучшение собственного положения. В большинстве они жили откровенно бедно, периодически перехватывая друг у друга десятку до зарплаты.

После рождения ребенка мироощущение Раечки резко изменилось. Она решила, что время беспечной веселой молодости безвозвратно уходит, и с этим надо срочно что-то делать. Раньше ей казалось, что

все происходящее – лишь прелюдия к другой, более полной и красивой жизни. Но вышло наоборот. Еще немного, и она превратится в обрюзгшую сердитую женщину, обремененную семьей и бесконечными домашними заботами. Эта обычная жизнь пугала Раечку. Меньше всего ей хотелось погружаться в трясины быта, и становиться обычной женой и матерью. Раечка считала, что достойна большего: чего-то яркого и фееричного. Она с ужасом увидела, что драгоценное время потеряно, и сломя голову бросилась наперсты-вать упущенное.

К этому времени она давно перестала чувствовать себя ущербной в компании гостей. Продолжая играть роль безгласной жены хозяина интеллектуала, она научилась управлять мужем и отдельными гостями. Прагматичная Раечка стала сортировать гостей, отдавая предпочтение тем из них, которые могли пригодиться в плане связей и другой помощи. При Раечке состав гостей стал неуловимо меняться. Костяк компании, конечно же, сохранился. По-прежнему там звучали новые стихи и песни, гремели споры об искусстве и политике. Но стали появляться и другие люди, которые уже не были откровенными бессребрениками, как прежние гости. Их Раечка выискивала самостоятельно, и прикладывала все усилия, чтобы они стали постоянными членами компании. С ними ей бы-

ло легче, их она понимала полностью и без труда. У них находились свои, более приземленные и конкретные темы для общения. Это были люди, реально смотревшие на жизнь, у них была соответствующая материальная платформа. Многие имели доступ к распределению всевозможных жизненных благ или обладали ценными связями. Это были, как тогда говорили, «полезные знакомства».

Одним из таких гостей стал сотрудник центрального республиканского издательства Вадим Тарпищев. Несмотря на молодой возраст, он уже был членом Союза Писателей республики. В отличие от большинства непризнанных гениев, собиравшихся у Арика, Вадима публиковали. У него вышла тоненькая книжка с какой-то производственной повестью, и говорили, что в плане издательства стоял его первый большой роман. Вадим появился в компании случайно, уже при Раечке. Он заскочил туда с кем-то из общих знакомых и, в принципе, не собирался долго засиживаться. Раечка своим острым чутьем мгновенно оценила ситуацию, и тут же приняла меры к тому, чтобы Вадим пришел еще раз. Вадим пришел снова, потом еще, и стал, наконец, завсегдатаем посиделок.

У Вадима была черта, выгодно отличавшая его от прежних гостей. Он никогда не приходил с пустыми руками. Нет, остальные тоже приносили, что могли, но в

этом и заключалась разница. Вадим мог значительно больше. Он приносил Раечке пригласительные билеты на творческие вечера в Союзе Писателей и на закрытые просмотры в Доме Кино. Он доставал дефицитные книги, которых не было в широкой продаже, устраивал подписку на модные журналы. В крайнем случае, он просто приносил что-нибудь вкусненькое, – такое, чего не было ни в магазинах, ни даже на рынке.

Кроме того, Вадим был красив. Красив той сладковато-приторной красотой, моду на которую положили создатели южноамериканских сериалов. Для Раечки этот тип мужчин был неотразим. После первой же встречи с Вадимом она была обречена. Довольно быстро их дружба превратилось в нечто большее. Раечка стала появляться с Вадимом на всех элитных концертах и закрытых вечерах. Она не пропускала ни одного престижного события культурной жизни города, благо – Вадим имел доступ в самые высокие, элитарные круги сообщества профессиональных деятелей культуры. От гостей Арика эти люди отличались тем, что для них искусство было работой и средством для карьерного роста. Здесь не рассуждали о художественных достоинствах новых романов, а деловито подсчитывали, какой гонорар получили их авторы. Здесь спокойно рассуждали о том, какую тему примет художественный совет, а чего следует остерегаться;

как надо дать взятку, чтобы организовать персональную выставку. Уточняли к кому лучше обращаться в секретариате по личным вопросам, кто и чем именно может посодействовать, делились опытом выбивания путевок и машин в месткоме. И, разумеется, сплетничали без зазрения совести. В этой среде Раечка чувствовала себя значительно увереннее.

Ее роман с Вадимом развивался стремительно, вовлекая в него всех окружающих. Теперь Раечка выделяла на домашние дела лишь самое минимально необходимое время, освободив все оставшееся для встреч с Вадимом. Эта связь полностью устраивала и Вадима. Ему нравилось, что Раечка смотрела на него снизу вверх, как на высшее существо, выходца из другого, более совершенного мира. Ему было приятно появляться на людях с эффектной молодой женщиной, откровенно в него влюбленной. Особенно Вадим ценил, что Раечка, будучи замужем, никогда не пыталась связать его никакими обязательствами.

О деталях их постельных отношений мой компьютер целомудренно умолчал, хотя и так было ясно, что дорвавшаяся до свободы Раечка и блудливый по натуре Вадим предавались своему греху с превеликим энтузиазмом. У Вадима была отдельная квартира, и Раечка регулярно там бывала. У себя дома она никогда ничего не позволяла Вадиму. Но все друзья и зна-

комые, конечно же, не сомневались в их отношениях. Исключение, как обычно бывает в таких случаях, составил только сам Арик.

– Остановись, – попросил я.

Наконец-то компьютер добрался до сути дела. Надо будет на будущее иметь в виду его склонность к глубоким и подробным историческим экскурсам, и по возможности укорачивать их. Ну, а пока мне требовалось кое-что уточнить. Я решил задавать более конкретные вопросы, дабы не утонуть в очередной лавине информации.

– Итак, у Раечки был роман с Вадимом. Все об этом знали, кроме мужа, разумеется. И никто ничего не предпринимал. Почему?

– Александр Леонидович, миленький, – взмолился компьютер, – ну, что же тут можно сделать? Молодая девчонка дорвалась до шикарной жизни: красивый любовник, элитное общество, шмотки, презентации. Тут у любой голова кругом пойдет!..

– Ты не философствуй, – оборвал я своего собеседника. – Меня интересует реакция ее друзей. У нее вообще подруги есть?

– Вы сами спросили «почему?», – обиженно ответил компьютер тоном шестиклассника, которого застали за списыванием контрольной, – вот я и стал объяснять. А подруги у нее, конечно, есть. Вот, напри-

мер, Татьяна, жена Сергея. Они очень близко дружат.

– Отлично. Сделай мне подборку их разговоров на эту тему. И без исторических подробностей!

– Слушаю и повинуюсь.

Вот так уже лучше. Получив конкретное указание, компьютер перестал болтать и просто выполнил мое распоряжение. Танюша, жена Сергея, часто приходила к Раечке днем, когда мужчины были на работе, а дети в садике. Для двух женщин это было самое удобное время для разговоров. Компьютер, естественно, изъявил готовность показать мне их все целиком. Я не собирался слушать бесконечный женский треп, и велел ему продемонстрировать лишь фрагмент, где подружки обсуждали роман Раечки с Вадимом.

На экране тут же появилось изображение. Я увидел спальню в доме Арика. Завернутая в большое махровое полотенце Раечка сидела перед зеркалом, и импортным феном укладывала волосы после душа. Перед ней лежал открытый косметический набор в большой пластиковой коробке, выкрашенной под перламутр. Видно было, что Раечка собирается куда-то, где, по ее собственному выражению, она «должна выглядеть».

Танюша сидела рядом на кровати. Она и начала разговор:

– Райка, что ты делаешь?

– А что я делаю? – вскинулась Раечка, хотя прекрасно понимала, о чем идет речь.

– Крутишь у всех на виду с Вадимом, вот что ты делаешь. Ведь опять к нему собираешься? Не считай нас всех идиотами. Это только твой муж может ни о чем не догадываться.

– Что ты от меня хочешь? Я сижу как пленница в четырех стенах. Дом, ребенок, пеленки и обеды – вот все, что у меня осталось. Могу я себе хоть что-то позволить в этой жизни?..

– Хорошенькое «что-то»: изменять мужу у всех на виду.

– Вот-вот! Значит, если бы я изменяла ему втихомолку, ты бы приняла это как должное и промолчала? Вот она, твоя хваленая супружеская верность. Ты просто боишься Серегу, вот и все.

– Не обижай меня, я не давала тебе таких поводов. Будь твоим мужем Сергей, а не Арик, он бы давно поставил тебя на место.

– Вот я и говорю: ты просто боишься его кулаков. А мне решила читать мораль.

– Я не читаю тебе мораль. Серегу я люблю, и мне никто другой не нужен.

– И я люблю Арика. Ты ничего не понимаешь. Я очень люблю Арика, он замечательный муж, чудесный отец. Ты не представляешь, какие мы с ним род-

ные. Я думаю, что если однажды все ему расскажу, то он меня поймет и не обидится. Просто Вадим, как бы тебе объяснить, это совсем другое. Я с ним живу настоящей жизнью. Это совсем иной мир. Там все по-другому, правильнее, что ли. Он показал и объяснил мне некоторые вещи, о которых я никогда не задумывалась. К примеру, театры. Он водит меня на премьеры, и теперь я просто не могу ходить на обычные спектакли. После премьеры спектакль уже не тот. Смотреть нужно исключительно премьеры. Там совершенно особая атмосфера, это и есть настоящий театр. А все последующие представления – это просто работа. Смотреть их так же неинтересно, как наблюдать за работой токаря у станка. И так во всем. Я не знала, что такое настоящая жизнь. Понимаешь, он открыл для меня целый новый мир, и я теперь стала частью этого мира.

– Это где ты нахваталась подобного? Чем тебе не нравятся друзья Арика? У любого из них мозгов в десять раз больше, чем у Вадима.

– Мозгов у них, говоришь, больше? Да они все просто неудачники. Трепачи и неудачники. И собираются вместе только потому, что им больше некуда деться. Сидят и строят из себя интеллектуальную богему, а самим, извини за прямоту, жопу прикрыть нечем! Ладно – мужики, они неряхи по натуре. А ты посмотри на

женщин! Носят какое-то старье, по сто раз приходят к нам в одном и том же платье. Ты на себя взгляни. Что твой муж для тебя сделал? Купил два года назад джинсы на толкучке, и ты в них до сих пор ходишь. И будешь ходить, пока они не порвутся. А потом поставишь незаметную заплатку и продолжишь в них ходить, пока они не развалятся от старости.

– Это нечестно. Ты знаешь, в каком состоянии Сережка. Я бьюсь из последних сил, чтобы вытащить его из депрессии!..

– Ну и сиди с ним. Скоро будешь его кормить с ложки и подкладывать под него судно. Мужчина должен быть сильным и пробивным. Как Вадим. Он, между прочим, в жизни всего добился самостоятельно. И многого еще добьется.

– А как же Арик?

– Ты не понимаешь. Арика я очень люблю. И никогда его не брошу. Но это совсем другое...

Я остановил воспроизведение и перемотал дальше. Все последующие фрагменты, подготовленные для меня компьютером, не особенно отличались друг от друга. Подруги часто поднимали эту тему. Таня считала, что Раечка должна немедленно прекратить эту связь, а Раечка повторяла, что очень любит Арика, но с Вадимом у нее совершенно другое. Как и следовало ожидать, никаких последствий разговоры не имели.

Подруги оставались каждая при своем мнении. Все шло по-прежнему...

Глава 16

– Вы что же, хотите сказать, что эта наша жизнь – ненастоящая, нереальная?

– Разумеется. Это дикая мешанина из снов, кошмаров, пустых фантазий и мимолетных обольщений.

(Д. Пристли, «31 июня»)

Я посмотрел в окно. Солнце уже поднялось в зенит, близилось время обеда. Я не хотел прерываться, расследование увлекло меня по-настоящему. Я проголодался, но терять время, чтобы спуститься на первый этаж в столовую, я не хотел. Я подошел к холодильнику и сделал пару сэндвичей. Мое подсознание прекрасно знало, с кем имеет дело. Начав работать над задачей, я обычно уже не могу остановиться, пока ее не решу. Поэтому оно и поставило мне в кабинет холодильник с припасами, понимая, что иначе я могу довести себя до голодного обморока. Правда, позавтракал я так плотно, что по-хорошему мне было бы совсем невредно попоститься до вечера.

С бутербродом в руке я развалился на диване.

– Как ты думаешь, может мне стоит отправиться туда самому и изменить ход событий?

Компьютер не ответил. Я продолжал рассуждать:

– Евлампий уже приложил свою руку к ситуации. Этой книги там не существует. КГБ ничего не знает. Но если я просто верну Сергея обратно, то депрессия его доконает. А лечение у него одно – написать эту чертову книгу. Что же будем делать?

Я сделал паузу и прислушался. Компьютер по-прежнему отмалчивался. Не хочет отвечать, пока я не задам конкретный вопрос или не дам распоряжение. Что ж, логично, я же фактически спрашиваю у самого себя. Пока я лично не приму решение, спрашивать его бесполезно. Хорошо, буду решать. Итак, по порядку. Первое – Сергея необходимо вернуть в его время. Уж не знаю, каким образом черти забрали его сюда, но его надо вернуть обратно. Здесь он не жилец, во всех смыслах.

А действительно, задумался я. Как они обставили его исчезновение? Просто пропал мужик и – все? А жена бегает по больницам, обзванивает морги, пишет заявление в милицию? Я нарисовал себе в воображении следующую картину: ребенок плачет, спрашивает, где папа, жена бьется в истерике, друзья мечутся по городу в полном отчаянии. Человек пропал, как будто его и не было. Все получилось настолько мелодраматично, что не могло быть правдой.

Так, хорошо. Вот и появился конкретный вопрос к моему всезнайке. Теперь не отвертится. Я снова об-

ратился к компьютеру:

– Эй, если ты такой умный, объясни мне, что произошло в мире после исчезновения Сергея?

– Ничего, – коротко ответил компьютер и замолчал. Похоже, он на меня обиделся.

– Что значит «ничего»? Отвечай конкретно.

– Я дал самый конкретный ответ. Вы же просили не вдаваться в подробности. А короткий ответ именно такой – ничего не произошло.

– Ты можешь мне толком объяснить или нет?

– Могу, – ответил компьютер и снова замолчал.

Теперь я полностью убедился, что компьютер обиделся. Видимо, его общительная натура не могла смириться с приказом не болтать. Пришлось сменить тактику:

– Ладно, не обижайся. Объясни, как умеешь.

Я набрался терпения. Похоже, мне сейчас придется выслушать лекцию о темпоральных связях, вероятностных мирах и прочей дребедени, которой меня в изобилии снабдили любимые фантастические романы. К счастью, компьютеру оказалось достаточно самого признания его права выражаться, как хочется. Он объяснил все деловито и сжато:

– Все значительно проще, чем вы думаете. Сергей по-прежнему живет у себя в СССР, как будто ничего не случилось. Выдернуть человека из реального мира,

будто его там никогда не было, невозможно.

– А книга?

– Евлампий не обманул, и в реальном мире ее больше не существует. Там все идет по-старому: Сергей мучается от депрессии, у Арика собираются гости, Раечка крутит свой роман с Вадимом. Правда, Вадиму ничего от КГБ не обломилось, опять же из-за Евлампия. Раз нет книги, то ему не о чем стучать. Так что, если в ближайшее время Вадим не найдет новый объект для своей деятельности, то его ждут серьезные неприятности, вплоть до увольнения.

– Вот уж чья карьера меня меньше всего беспокоит! Не отвлекайся! – Болтливость моего помощника раздражала. – Ты говоришь, что Сергей по-прежнему находится там, в СССР. А кто же, по-твоему, находится здесь, в общеаге? С кем я пил водку по вечерам всю неделю? С его духом? С бестелесным призраком?

Я вдруг решил на всякий случай взглянуть на Сергея. Вдруг его действительно больше нет?

– Кстати, а где он сейчас, чем занимается? – поинтересовался я.

Экран засветился, и я увидел Сергея с Мариной. Они очень мило развлекались в постели у себя в комнате. Я громко приказал немедленно прекратить это безобразие. Экран тут же погас. Мне показалось, что из-под потолка донеслось приглушенное хихиканье.

Компьютер оказался совершенно невыносимым типом.

Я возмутился:

– Мог бы и предупредить, прежде чем показывать.

– А вы меня спросили, чем занимаются ваши голубки? Велели показать, я и показал.

– Хорошо, вернемся к нашему к разговору. По крайней мере, мы увидели очень показательную сцену. На духов и призраков эта парочка никак не тянет.

– Конечно, они не духи. Они так же реальны, как и мы с вами.

– Ну, и как ты это объяснишь? Сергей там, и в то же время он – здесь. Растолкуй мне, пока я не чокнулся.

– Не берите в голову. Тот, кого вы видите здесь – это Сергей, убежавший от своих проблем в Ад при обстоятельствах, хорошо вам известных. А в реальности остался Сергей, который ничего и не подозревает об этих событиях.

– Э-э... погоди, давай еще раз, не торопись. Получается, что вместо одного Сергея стало два. Как такое может быть?

– Простите меня за грубость, Александр Леонидович, но вы задали глупый вопрос. Вы целую неделю живете в потустороннем мире, работаете в Аду. Вы создали для себя целый персональный мир. В конце концов, вы создали меня, разговариваете со мной,

и принимаете мои услуги, а между тем даже толком не представляете себе, что я такое, или может быть, кто я такой. – Из-под потолка послышался вздох. – И все это вас ни капельки не удивляет и не беспокоит. А вот то, что испуганная личность в момент стресса сумела скрыться от реальности в потустороннем мире, вас удивило настолько, что вы задаете неуместные вопросы...

Я сидел, раскрыв рот, и только молча слушал. Компьютер между тем продолжал:

– Послушайте моего совета, Александр Леонидович, и примите этих двух Сергеев, как должное. Так, как вы приняли все остальное, весь окружающий вас мир.

Мне не оставалось ничего другого, как согласиться с доводами компьютера.

– Хорошо, уговорил. Давай примем это как факт, и будем действовать дальше. Итак, у нас есть два Сергея. Один из них живет в реальном мире, другой прячется в Аду. У обоих – одна и та же проблема. Так кого спасать: того или этого?

– Пользуясь вашей терминологией, того. То есть, Сергея, который живет в СССР и даже не подозревает о событиях, развернувшихся вокруг него; который не пишет мемуары; который не встречался ни с КГБшником, ни с чертом. Разобравшись с ним, вы устройте и

жизнь другого. Как только исчезнет причина, по которой он оказался здесь, как только реальный Сергей выпутается из ловушки, в которую его загнали обстоятельства, все встанет на свои места.

Я машинально дожевал бутерброд, затем взял стакан и допил оставшийся там виски. Меня передернуло, и я огляделся вокруг в поисках сигарет. Закурив, почувствовал себя легче. Расследование было завершено. Я полностью уяснил всю проблему. Теперь осталось найти приемлемый вариант ее решения.

Я должен вмешаться в реальность и изменить ее. Изменить так, чтобы, с одной стороны, Сергей излечился от своей болезни, а с другой – чтобы в будущем не возникла та самая ситуация, в которой Сергей поставил под угрозу благополучие и саму жизнь своих друзей и принял решение убежать от реальности в потусторонний мир. Я докурил, собираясь с мыслями, и снова обратился к компьютеру:

– Я все решил. Ты должен отправить меня к Сергею в СССР. Я захвачу с собой его книжку и там передам ему. Вкратце расскажу то, что говорил ему Виктор. Объясню ситуацию, проконсультирую как вести себя дальше, предупрежу о стукаче. И все будет в порядке. Он продолжит писать и вылечится от депрессии. Но никому о книге говорить не будет, и никого под

удар КГБ не подставит. Все встанет на свои места, все будет хорошо, у нас все получится.

От возбуждения я вскочил с дивана и стал ходить по комнате.

– Когда ты сможешь меня к нему отправить?

Впервые за все время компьютер медлил с ответом. Из-под потолка раздавалось невнятное задумчивое мычание.

– Ну, давай, собирайся с силами! А я пока займусь сборами. Мне ведь надо будет кое-что собрать в дорогу. Прежде всего, конечно, нужна сама книга. Ну, это как раз просто, сделаешь копию, это нам по силам. Кроме того, мне понадобится полный шпионский набор.

Я загорелся азартом. Мне предстояло интереснейшее путешествие в прошлое. Надо продумать, что захватить с собой. Во-первых, паспорт. Мне нужен советский паспорт того времени, это – первое, чем обзаводятся шпионы и, в общем-то, самая необходимая вещь в то время. Кроме этого, мне понадобятся деньги, печально знаменитые советские рубли. Что еще? Ну, одеться, как было принято в то время. И, конечно, координаты самого Сергея. Этого вполне достаточно. Если все пройдет гладко, то я встречу с ним у него же дома, передам посылку, поговорю по душам и вернусь домой. Пожалуй, успею обернуться к ужину.

– Александр Леонидович, вы только на меня не сердитесь, пожалуйста, – раздался сверху просительный голос компьютера. Куда делась его уверенность в себе и менторский тон, которым он поучал меня десять минут назад?..

– Не буду, милый, не буду. А что стряслось-то?

– Так ведь не могу я вас туда отправить, вот в чем дело!

Это была та еще новость. Я настолько разбаловался здесь, настолько привык к тому, что мои желания мгновенно исполняются, что сразу даже не поверил.

– Что значит нельзя? С каких пор у меня появились ограничения? Я в состоянии совершить любое мыслимое колдовство. Ты даже не представляешь, какой я теперь крутой маг!

– Конечно, конечно. Круче не бывает, разве что вареные яйца...

– Не хаами!

– Нет, правда, никто в ваших способностях не сомневается. Но действуют они только здесь. А в реальном мире, в том, куда вы собрались отправиться, ваши способности никуда не годятся.

– Постой, постой. – Я припомнил рассказы Марины и Сергея. – Ведь черт Евлампий сумел там побывать! И прошлое изменил, и Сергея сюда доставил.

– В том то и дело, что разговаривал он уже с нашим

Сергеем. Вот ведь в чем вся беда. Черт появился не сам по себе. Фактически его вызвал сам Сергей, когда уже решил убежать из реальности. Все остальное был только антураж, дань традициям...

– А как же измененное прошлое? – спросил я.

– Вот с этим ситуация полегче. Кое-какие методы воздействия на прошлое у нас все же имеются. Например, книгу переслать туда мы сможем.

– Вот и отлично. Давай пошлем книгу посылкой на адрес Сергея. Приложим к ней письмо: так, мол, и так, вот твоя книга, пиши дружок дальше и выздоравливай. Только остерегайся стукачей.

– Александр Леонидович, – укоризненно произнес компьютер. – Вы сами-то верите в то, что посылка поможет? В лучшем случае он посчитает это дурацкой шуткой. А, скорее всего, учитывая его неустойчивую психику, он окончательно свихнется, когда увидит тетрадку с его собственными воспоминаниями, которые сам никогда не писал.

У-упс! А ведь компьютер снова прав!..

– Просто послать книгу недостаточно, – размышлял я вслух. – Сам я отправиться к нему и все растолковать тоже не могу. Что же делать?

К этому времени компьютер уже нашел решение, поэтому ответил без промедления:

– Медиум. Я подберу вам медиума.

– Что это значит? Объясни подробнее.

– Надо найти человека с близким вам ментальным строением мозга. Вы сможете присутствовать в том мире, находясь в сознании этого человека. Если вы с ним поладите, то сможете незаметно подсказывать ему, что надо делать. А, возможно, и просто командовать его действиями. Это уж зависит от того, насколько хорошо вы устроитесь в его разуме.

– Я тебя понял. Срочно найди мне такого медиума. Я хочу закончить эту бодягу как можно быстрее. Тем более, что, похоже, мне придется здорово повозиться в той реальности.

Вопрос о том, где же искать подобного медиума не поднимался. Конечно же, следует искать в Арикиной компании. Это именно тот круг, в котором легче всего найти подходящую личность. Я же сам из таких! А, вселившись в медиума, я в том же доме встречу Сергея и спокойно с ним поговорю в уголке. Пожалуй, я приближаюсь к решению. Я обратился к компьютеру:

– Исследуй эту компанию и подыщи подходящего медиума. А мне пока покажи какую-нибудь типичную посиделку у Арика. Я хочу посмотреть на эту команду. Нам надо, прежде всего, понять, как они живут, чем дышат и о чем говорят.

– Слушаю и повинуюсь.

Я уже понял, как надо обращаться с компьютером.

Чем более четко я формулировал вопрос или приказ, тем лучше был результат. Моя колдовская сила продолжала усиливаться. Теперь мне уже не нужен был экран, чтобы видеть то, что я просил показать. Компьютер просто перенес меня в дом Арика и Раечки на одну из посиделок.

Я бродил по дому, словно бестелесный невидимка, наблюдал и слушал. Компания и в самом деле там подобралась чрезвычайно интересная. Скоро я уже знал присутствующих так, будто дружил с ними всю жизнь.

Потерянное поколение восьмидесятых. Последнее поколение людей, выросших в СССР, воспитанных в советских школах. Поколение, выросшее в атмосфере беззастенчивой лжи, откровенного карьеризма, культа дефицитных шмоток, всеобщего пьянства и безразличия...

Гости Арика не вписывались в существующую тогда систему ценностей и человеческих отношений. Они не сделали карьеры в общепринятом понимании, не добились особых материальных благ, столь ценимых в то время. Они и не стремились к этому.

Не найдя себе достойного применения в окружающей жизни, эти люди направили бурлящую в них энергию на отвлеченные сферы. Их книги никогда не стояли на полках, а циркулировали с рук на руки, пока бук-

важно не зачитывались до дыр. Они выстаивали очереди перед театрами и концертными залами, покупали входные билеты без места, и смотрели спектакли, сидя на ступеньках, или стоя, прислонившись к стене. Играли в интеллектуальные игры, без малейшего материального стимула. Писали стихи и романы, заранее зная, что никакое издательство их не опубликует; сочиняли музыку, которую никогда не исполнит ни один государственный оркестр; рисовали картины, которые не выставят ни на одной официальной выставке.

Они сумели сохранить в душе то, что для них было главным – способность независимо мыслить и заниматься творчеством. Эти люди отстаивали свое право на полноценную интеллектуальную жизнь. И были счастливы этим.

Я скомандовал компьютеру остановить показ и огляделся по сторонам. По меркам того мира я провел в нем не менее часа, но здесь, похоже, не прошло и пары секунд. Солнце в окне не переместилось, и по-прежнему освещало картину, висевшую на противоположной стене. Начатая сигарета дымилась в пепельнице, несколько не уменьшившись. Я взял ее и глубоко затянулся. Разведка прошла успешно. Я могу спокойно отправиться туда и некоторое время побыть среди них, не обнаружив собственного при-

сутствия. Большинство гостей по своему менталитету мне близки. Кого-то из присутствующих обязательно можно будет использовать в качестве медиума.

– Ну, ты нашел мне кого-нибудь подходящего? Я хочу немедленно отправиться к Арику и покончить со всем этим.

– Видите ли, Александр Леонидович... – компьютер опять начал мямлить. Нехороший признак. – Я нашел для вас медиума. Он, правда, не совсем из этой компании, но на днях в ней появится. Вы сможете не просто подталкивать его к определенным действиям, но и полностью захватить на время контроль над телом, не причинив ни ему, ни себе никакого вреда.

– Я надеялся, что будет проще и быстрее. Просто вселюсь на полчаса в кого-то из тех, кого ты мне показал, поболтаю с Сергеем и отправлюсь домой.

– Ага, вылечите Сергея и сведете с ума беднягу, в которого вселитесь.

– Хорошо, кто же этот медиум?

– Молодой человек по фамилии Каценович. Очень интересный тип, близок к вам по складу психики. Живет в соседнем городке, преподает математику в техникуме. Кроме того, Каценович – прекрасный музыкант, играет на гитаре, пишет песни. Я предлагаю вам пожить в его сознании хотя бы один день, прежде чем отправиться к Сергею.

– Целый день в чужом сознании? Да я от тоски сдохну! Смотреть, как он утром трясется в автобусе, потом читает лекцию, возвращается домой, ест невкусный обед, смотрит телевизор, и перед сном пять минут занимается с женой сексом?! Брр, не хочу!..

– Обещаю, что скучать вам не придется. Вы бывали в восьмидесятые годы на фестивалях авторской песни?

– Особенно я этим никогда не интересовался. Так, съездил пару раз, вроде как на пикник.

– Хотите побывать еще раз?

– Спать в палатке, есть просроченные консервы и справлять нужду в кустах? – уточнил я.

– Кроме материальных благ существуют еще и духовные, – назидательно произнес компьютер. – Вам представится интереснейшая возможность взглянуть на такой фестиваль изнутри, с точки зрения непосредственного участника.

– Ладно, уговорил. – Мне и в самом деле стало интересно. – Поехали на фестиваль!

Глава 17

На фестивале

В промежутках между анекдотами он во все горло распевал песни математического содержания.

(А. и Б. Стругацкие, «Отель «У погибшего альпиниста».)

Пахло мятой. Вообще-то в воздухе было куда больше запахов, цвело все, что только может расти и цвести в этих горах, но Каценович выделял именно мяту. Ее аромат первым проникал в автобус, когда тот начинал карабкаться по узкому ущелью, ведущему из города сюда, на уступы горного плато. Запах мяты наполнял автобус, и Каценович чувствовал, как отпускает его постоянное нервное напряжение – несильное, но уже становящееся привычным. Запах проникал в автобус всегда в одном и том же месте дороги: за поворотом после третьего моста. Каценович всегда ждал этого поворота с замиранием сердца: а вдруг в этот раз что-то сломается, и запаха не будет? Но ничего не ломалось, запах по-хозяйски заполнял автобус, и Каценович говорил себе: «Ну вот я и в горах, вот и начался мой праздник...».

Фестивальный палаточный лагерь был разбит в жи-

вописном горном урочище, рядом с широким пологим склоном, в конце которого стояла не слишком аккуратно сколоченная сцена. Сам склон назывался Фестивальная Гора. На нем, как в природном амфитеатре, располагались зрители во время концертов. Место было удобно еще и тем, что неподалеку располагались здания туристической базы, к которой организаторы были привязаны электричеством и другими материальными благами. Также на базе размещали столичных гостей, которым по рангу не полагалось спать в палатках.

Каценович сидел в заднем ряду в актовом зале турбазы. Было свободно, это был не фестиваль, а так называемая, «творческая мастерская». Предполагалось, что известные профессиональные поэты и композиторы будут слушать песни начинающих самодельных авторов, и давать полезные советы. Для этого было сформировано представительное жюри из приглашенных светил жанра, во главе с неким Уваловым – столичным поэтом, публицистом и общественным деятелем, который возглавлял движение авторской песни по официальной линии. Вот этот поэт-общественник и вел сегодня творческую мастерскую.

Первым на сцену вышел никому неизвестный молодой парнишка. Он спел песню, которая начиналась

словами «Вы куда, мужики, это только ведь в книжках красиво...». Песня посвящалась уезжающим за границу друзьям. На взгляд Каценовича, песня получилась. Было видно, что написано от сердца, что переживает парень и за тех, кто уезжает в неизвестность, и за тех, кто остается здесь, в известной заранее ситуации, которая хуже любой неизвестности. Настроение у самого Каценовича было примерно таким же. Вот уже не первый год его друзья, один за другим, уезжали.

Песню приняли тепло. Немногочисленные зрители захлопали, одобрительно зашептались. Однако мэтру песня не понравилась. Увалов начальственно откашлялся, выдержал паузу и изрек:

– Вы, молодой человек, не в ладах с русским языком. Вот вы используете обращение «мужики». Слово «мужик» означает крепкого русского человека, такого крестьянина с окладистой бородой. Или рабочего, тоже настоящего трудящегося человека. А у вас там кто? Уезжающие сапожники, цеховики да крутилы всякие? К тому же, и не русские они вообще... Нет, – высказав еще несколько подобных глупостей, закончил Увалов, – очень слабая песня, я бы даже сказал, ненужная песня.

Парень, как оплеванный, молча ушел со сцены. Раздосадованный Каценович последовал за ним. У

входа на турбазу он встретил расстроенного Мишку, возле которого стоял Совин, и что-то ему втолковывал. Каценович услышал лишь окончание разговора.

– И вообще, – говорил Совин, – меняешь первую фразу, и выходишь сразу на Гран-при фестиваля.

– Как я ее поменяю? – удивленно спросил Мишка.

– Очень просто. Как там у тебя было, «Вы куда, мужики»? Переделай на «Куда вы, жиды». И все. Увалов первый проголосует «за».

– Перестань, Сова, парень ведь всерьез тебя воспринимает, – вмешался Каценович.

– А я серьезно говорю: если такое дерьмо, как Увалов, придирается к песне, значит, порядок, песня хорошая, и ее надо петь. Ты, Миш, кстати, запиши мне слова. Давай вот прямо сейчас, пока не потерялись в этой суматохе.

Совин не был антисемитом в полном понимании этого слова. Что у Совина действительно было, так это естественное, как он считал, пренебрежение человека чрезвычайно физически крепкого и абсолютно здорового к низкорослой, субтильной породе среднеазиатских евреев.

А вот Каценовича Совин любил. Регулярно встречаясь на фестивалях, и имея примерно одинаковый репертуар, что свидетельствовало о совпадении если не всего мировоззрения, то хотя бы литературно-му-

зыкального вкуса, они прекрасно пели дуэтом. Правда, только для своих: на сцене вдвоем им было нечего делать. Высокий, крепко скроенный Совин и щуплый низенький Каценович – выступая вдвоем, на сцене они выглядели до карикатурности странно. «Ребятаки, – заявил им как-то один режиссер, – а вы попробуйте. Вам и делать ничего не надо, просто выйдете на сцену, и будете иметь всеобщее внимание. Правда, об умном петь не советую...»

Весь день Каценович, как заведенный, метался по неотложным фестивальным делам то на турбазу, то в палаточный лагерь. К вечеру организационные проблемы остались позади. Начался концерт гостей, а потом костры и песни, и общение, и замечательное ощущение, что находишься среди своих. И хотелось, чтобы эти песни и этот вечер продолжались бесконечно, чтобы не надо было возвращаться в душный пыльный город, не отправляться на работу в надоевший техникум, к своим бандитского вида ученикам, которые на дух не переносят математику, как, впрочем, и все остальные предметы.

Далеко за полночь, когда костры потихоньку догорели, и все разошлись, Каценович, наконец, забрался в палатку. Он с трудом уснул, уговорив себя немного отдохнуть перед завтрашним днем. Примерно через час он проснулся и понял, что перевозбужденный ор-

ганизм в ближайшие сутки больше спать не собирает-ся. Он оделся и вылез из палатки. Первое, что он уви-дел, была узнаваемая даже в темноте фигура Сови-на. Поговаривали, что Совин, как будто оправдывая свою фамилию, никогда не спит на фестивалях. Под присягой Каценович не рискнул бы это подтвердить, но зато мог точно сказать, что в то ночное время, ко-гда он бодрствовал, сам Совин был всегда рядом.

– А, вот и Каценович выполз, – воскликнул Совин, разглядев в темноте приближающийся силуэт. – Как там, у Пушкина было: «и днем и ночью Каценович все ходит, поц...»! Только вот причем тут «...еги кругом»?

Каценович тут же объяснил:

– Все правильно, я же математик, вокруг меня все время то «е», то «пи». А ты в Пушкина не въезжаешь, куда тебе до Пушкина. И вообще, мне у него нравится другое место, вот это, послушай: «Не спится, няня, где же кружка?».

Так называемая цитата была оценена по достоин-ству. Одобрительно хмыкнувший Совин достал из кар-мана своей необъятной пуховки бутылку:

– Вот тебе кружка, а няню найдешь себе сам. Вон их сколько возле костра крутилось, когда мы пели, а тебе все не спится.

– Так разве с ними уснешь? – брякнул еще не проснувшийся Каценович.

– Фи, что за манеры, цитировать бородатые анекдоты в полтретьего ночи! – раздалось из темноты. К стоящим приближался еще один полуночник. – Ах, сестры, ах проказницы, на бал поехали, мужиков ловить. Без меня, значит?

– Ну, что ты, Олежек, как же мы без тебя. Тут, можно подумать, кто-то вообще может выпить без тебя!

– Правильно, не может. Короче, вот вам стакан, а то не по-человечески это, из горла пить.

Упомянутый стакан был единственным, кроме гитары, предметом туристического инвентаря, который Олежек брал с собой на фестивали. Олежек был известен и популярен, и ездил на фестивали по персональным приглашениям. Палатку и прочие атрибуты он не брал никогда, справедливо полагая, что раз уж пригласили в гости, то и спать где-нибудь уложат. Так же решались вопросы кормежки. Единственная вещь, которую Олежек берег и всегда имел при себе, был стакан. Это не был какой-то особенный «Стакан», связанный для хозяина с неким важным событием или подаренный кем-то из великих на добрую память. Нет, это был самый обычный граненый стакан, который Олежек элементарно стырил из автомата газированной воды на автобусной станции перед отъездом на фестиваль. Значимость стакана состояла в его присутствии в нужное время и в нужном месте. У

Олежека было необыкновенное чутье – если где-то собирались выпить, то к моменту раскупоривания бутылки тут же возникал Олежек и протягивал стакан. «Выпивка – это не еда, – приговаривал Олежек, – ее по мискам поровну не разложат, и не будут кричать на весь лагерь: мол, идите скорее жрать, а то остынет. Тут надо действовать самому...». И он действовал.

Воспользовавшись стаканом, выпили по чуть-чуть. Каценович достал из кармана запечатанную пачку «Родопи»:

– Угощайтесь, специально для фестиваля держал, а тут чуть не забыл.

Все трое закурили, глядя в небо. Для человека, выросшего в большом городе, ночное небо в горах – это откровение. Что мы, городские жители, знаем о звездном небе? Мы забыли даже о самом его присутствии. В детстве, когда нам было интересно все, и мы ходили, задрвав голову и раскрыв глаза от удивления и восторга перед новым миром, – да, тогда мы видели звезды. А теперь мы ходим, не замечая ничего, не ходим даже, а бегаем какой-то нездоровой трусцой, которая выработалась от необходимости успеть заскочить в отходящий автобус или сбежать вниз по эскалатору метро. И носимся мы таким образом по городу, озирая окрестности в поисках добычи или, наоборот, – признаков опасности; и если поднимаем взгляд,

то не выше магазинных вывесок.

Ночное горное небо завораживает. Все трое – и слегка поддатый Олежек, и медведеобразный бородач Совин, и маленький замерзший Каценович – все, словно по команде, замолчали. Не хотелось ничего говорить. Каждый понимал, что любые слова сейчас будут лишними и фальшивыми.

В глубине ущелья, по которому дорога спускалась вниз, были видны отблески города. Над домами висел хорошо различимый сверху и слегка флуоресцирующий в темноте слой нездорового тумана. Он покрывал город идеально ровным полукругом, таким ровным, что это наводило на мысль о его искусственном происхождении. Влага конденсировалась на пылеобразных выбросах из трех громадных труб на окраине города. Вопреки расчетам проектировщиков, заводские выбросы не стекали вниз, в долину, а образовали устойчивый ровный купол над самим городом.

С другой стороны перед ними возвышался край плато, резко обрывающийся почти непроходимыми отвесными скалами. На этих скалах были проложены маршруты для скалолазания, и в эти дни, параллельно с фестивалем, там проходили соревнования альпинистов. Вчера, за день до начала фестиваля, на этих скалах произошел трагический случай. Главный судья соревнований Хабибулин, мастер спорта

по альпинизму, стоял на верхней площадке маршрута и страховал скалолазов. Когда все спустились, он тоже стал спускаться, то есть взял страховочный трос и прыгнул вниз.

Говорят, такое случается один раз в сто лет. Он не проверил собственную страховку, а его трос оказался не пристегнутым. Он просто упал с двухсотметровой отвесной скалы. Спасти его не могли: там уже нечего было спасать. Событие трагическое и нелепое. Хотели прекратить соревнования и даже отменить фестиваль. Затем решили все же провести, только отменили «Чайхану» – концерт юмористических песен, изюминку фестиваля.

Олежек, уловив только ему ведомые флюиды, встрепнулся, заботливо спрятал свой стакан и исчез. Видимо, где-то поблизости тоже разливали. Каценович и Совин остались вдвоем.

– Ты знаешь, – глядя на звезды, медленно заговорил Каценович, – я читал, что кто-то из древних мореходов, то ли поморы, то ли викинги, считали, что звезды – это души моряков, погибших в море.

Совин помолчал, повернулся к Каценовичу и спросил:

– Ты думаешь о Хабибулине?

– Ну да, слушай, если над морем души утонувших моряков, то здесь в горах...

– Погибшие альпинисты? Ну-ка, давай для начала еще перекурим.

Каценович достал сигареты. Закурили. Через пару минут Совин достал фонарик, блокнот, ручку, и уселся на камень. – Ты знаешь, в этом что-то есть. Не знаю, что и как получится, но попробую.

Совин принялся писать, неразборчиво бормоча себе под нос. Каценович знал, что сейчас друга нельзя беспокоить. Он лишь быстро заглянул тому через плечо, прочел первую готовую строфу, чтобы понять размер стиха, и улегся на спину, глядя в небо. Постепенно им овладело знакомое, хотя и редко возникающее ощущение, что оттуда, из вышины, к нему протянулся прозрачный светло-фиолетовый луч, видимый только ему. Постепенно зазвучала музыка, все громче, все внятнее и отчетливее. Когда мелодия обрела реальную, более-менее законченную форму, Каценович сказал Совину: «я сейчас», и ушел за гитарой. Вернувшись, он забрал наброски у Совина, и дальше началась знакомая обоим любимая работа. Строки переделывали, выбрасывали и переписывали заново, мелодию меняли, подгоняли под размер стиха, а стихи изменяли под музыку. Уже на рассвете сделали аранжировку на две гитары и только тогда остановились, глядя друг на друга красными от недосыпа и возбуждения глазами.

Песня получилась. Она была в меру лирическая, чуточку философская, как всегда у Совина, и без конкретной привязки к трагическому событию вчерашнего дня. Но, зная всю историю, можно было понять, кому она посвящена.

– По-моему, получилось, как ты считаешь?

– Ага. И назовем мы ее «Звезда альпиниста». Так?

– Так-то оно так, – сказал Совин. – Я о другом подумал. Когда ты ее петь собираешься? Сегодня?

– Нет, ни в коем случае. Все слишком узнаваемо, а его ведь даже и не похоронили еще.

– Вот и я об этом. Давай просто покажем ее своим и оставим отлежаться. Споем в других местах, а потом, когда убедимся, что получилось, можно будет спеть ее здесь через год, на этом же фестивале. Тогда это будет уместно. Но не раньше.

– Согласен. Ты прав, как всегда.

– Конечно, прав. – Совин схватил в охапку Каценовича и приподнял его. – Все, пошли спать.

По дороге в лагерь они опять наткнулись на Олежека. Тот, по-видимому, успел еще не раз воспользоваться своим пресловутым стаканом, но не был пьян по-настоящему, а находился в сильнейшей эмоциональной прострации:

– Я вижу, вы что-то написали, признавайтесь!

– А что, вот и первый критик, давай покажем?..

Они уселись друг напротив друга, расчехлили гитары и начали петь. В предрассветном тумане голоса звучали чуть приглушенно, как будто боялись потревожить спящие горы. Интересно, каково это – спеть новую, только что написанную песню, ранним утром в горах, едва нарушая предрассветную тишину? Наверное, это ощущение стоит того, чтобы продрогнуть за всю ночь на склоне с гитарой и блокнотом, и с неизменной сигаретой, прикуренной от бычка предыдущей.

– Ай молодцы! – закричал возбужденный Олежек. – И как вовремя, к месту, как же я упустил, ну не об этом речь. Значит, прямо сейчас идем в оргкомитет. Этой песней мы втроем открываем фестиваль. Нет, ну здорово, это же первая премия, это же Гран-при! Так, давайте сюда текст, надо кое-что подчистить, и вперед.

С этими словами Олежек буквально вырвал у Софина блокнот и начал лихорадочно переписывать слова, приговаривая:

– Вот ведь, есть умные люди, подсуетились, вовремя песенку на горячее написали, а я, дурак, чуть не проморгал, все водку жрал. Ну, ничего, сейчас мы это дело поправим... Только вы, ребята, что-то все тут очень мягко сделали. Надо бы добавить гражданственности, что ли, и послезливее надо. Это ж такое дело, всей Горой переживать будем, – продолжал

Олежек, переписывая стихи.

– Да остановись же ты!.. – Каценович, наконец, смог вклиниться в Олежекин монолог. – Видишь ли, мы не собираемся ее петь сегодня.

– Как «не собираемся», а для чего писали? Всю ночь на холоде просидели, такую тему нашли, и петь не будете?! Да кому она завтра будет нужна?! Не морочьте голову, все равно не поверю.

– Правда, Олежек, не будем мы ее сегодня петь, – подтвердил Совин.

Олежек озадаченно посмотрел на Совина. Потом быстро заговорил:

– А, понял... Без меня хотите выступить? Пожалуй-ста, я не напрашиваюсь. Только когда вы вдвоем на сцену выпретесь, то сами знаете, там от хохота ничего слышно не будет. Тоже мне, Тарапунька и Штепсель.

– Да не в этом дело, Олежек, – Совин попытался объяснить свою точку зрения. – Ты пойми, у людей горе, ты ведь сам Хабибулина знал. Так зачем сейчас, по живому, терзать близких? Пройдет время, уляжется боль, и будем петь эту песню. Тогда она всем понадобится, чтобы память осталась. А писали ее сейчас, потому что именно сейчас, когда болит, и надо писать. Писать, Олежек, но не петь.

– Темните вы что-то, не пойму я вас, – пробормотал Олежек. Потом, решившись, сказал: – Так вы точ-

но не будете ее петь? Ну, и правильно, конечно же, правильно, – и быстро ушел, как будто почувствовал, что где-то опять наливают...

Утром Каценович пришел на Гору одним из первых. За всеми организационными хлопотами поспать так и не удалось. Поэтому на Гору Каценович пришел со спальником, решив, что, в крайнем случае, доберет свое во время концерта. Большинство исполнителей он знал; все песни, по крайней мере, те, что стоило послушать, он уже слышал. Можно было спокойно подремать, пока не начнутся более интересные выступления гостей и лауреатов предыдущих фестивалей. Каценовичу и самому полагалось выступить там, в категории ветеранов. Он лежал на спине, глядя, как бегут и тают в вышине облака. Ощущение радости от новой песни все еще переполняло его.

Гора заполнялась зрителями. Одни, как и Каценович, раскладывали спальники, другие – счастливые обладатели надувных резиновых матрасов, – с натугой надували их слабенькими насосами. Многие обходились листами целлофана. Для самых непоседливых существовал привязанный к попе кусок пенопласта. Приспособление давало возможность переходить с места на место, мгновенно усесться на приглянувшейся кочке, и не занимало руки при переноске.

Между тем, возле сцены собрались участники конкурсного концерта. Расселись на стульях за единственным на много километров вокруг письменным столом члены жюри. Председатель оргкомитета поднялся на сцену и объявил официальное открытие фестиваля.

– Дорогие друзья, – раздался голос председателя жюри. – Все мы помним о трагическом происшествии, когда погиб мастер спорта, судья республиканской категории Хабибулин. Олег Николаев, в память об этом событии, написал песню. Песня называется «Звезда альпиниста», и посвящается погибшему альпинисту Хабибулину. Мы решили, что сегодняшний конкурсный концерт будет открыт именно этой песней.

На сцену вышел Олежек. Непонятно как он умудрился, но, как и всегда на сцене, он был гладко выбрит, подтянут и аккуратен. Он даже наложил небольшой сценический грим и подвел глаза. Он запел. Его песня не была прямым плагиатом с Совинского варианта. Да и от музыки Каценовича там мало что осталось. Но все равно это была та же «Звезда», только переделанная в расчете на сиюминутный успех. Все строилось на том, чтобы вызвать реакцию людей, которые только что пережили это горе. Все было предельно конкретно. Искусством, творчеством здесь не пахло: это была работа в духе передовицы местной

газеты. Такие произведения пишутся для разового исполнения на конкурсе, чтобы получить приз. Жюри не могло просто так отмахнуться от грамотно написанной песни на актуальную тему. Кроме того, в состав жюри обязательно входил представитель обкома комсомола, который оценивал песни исключительно в соответствии с текущим моментом. Поэтому все лишнее в таких песнях выбрасывалось. Потом их забывали, а порой и стыдились. К такому трюку прибегали не многие – фестивальные пряники не так привлекательны, чтобы потом из-за них терять репутацию. Но сейчас Олег на это пошел.

Неожиданно его выступление было прервано. Солин, как всегда находившийся в гуще событий, взобрался на сцену и отобрал гитару у Олежека. Он схватил его за грудь и начал трясти. Ветер доносил в микрофон обрывки фраз: «стервятник... я же объяснял... как ты посмел именно сегодня?..».

Ситуация становилась все более неприглядной, когда Каценович потряс головой, и туман перед глазами рассеялся. Олежек, как ни в чем не бывало, продолжал петь их изуродованную «Звезду». Совина на сцене не было, он никуда не вылезал, а сидел рядом с Каценовичем. Только вот разве что слова про стервятника он, действительно, говорил. Тихо так говорил, чтобы слышали только они вдвоем. Ошеломленный

Каценович повернулся к Совину:

– Мне сейчас привиделось, что ты поднялся на сцену и набил ему морду.

– Эх, дружище, – задумчиво пробасил Сова, – набить морду – дело нехитрое. Если бы это помогало, здесь полгоры сидели бы с расквашенными мордами. Уж в жюри, по крайней мере, точно есть пара-тройка морд, на которые у меня кулаки чешутся.

Его прервали громкие аплодисменты. Олег закончил петь и спускался со сцены. Он, еще стоя на сцене, разглядел среди зрителей наших друзей, но не подошел к ним, а затесался в толпу, что крутилась позади столика жюри. Там он, похоже, чувствовал себя в безопасности.

– Вон, видишь, и Олежек это понимает. Сейчас все уляжется, мы успокоимся, и он объяснит нам, что это совершенно разные песни, и что нам остается наш вариант. Мы же сами сказали, что здесь, на фестивале, мы ее петь не будем. А он считает, что надо было обязательно спеть про Хабибулина. И будет прав, и ничего мы ему не сможем сделать. Даже обвинить в том, что украл песню, не можем: вот она, тема, у всех на глазах все произошло. Ну, одновременно написали похожие песни, так ведь это нормально, вместе отреагировали на трагедию. Где там твои «По жопе»?..

– Какие жопы? – оторопело спросил Каценович.

– «Родопи» твои где, говорю. Сигареты давай, – уточнил Совин. Он взял сигарету из сильно похудевшей пачки, прикурил, привычно спрятав спичку в необъятной ладони, и глубоко затянулся. – Видишь ли, самое обидное во всей этой истории то, что он нас лишил нашей песни. Ну, не смогу я теперь ее петь, хоть ты меня режь. Я точно знаю, начнем петь, а перед глазами будет стоять эта сволочь. Да еще помахать лауреатским дипломом.

– Что, ему еще и лауреата за это дадут?

– Думай сам. Ты уже видел Увалова в деле. Какие у него критерии, тоже понял. Большинство членов жюри смотрят ему в рот. Даже если не согласны, то отношения портить не станут. А Олежек всегда ездит за дипломом, он их собирает.

– На фига ему столько? Ну, победил в паре конкурсов, понял, что тебя приняли, ну и хватит по конкурсам выставляться. Не спортсмены же, медали копить.

– Ах ты, простая душа. Как это зачем? У него конкретная цель – выступить от Госконцерта. А там нужно и рекомендации, и справки, и определенное количество официальных выступлений. И есть там еще какая-то дополнительная ставка для лауреатов, вот он и старается набрать нужное количество дипломов. Это ты у нас лопух, все за идею поешь.

– А ты? – обозлившись, сказал Каценович. – Ты ра-

ди чего поешь, и вообще на фестивали едешь? Тоже какие-то свои интересы преследуешь? А меня одного тут за дурака-энтузиаста держат?

Каценович с удивлением заметил, что еще немного, и он перестанет контролировать себя, и скатится в неуправляемую истерику.

– Стой, – резко, чуть не закричав, повысил голос Совин. – Молчать, поручик!

Он достал из кармана все ту же бутылку, вытащил пробку и протянул Каценовичу:

– На вот, отхлебни немного.

Каценович выпил, достал сигарету и закурил. Успокоился.

– Ну, вот и хорошо, – Совин обнял Каценовича, прижал к себе. – Все в порядке.

Он посмотрел на друга, который блаженно зарылся в его пуховку, усмехнулся и добавил:

– Все будет хорошо, мужик. Ты спрашиваешь, зачем я на фестивали еду? Да вот, мужиков настоящих повидать, таких как ты или Мишка. Затем и еду. Кстати, – добавил он чуть погодя, – я говорил тут кое с кем, Мишку твоего у Увалова отобьют. Будет он петь в заключительном концерте, обещаю тебе.

Уставший от переживаний Каценович выбросил недокуренную сигарету, улегся поудобнее и закрыл глаза. Сон, наконец, сморил его. Спал он долго. Ко-

гда проснулся, концерт уже кончился, и зрители разошлись. Внизу, в лагере, были слышны голоса: там готовили еду, собирали палатки, потихоньку готовились к отъезду. Должны были подойти автобусы и увезти всех в город, на заключительный концерт.

Здесь же, на опустевшей Горе, валялись обрывки бумаги, пустые бутылки и консервные банки, целлофановые пакеты, какие-то деревяшки и черт знает что еще. Несмотря на все просьбы, объяснения и приказы, всегда было одно и то же. После концерта фестивальная гора выглядела так, будто сверху на нее вывалили грузовик мусора, и он, скатившись по склону, расположился на нем вместо ушедших зрителей.

Все это означало, что завтра сюда приедет команда хмурых парней из городского клуба туристов, и молча и привычно соберет со склона весь мусор. Что можно, сожгут, остатки аккуратно закопают поглубже. И к вечеру, когда на склоне не останется мусора, их лица разглядятся, и они, довольные, уедут домой.

Все это значило так же и то, что через пару недель примятая трава выпрямится, ветер и дождь заровняют следы от стоявшего здесь палаточного городка, зарастут травой потухшие костры, и гора останется в своем первозданном виде. И все вернется в свое обычное русло, разве прибавится чуть седых волос, да наметится новая морщинка под глазами. И оста-

нутся новые песни, которые так хорошо петь с друзьями. И всегда остается возможность снова бросить все дела, взять отпуск за свой счет и поехать через всю страну в переполненном плацкартном вагоне. Чтобы разбить палатку в лесу и сидеть у костра, и слушать, и петь песни, и просто общаться. И, может быть, опять просидеть полночи с другом и написать с ним новую песню. «Все это меня еще ждет», – сказал себе Каценович, и пошел вниз к дороге, где уже гудели автобусы.

Глава 18

*...Мы рождены, чтоб сказку сделать
былью...*

*...И сказку выбрал он с печальной
развязкой...*

(Из песен разных лет)

Я вновь очутился в своем кабинете. Время здесь не менялось, по-прежнему было около трех часов дня. Я перестал удивляться временным парадоксам. Вполне достаточно других забот.

– Привет, я вернулся, – сообщил я вслух своему невидимому помощнику и консультанту. Я до сих пор толком не понимал, что такое я сотворил себе в помощь. Мысленно я продолжал называть его компьютером, хотя вслух этого уже не говорил: это немыслимое, точнее, – мыслящее существо имело характер капризного ребенка и уже намекало мне, что компьютером его называть не стоит.

– Ну и как?

– Похоже, медиум идеальный. Мне было очень уютно. Но почему именно Каценович? Он ведь даже живет не в столице. Как я через него выйду на Сергея?

– Александр Леонидович, я вас предупреждал, что это будет непросто. Я обследовал более сотни лично-

стей: начал с компании Арика, затем постепенно расширял круг, пока не наткнулся на него. Я уверен, с ним вы прекрасно поладите.

– Я тебе доверяю, хотя и не уверен, что ты не задумал что-то еще. Я здесь стал старым и мудрым. И теперь знаю, что никто ничего не делает просто так, все преследуют свои, не совсем понятные мне цели.

– Ах, Александр Леонидович, дорогой, мой! – рассмеялся компьютер. – Это не мудрость, а паранойя. Расслабьтесь, и получайте удовольствие от того, что у вас есть.

Странное предложение, но делать нечего.

– Ну, хорошо, – согласился я, – у меня есть Каценович, который живет в другом городе, в двухстах километрах от столицы.

– Сто восемьдесят шесть километров, если считать от главпочтамтов. А от границы одного города до ближайшей окраины другого не больше ста семидесяти пяти, – перебил меня голос из-под потолка.

Не зря я зову его компьютером, что-то от калькулятора в нем все же есть.

– Ты, арифмометр-переросток, не перебивай меня! Какая разница: двести, сто пятьдесят? Что, мне сажать его в автобус и вести в столицу к Сергею? Или послать Сергею телеграмму с просьбой немедленно выехать в пригород, чтобы узнать важную информа-

цию, касающуюся его жизни?! Прямо бульварный детектив.

– Не будем горячиться, – примирительно сказал компьютер. По моему тону он понял, что игры закончились. – Завтра утром Каценовича отправят в командировку в столицу, на курсы повышения квалификации.

– А как он встретится с Сергеем?

– Курсы рассчитаны на месяц. Каценовича в столице знают. Я имею в виду компанию Арика, и всю эту среду. В ближайшие выходные Каценовича пригласят к Арику на домашний концерт. Там будет и Сергей. Остальное – дело техники. Вашей, Александр Леонидович, техники.

Я согласно кивнул. Компьютер продолжил:

– Я отправлю вас в любой момент их реальности. Можно прямо сейчас отправиться в дом Арика, в тот момент, когда концерт завершится. Самое время спокойно поговорить с Сергеем.

– Отлично. Только отправь меня чуть пораньше, и не к Арику, а в гостиницу. Я хочу вместе с Каценовичем прогуляться по городу.

– Слушаю и повинуюсь.

Вселенная привычно раскололась и соединилась. Я опять был в сознании Каценовича. Как и в прошлый раз, все прошло без проблем, только сильно боле-

ла голова. Но теперь простого присутствия мне было недостаточно. Я решил провести эксперимент. Мягко, не напрягаясь, я спросил у Каценовича, который час. Каценович тут же поднял к глазам руку с часами. Я посмотрел на них: это были модные в то время электронные часы с календарем. Время было подходящее – утро субботы.

Я усилил свое влияние, и неожиданно Каценович просто уснул. Он отключился так внезапно, что я едва успел взять на себя контроль за телом, иначе он бы просто грохнулся на пол. Отлично. Тело Каценовича было в полном моем распоряжении. Можно начинать операцию.

Первым делом следовало разыскать тетрадь Сергея. Компьютер обещал переместить ее вместе со мной. Скорее всего, она находится где-то здесь, в комнате. Я по очереди осмотрел шкаф, тумбочку, заглянул под подушку и приподнял матрас. Хотел поискать в ванной комнате, но вовремя вспомнил, что таковая в номере отсутствует. Тогда я взялся за личные вещи Каценовича. Чувствуя себя страшно неудобно, я перерыл содержимое его чемодана, но ничего не нашел. Затем по возможности аккуратно уложил вещи обратно, стараясь соблюдать первоначальный порядок. Агент тайной полиции из меня не получился: если Каценович будет приглядываться, то обязательно за-

метит, что в его вещах кто-то рылся. С другой стороны, Каценович тоже не шпион, и вряд ли станет проверять свой чемодан на предмет, «а не делали ли там обыск в его отсутствие?».

Я тяжело вздохнул. Оставалось выпотрошить огромную сумку с покупками, сделанными Каценовичем в столичных магазинах за неделю. Мне так не хотелось этого делать, что я решил поступить иначе. Я потихоньку разбудил Каценовича, так чтобы он только слышал меня и мог отвечать, не больше:

– Каценович, ты знаешь, где тетрадь, которую я ищу?

– Знаю, – лаконично ответил Каценович.

Я обрадовался. Значит, все в порядке и тетрадь здесь. Я продолжил:

– Подскажи, пожалуйста, где она?

– Она на месте, как всегда.

– Будь добр, расскажи, а где у нее место?

– В кармане чехла гитары. Все нормальные люди носят тетрадки со словами песен в кармане чехла.

Это был сюрприз. Я рано радовался. Оказывается, Каценович имел в виду лишь свою тетрадку-песенник. В принципе, верно: для него это была самая большая ценность, и отвечая на вопрос о тетради, он автоматически имел ввиду именно свой песенник. На всякий случай, я все же взял в руки зачехленную гита-

ру. Снаружи, сбоку к чехлу был пришит вместительный карман, закрывавшийся на молнию. Я открыл его. В кармане лежал комплект запасных струн и прочие мелочи, которые стоит иметь при себе гитаристу. Кроме этого в кармане лежали две почти одинаковые общие тетради. Одна из них была песенным архивом. А вот вторую я узнал сразу. Это та самая Сережкина тетрадь, на поиски которой я угробил половину утра. Компьютер, зная психологию Каценовича, разместил мое сокровище в его персональном сейфе.

Убедившись, что все в порядке, я освободил Каценовича, а сам устроился в дальнем уголке его сознания. План действий мы с ним уже составили: перед тем как зайти к Арику, мне хотелось немного погулять по городу.

Каценович честно постарался показать мне все местные достопримечательности. Моим первым впечатлением от увиденного стал царивший вокруг красный цвет. Город был красным. Бесконечные флаги и огромные транспаранты с лозунгами виднелись повсюду. На доме напротив висел огромный агитационный щит, закрывая собой окна нескольких квартир. Я мысленно посочувствовал жильцам.

Мы шли по прямому, непропорционально широкому проспекту. По дороге с завыванием проносились переполненные троллейбусы, громыхали трам-

ваи. Автомобили, в подавляющем большинстве старые, ехали осторожно, огибая выбоины в асфальте. Вдоль проспекта тянулся красивый благоустроенный тротуар, но между ним и ближайшими домами лежал десятиметровый участок глиняной целины. От троллейбусных остановок по направлению к домам отходили утопанные тропинки. Сейчас, летом, пустырь был покрыт толстым слоем знаменитой среднеазиатской пыли. Я представил себе, каково добираться по этим тропинкам во время дождя, и подивился строителям.

По проспекту мы дошли до станции метро. В отличие от помпезного московского метрополитена, в котором я, можно сказать, вырос, здешнее метро было маленькое и уютное. Поезд ничем не отличался от привычного мне московского, все было таким узнаваемым, домашним. Я закрыл глаза и полностью погрузился в знакомый с детства ритм движения. Можно было легко представить, что я снова в Москве. Привычный перестук колес успокоил меня, головная боль прошла.

Проехав две станции, мы вышли из вагона, прошли через зал и оказались в подземном переходе. Наверх вели широкие гранитные ступени. Пока мы поднимались, я загляделся на стены перехода, которые, как и зал станции, были выложены красивым местным мрамором.

мором. Наконец я поднял глаза, вздрогнул и порадовался тому, что контроль над телом сейчас у Каценовича.

Наверху, прямо напротив выхода из подземного перехода, стоял гигантских размеров транспарант с портретом руководителя компартии республики. По мере того, как пассажиры метро поднимались по лестнице, этот портрет возникал перед ними, как встающее на рассвете солнце. А если засмотреться по сторонам, а потом резко поднять голову, то портрет вставал перед прохожим сразу во всей своей красе. Так и случилось со мной.

Пока я приходил в себя от полученного шока, я услышал за спиной детский плач. Я оказался не единственным, на кого подействовал портрет. Маленький мальчик, лет трех-четырёх, шел за ручку с мамой и смотрел по сторонам, думая о чем-то своем. Внезапно он поднял головку и обнаружил, что на него в упор смотрит огромное лицо с портрета. Испуганный ребенок заплакал. Мать, не разобравшись в чем дело, громко спросила его:

– Что случилось, мой маленький? Кто тебя испугал?

– Дядя!

– Какой дядя, где? – женщина остановилась и недоуменно огляделась по сторонам.

– Вон тот дядя! – закричал малыш, показывая паль-

цем на портрет. – Я его боюсь!

– Ну, что ты, этот дядя очень хороший! – Теперь уже была напугана мать малыша.

– Нет, он плохой, – громко, на весь переход кричал перепуганный карапуз.

Не вдаваясь в дискуссию, женщина схватила ребенка на руки и, шепотом отчитывая сынишку за что-то ему непонятное, бегом поднялась по лестнице, свернула за угол и исчезла из нашего поля зрения.

Я понял, что прогулка по городу мне надоела. Мы проходили мимо гастронома, и я предложил Каценовичу зайти туда. Перед входом в магазин я взял контроль в свои руки. Сейчас это давалось мне совсем легко. Каценович как бы засыпал на это время, и я свободно управлял его телом как своим собственным. «Мы идем в незнакомый дом, – подумал я. – Надо купить что-нибудь для хозяев, не идти же в гости с пустыми руками...».

Я стал раздумывать: что купить? Пусть это будет нейтральный стандартный набор. Он хорошо подойдет для незнакомой компании. Значит так, куплю большую коробку шоколадных конфет, желательно покрасивее, и бутылку вина. А какое вино выбрать? Это, конечно, вопрос серьезнее, чем покупка шоколадных конфет. По вину, которое приносит собой гость, можно много о нем узнать. Я решил, что возь-

му красное сухое каберне – Совиньон или Мерло. Это все пьют с удовольствием. Гостя, принесшего с собой такое вино, это характеризует как человека серьезно-го, с хорошим вкусом.

Войдя в магазин, я откровенно изумился. На полках стояли крепостные стены из одинаковых рыбных консервов в пожелтевших от старости бумажных наклейках. В соседнем отделе меня встретила ровная шеренга коробок с макаронами. Витрины холодильников перед этими полками были отчасти украшены теми же консервами и макаронами, а отчасти – просто пусты. В обоих отделах покупателей не было. Скучающие продавцы скользнули по мне невидящим взглядом, и вновь вернулись к апатичному безделью.

Я прошел в соседний зал. Там картина была другой, жизнь била ключом – в мясном отделе давали вареную колбасу. Очередь была огромная. Над продавцом висело объявление, написанное крупными буквами: «Сегодня обслуживаются жители третьего участка – улицы Кренкеля, Шота Руставели (нечетная сторона) и Фирдоуси (четная сторона)».

Мое внимание привлек лист бумаги, висевший на стене: «Нормы отоваривания мясных талонов колбасными изделиями и мясными консервами». Мысленно ужаснувшись словосочетанию «отоваривание мясных талонов», я стал читать дальше. Под заголовком

была приведена подробная таблица для пересчета веса продуктов на килограмм мяса. Я с удивлением узнал, что один килограмм мороженого мяса по талонам приравнен к ноль целым семистам пятидесяти граммам колбасы вареной или шестистам сорока граммам колбасы твердого копчения. Я подивился такой математической точности расчетов.

Еще большее удивление вызвала строка, извещающая, что вместо одного килограмма мяса покупатель может приобрести одну целую и две десятых банки китайской тушенки «Великая Стена». Я попытался представить себе одну целую и две десятых банки тушенки, и понял, что схожу с ума. Я быстро просмотрел оставшиеся строчки и заглянул в конец. Автором этого документа оказался отдел торговли горисполкома, о чем свидетельствовала огромная фиолетовая печать. Кто-то из нас двоих, – либо я, либо горисполком, был явно не в себе.

Буквально через секунду я успокоился. Я все вспомнил и все понял. Я не попал в другое фантастическое измерение, в некий сюрреалистический мир. Нет, мир вокруг меня был абсолютно и безоговорочно реален. Это была та самая, давно и счастливо забытая мной реальность социалистического общества на пике своего существования. Продовольственная Программа и борьба за трезвый образ жизни, талоны,

карточки и пустые магазины. «Так что же все-таки выберем, – спросил я себя, горько усмехнувшись, – Со-виньон или Мерло?..».

Я вспомнил обычный израильский супермаркет, в котором раз в неделю делаю покупки, этот нескончаемый поток покупателей, запасующих продукты и прочие атрибуты домашнего хозяйства. Я вспомнил, как первое время после приезда ошалело глядел на огромные магазинные тележки, битком забитые самой разнообразной снедью. Я провожал их удивленным взглядом и все никак не мог понять: почему же там, в магазине, все это изобилие никак не кончается? Мое удивление продолжалось несколько дней. Затем удивление сменилось спокойным пониманием того, что это и есть норма. Как раз вот эти нагруженные с горкой тележки еды, шампуней, туалетной бумаги и всего прочего необходимого для дома; эти магазины, в которых никогда ничего не кончается, вот это и есть нормальная жизнь. Все остальное – просто неправильно.

Именно так и должно быть. Для этого не нужны какие-то специальные постановления правительства. Не нужно делать революции и калечить миллионы человеческих судеб. Не надо воевать ни на полях сражений, ни на трудовом фронте. Надо просто работать. Работать много и тяжело. И получать за эту работу

столько, чтобы больше не думать о том, где достать деньги. И не мешать зарабатывать другим. И не завидовать тому, кто заработал больше.

Интересно, как в свое время у нас воспитывали чувство презрения к людям, живущим в подобной «роскоши». Нам внушали, что общество потребителей не имеет духовных ценностей, что оно лишено будущего. Почему-то считалось, что человек, который всегда может поставить себе на стол любимые продукты, да еще в любом количестве, будет обязательно духовно неполноценным. Нам говорили, что человек, который в собственном автомобиле подъезжает к обувному магазину и останавливается перед выбором из десятков образцов туфель, пошитых на лучших фабриках мира, никогда не сможет написать «Повесть о настоящем человеке», или снять что-нибудь подобное «Войне и миру». Мы искренне считали, что только полуголодный, нищенски одетый советский человек имеет право на высокую духовность.

Я огляделся вокруг. Чем провинились эти люди, что их унижают стоянием в бесконечных очередях перед полупустыми прилавками? За чьи грехи они расплачиваются, сидя часами на собраниях и митингах, слушая речи, которым не верят ни сидящие в зале, ни те, кто произносит их с трибуны? Почему они обречены всю жизнь работать за мизерную зарплату, на которую

все равно нечего купить, а в старости получать уже вовсе нищенскую пенсию?

Ответов на эти вопросы не существует. Они неверно сформулированы. Эти люди ни в чем, и ни перед кем не виноваты. Они достойны лишь уважения и самого высокого восхищения. Несмотря ни на что, подавляющее большинство моих бывших соотечественников не превратилось в подонков и ублюдков, целью жизни которых стало урвать себе хоть кусочек от скудного общего пирога. В тяжелых, а порой и откровенно невыносимых условиях, люди продолжали жить обычной жизнью: работали, женились, растили детей, ходили в гости, читали книги. Пили водку, изменяли женам. Строили дома, выращивали хлеб – делали все, чем занимались люди до них, и будут заниматься после. Они не задумывались и даже не осознавали, что каждый день, каждую минуту их подвергают чудовищным унижениям.

Поколение наших родителей – люди, всю свою жизнь прожившие в СССР. Многие из них родились и умерли, так и не узнав, что бывает другая жизнь кроме той, которую им навязали. Низко поклонимся им и обнажим перед ними головы. Они заслужили это. Какая же любовь к жизни была заложена в этих людях! Какая сила воли помогла им остаться нормальными порядочными людьми. Они сумели пронести че-

рез всю, такую нелегкую жизнь, свои гордость и благородство. Они не только остались нормальными работающими людьми, но и сумели вырастить детей, привить им те же понятия о чести и человеческом достоинстве, которые у них никто не сумел отобрать.

Я еще раз огляделся вокруг. Мне почему-то стало неловко за свое сегодняшнее благополучие перед людьми, стоящими в очереди, Нет, так дело не пойдет. Нельзя раскисать, впереди еще масса дел. Я вернулся на свое место наблюдателя в сознании Каценовича и предоставил истинному его хозяину полную свободу действий.

Каценович уже привык к небольшим периодическим провалам памяти и, ничуть не удивившись, принялся за дело. Он привычно осмотрелся, с сожалением отметил, что без столичной прописки колбаса ему не светит, и отправился напрямик в кондитерский отдел. Через десять минут мы уже выходили из магазина гордыми обладателями бисквитного торта «Сказка». Все было в порядке. Мы вновь спустились в метро, и поехали к Арику.

Глава 19

*Ну, вот и опять застолье.
И в масляных пятнах плед.
Наследье времен застоных —
Последних счастливых лет...*

(А. Морозов)

Каценович в последний раз сверился с адресом в записной книжке и нажал на кнопку звонка. Калитку нам открыл сам хозяин. Он сразу узнал Каценовича и полез обниматься. Черт их знает, этих интеллектуалов, откуда они понабрались таких привычек, как обязательное объятие мужчин? Может быть, подражают бывшему генсеку, который не пропускал ни одного гостя без того, чтобы не поцеловать того смачно в губы? Впрочем, генсек – не тот человек, привычкам которого станут следовать в этих кругах. Как бы то ни было, Арик с Каценовичем вдоволь наобнимались и произнесли все положенные в таких случаях слова.

Арик проводил нас во двор. Там уже собралась большая компания. Арик громко представил Каценовича всему обществу и убежал в дом по каким-то своим хозяйским делам, предоставив гостя самому себе. Каценович не растерялся: он уже заметил пару знакомых физиономий, и через пять минут чувствовал себя

равноценным членом компании.

Все расселись за длинным столом, накрытом там же, в саду. Угощение не удивляло разнообразием, зато все было сытно и в достаточном количестве, что само по себе вступало в противоречие с увиденным мной в магазине. На столе стояли салатницы с двумя видами салатов: винегретом и так называемым оливье. Кроме салатов в отдельных тарелочках лежали ломтики вареной колбасы и местные, жутко острые соленые огурцы. Как выяснилось впоследствии, именно эти огурцы лучше всего подходили в качестве закуски для местной плохо очищенной водки. Оба салата женщины приготовили на кухне в больших мисках, – скорее даже, в небольших тазах, и докладывали в салатницы на столе по мере необходимости. Пили ту самую местную водку, больше из напитков на столе ничего не было.

Когда общее застолье закончилось, общее внимание переключилось на Каценовича. Он достал гитару. Я не мешал ему, а удобно расположился в уголке его сознания и наблюдал за происходящим.

Выступать Каценович умел и любил. Для начала он спел нескольких хорошо известных популярных песен. Многие из присутствующих с удовольствием ему подпевали. Постепенно он перешел к собственным песням. Их тоже слушали внимательно, песни понра-

вились.

Доброжелательная атмосфера передалась обратно Каценовичу. Он сменил репертуар на юмористические песни, исполнение которых сопровождалось взрывами хохота. К концу выступления мой разошедшийся медиум исполнил известную в то время кантату, посвященную партии. Он практически не переделывал ее, только заменил слово «партия» на «мафия». Пародируя известного певца, он пафосным голосом вывел первый куплет: «Мафия! Тебе я славу пою, мафия!». Дальнейшее разобрать было уже трудно: присутствующие зашлись хохотом, шумно выражая свое одобрение. Кантатой Каценович и закончил свое выступление, понимая, что уже вошел в местную историю.

Концерта как такового, когда все чинно сидят перед исполнителем, не было. Все оставались на своих местах за столом, прекратив на время разговоры и обернувшись в нашу сторону. В перерывах между песнями многие продолжали выпивать и закусывать. Раечка с Ариком сидели в разных концах стола и общались лишь по своим хозяйским делам. Раечка выглядела прекрасно. Она беспрерывно улыбалась, шутила с гостями, болтала без умолку. Она будто светилась изнутри. Ощущение какой-то бурной ненормальной радости буквально выплескивалось из нее.

Арик, наоборот, был неразговорчив. Он плохо выглядел, круги под глазами говорили о том, что он уже не первый день страдает бессонницей. Он выглядел уставшим и измотанным. Рядом с Ариком сидел Вадим, и в продолжении всего вечера регулярно наливал ему в рюмку. Усилия Вадима не прошли бесследно. К тому времени, когда Каценович закончил петь, Арик был пьян до состояния невменяемости. Пьяно хихикая, он стал громко рассказывать, как в шестом классе перед физкультурой они с приятелем полезли подглядывать в раздевалку за девочками.

Раечка отреагировала мгновенно. Она с улыбкой подошла к Арику, и энергично зашептала ему на ухо, не переставая при этом улыбаться. Ее слова, по-видимому, не соответствовали такому милому выражению лица. Арик прервался на полуслове. Он неуклюже поднялся из-за стола, пробормотал что-то невразумительное о том, что надо меньше пить и, пошатываясь, отправился в дом.

Раечка между тем уселась на его место рядом с Вадимом и продолжила играть роль обаятельной хозяйки. Минут через десять она поднялась из-за стола и сказала, что пойдет приготовить чай. Она прошла несколько шагов по дорожке по направлению к дому. Затем остановилась, как бы вспомнив что-то, обернулась и обратилась к Вадиму.

– Вадим, кончай пить водку, тебе тоже хватит, а то сподобились на пару с моим мужем. Пойдем лучше, поможешь мне приготовить чай.

Вадим кивнул головой и тоже поднялся. Он подошел к Раечке, и они вместе скрылись в доме. На их уход не обратили особого внимания. Большинство присутствующих были заняты разговорами, кое-кто все еще допивал остатки. Некоторые из тех, кто проследил за ушедшей хозяйкой, неодобрительно покачали головами.

Я подумал, что наш гостеприимный хозяин будет следующим кандидатом на освободившееся после Сереги место в нашем общежитии. Евлампий, наверное, уже ходит кругами где-то поблизости, а Тихон диктует Эллочке приказ о зачислении Арика на должность руководителя музыкального кружка. А, может быть, Тихон даже решит создать из заключенных симфонический оркестр. Да нет, поправил я себя, вспомнив характерный непритязательный юмор моего чертова работодателя, скорее уж не симфонический, а камерный, с зарешеченным окошком. Но, в конце концов, я не могу всю жизнь заниматься тем, чтобы исправлять исковерканные судьбы. У меня есть конкретная цель, и пора вплотную ей заняться.

Я мягко отстранил Каценовича от управления собственным телом, и тот привычно уснул. Я обвел глаза-

ми компанию в поисках Сергея. Он, как обычно, сидел у угла стола. Танюша пересела к кому-то из подружек, сидевшие рядом с ним тоже разбрелись, и вокруг него образовалось пустое пространство. Сергей как будто не замечал этого. Он сидел в одиночестве, курил эти ужасные местные сигареты без фильтра в красной бумажной пачке, и прислушивался к разговорам вокруг. Я решил воспользоваться ситуацией и подсел к нему.

Сергей мне искренне обрадовался. Он взял со стола две рюмки и наполнил их. Одну взял сам, вторую протянул мне:

– Давай выпьем за знакомство. У тебя отличные песни, мне понравились.

Я поблагодарил, и с сомнением посмотрел на водку. На мой взгляд, выпито было уже более чем достаточно:

– А может, не стоит? Раечка сейчас чай принесет.

Сергей хмыкнул в ответ:

– Пока она принесет чай, мы целую бутылку успеем приговорить. Ты так и не понял, что происходит?

Я сделал вид, что начинаю догадываться, и неуверенно спросил:

– Ты хочешь сказать, что Раечка и Вадим...

– Ну да. Райка совсем охамела. Раньше она никогда у себя дома ничего Вадиму не позволяла. А теперь смотри, что вытворяют. Прямо у всех на глазах. Напо-

или Арика, чтоб не мешал. Так что не рассчитывай на чаек, пей то, что есть.

Я решил не развивать тему – тем более что Сергей спохватился, и уже сам жалел, что завел разговор на такую тему с малознакомым человеком. Мы молча выпили. Момент для меня оказался самым подходящим. Неожиданно выяснилось, что после такой серьезной и длительной подготовки в самый решающий момент операции я не знал, что делать. Разговор предстоял тяжелый. Я не профессиональный психолог и не умею вести такие серьезные разговоры. Совсем некстати я вдруг вспомнил, что Сергей чуть не заехал по морде Виктору, а ведь тот был именно психологом. Я мучительно размышлял, как мне себя вести, с чего начать.

Внезапно понял, что мне больше не надо ничего делать самому. Я вспомнил, как до сих пор работала моя магия. Я все подготавливал и давал указание на конечный результат. Дальше все происходило как бы без моего непосредственного участия. Более того, мои самые первые магические опыты ясно предостерегали, что мне категорически нельзя заниматься проработкой мелочей – только руководство на самом общем уровне. Поскольку мой визит в эту теплую компанию, и особенно – предстоящий разговор с Сергеем, были результатом моего магического вмешатель-

ства, то логично будет предположить, что когда действие вошло в свою завершающую стадию, мне следует просто выпустить на свободу давно созревшую магию и предоставить ей действовать самостоятельно, – благо, до сих пор она прекрасно понимала, что от нее требуется.

Так я и поступил. Я попытался высвободиться из тела Каценовича и превратиться в свободного внешнего наблюдателя. В то же мгновение я обнаружил, что смотрю на мир уже не глазами Каценовича, а наблюдаю всю картинку с небольшого расстояния сверху. Я понял, что нашел правильное решение и скомандовал оставшемуся внизу Каценовичу: «Давай!». В ту же минуту я увидел, как мой бывший медиум повернулся к Сергею и стал что-то говорить ему. Скорее всего, это тоже был не Каценович, а до сих пор непонятное мне магическое существо, которое я условно называл в своем кабинете компьютером. Думаю, что именно этот потрясающий парень и взял на себя всю самую тяжелую часть работы. Мне оставалось только наблюдать за собеседниками со стороны. Я так нервничал, что даже не пожелал ничего слышать и «выключил звук», после чего мне оставалось только догадываться о происходящем внизу по внешним проявлениям.

Разговор оказался долгим. Некоторое время Сер-

гей с недоумением смотрел на Каценовича, который усиленно пытался что-то ему объяснить. В самый критический момент, когда Сергей, похоже, собирался прекратить разговор, Каценович достал из кармана чехла тетрадку. Сначала он просто положил ее на стол и серьезно предупредил о чем-то Сергея. Сергей нетерпеливо кивнул и взял ее в руки. Он открыл ее, пролистал и положил обратно. Посмотрел на Каценовича и что-то спросил. Каценович ответил, затем налил большую рюмку водки и протянул ее Сергею. Тот машинально выпил и снова взял в руки тетрадь. Он листал страницы, потеряв чувство времени, забыв о том, где находится. Наконец, Каценович прервал его чтение. Им нужно было еще о многом поговорить. Я не стал следить за разговором и мысленно пожелал перенестись по времени в его конец.

Разговор, судя по всему, занял не менее часа. Часть гостей к этому времени разошлась, оставшиеся пили чай. Раечка и Вадим сидели за столом, на их лицах блуждали довольные улыбки. Я присмотрелся к Сергею. По его виду понял, что он сумел справиться с шоком и принял всю свою историю. Он изменился на глазах. Его рука непроизвольно поглаживала корешок тетрадки, он сидел, выпрямившись, в его позе была видна готовность к немедленным действиям. Главное, что в нем изменилось – были его глаза. Я при-

смотрелся внимательно. Я прежде не видел у него такого взгляда: ни у этого Сергея, который сидел здесь за столом, ни у того, с которым я познакомился в своем общежитии в Аду. Взгляд был чистый, ясный, он не был больше направлен вглубь собственной беды. Это был взгляд человека, перед которым расстилась безоблачное счастливое будущее.

Сергей медленно поднялся из-за стола и крепко пожал руку Каценовичу. Он подошел к Вадиму и прошептал тому на ухо. Вадим встал, и они отошли в темный угол двора. Раечка, почуяв неладное, увязалась было за ними, но тотчас же вернулась обратно, остановленная резкими словами обоих мужчин. Когда они остались одни, Сергей негромко сказал пару фраз, затем о чем-то спросил Вадима. Тот кивнул головой, и тут Сергей неожиданно резко с силой ударил Вадима в челюсть. Вадим упал, не издав ни звука. Сергей подхватил обмякшее тело под мышки и заботливо усадил на землю, прислонив спиной к забору. Затем вернулся к столу, попрощался со всеми, обнял удивленную Танюшку и пошел к калитке. Раечка молча пошла проводить их. Она открыла им дверь, и только там решила спросить о Вадиме. Сергей молча показал ей, где валяется ее любовник, и так же молча вышел, увлекая за собой свою жену.

Дело было сделано. Судя по всему, я даже перевы-

полнил план. Было ясно, что после такого объяснения Вадим больше никогда не перешагнет порог этого дома. Раечка тоже поняла, что следующий удар в челюсть достанется ей. Конечно, будут слезы, трагедии и скандалы. Когда Раечка окончательно поймет, что проиграла, она начнет мстить Сергею тем, что попытается настроить против него своего мужа. Но это уже были не мои заботы. С такими проблемами мои мужики справятся сами. Главное я сделал: ни Серегу, ни Арика чертям теперь не видать.

Можно было возвращаться, но я еще долго следовал за Сергеем и Танюшкой. Они шли, держась за руки, по ночному городу, и увлеченно о чем-то говорили. Я не стал подслушивать. Я просто смотрел на двух счастливых, влюбленных друг в друга и в саму жизнь молодых людей. Они прошли мимо станции метро и двинулись дальше. Я знал, что так они будут идти до самого дома, часа два, не меньше, но это будут для них самые счастливые часы с момента их первой встречи.

Глава 20

Маграт невольно вздрогнула.

– А кого здесь бояться? – переведя дух, поинтересовалась она.

– Нас, – надменно молвила матушка.

(Т. Пратчетт, «Вещие сестрички».)

Домой я вернулся совершенно измученный. Здесь тоже был поздний вечер. День получился чересчур насыщенный. Я решил отложить все оставшиеся дела на завтра и отправился спать. Проснувшись утром, вспомнил, что сегодня понедельник. На работу я решил не идти. Первым делом мне надо заглянуть в общагу и посмотреть, как там дела. Я надеялся, что Сергею там уже не застану. Если верить в теорию моего компьютера, то он должен был исчезнуть примерно в тот момент, когда другой Сергей на Земле поднялся из-за стола после разговора с Каценовичем, захватил с собой тетрадку с рукописью книги и отправился домой. В этот момент «вилка» истории должна была исчезнуть, и два Сергея, слившись в одно, стали полноценной личностью. В этом я и хотел убедиться. Кроме того, в общаге оставалась Маринка, которая наверняка удивлена исчезновением Сергея. «Да, – подумал я, – потерять двух любимых мужчин за одни сутки –

это уже чересчур. Поэтому поторопимся...». Я быстро оделся и выскочил из дома. Идти к телефонной будке я не стал, а просто на миг закрыл глаза и тут же открыл их, без удивления обнаружив, что стою напротив здания общежития.

Здесь тоже была зима. В воздухе висела промозглая сырость, дул противный холодный ветер, который, казалось, продувал меня насквозь, несмотря на теплую пуховую куртку. Ветер принес с собой затхлый воздух, которого я никогда раньше здесь не замечал. В отличие от моих белоснежных Альп, снег вокруг здания общежития имел отчетливый индустриально-серый оттенок. Местами виднелись талые проплешины; в этих местах из-под снега проглядывала бурая мокрая глина. Стараясь не попасть в грязь, я вошел в здание. Что-то неуловимо изменилось в нем. В пустом коридоре было тихо. Там стоял специфический запах опустевшего жилья. Остро пахло то ли французским деликатесным сыром, то ли грязными носками.

Я прошел на кухню. Там никого не было. В раковине, как обычно, лежала грязная посуда; на столе сиротливо стоял Сережин красный чайник. Возле чайника стояла полная окурков консервная банка, приспособленная под пепельницу. Других следов человеческого пребывания на кухне я не обнаружил. Я прошел до двери в комнату Марины и Сергея и открыл ее,

заранее зная, что я там увижу. Комната была пуста. На полу валялись рубашка, носки и прочие предметы мужского и женского туалета. Дверцы шкафа были распахнуты настежь, демонстрируя царивший там беспорядок, постель была смята и не застелена. Создавалось впечатление, что жильцы только что вышли, буквально на минутку, и сейчас же вернутся обратно. Однако я знал, что это не так. Отсюда все ушли. Спектакль закончен, сцена опустела, артисты разошлись по домам.

Сцена? Артисты? Почему у меня возникла такая ассоциация? И кто режиссер этого дурацкого спектакля?

– Кхе-кхе! А вы так и не поняли? – раздалось за моей спиной. – Вы ведь с самого начала прекрасно знали, что происходит. Только вот не дали себе труда хорошенько подумать.

– Евлампий, это вы? – спросил я, оборачиваясь. – Это что, ваша очередная проделка?

– Все проделки здесь целиком ваши. Что вы смотрите на меня как ребенок, у которого сломалась игрушка? Сначала сами придумали себе компаньонов по общежитию, потом вам стало с ними скучно, и вы решили переехать в собственный дом. А игрушки забыли на старой квартире. Вот они и убежали, кхе-кхе...

– Что вы мне морочите голову, Евлампий? При чем

здесь игрушки? Они ведь нормальные живые люди!

– Нормальные они или нет, а тем более, живые ли вообще – это вам, конечно, виднее. Только отправили вы их прочь отсюда, так и забудьте. Пусть живут у себя дома, как прежде. А вы больше их не трогайте. И вообще, Александр, что-то вы разошлись. Вам положено сидеть возле компьютера и нажимать на клавиши. Вот и сидите себе!

– Вот вас только забыл спросить, где мне сидеть и на что нажимать. Откуда вы взялись на мою голову? Знаете, я тоже сейчас отправлюсь домой. Надоело мне здесь!

– Потерпите, милейший, потерпите! Не все так быстро. Сначала отработайте положенное по контракту. А потом поговорим, может быть, и отпустим вас.

Евламгий взял пустой стул, поставил его спинкой вперед и уселся на него верхом.

– Куда же вы собрались так рано? Нам только-только начало все это нравиться. Только, можно сказать, обжились, а вы уже уходите. Так не годится, любезнейший. Вы нас создали, теперь извольте терпеть.

Я устался на Евлампия. Вот она, та мысль, что не давала мне покоя с самого появления черта в моей квартире в Иерусалиме. Она периодически возникала у меня все время, пока я был здесь, но я никак

не мог додумать ее до конца. Теперь все уложилось окончательно. Все стало ясно.

Действительно, достаточно внимательно приглядеться к тому, что меня окружало в этом мире. Кажется, я должен был увидеть здесь столько нового и необычного! На самом же деле, я не встретил ничего такого, о чем бы раньше не читал или подсознательно не представлял себе. Все, что я здесь увидел, уже было где-то описано; все окружающее было позаимствовано частично из книг и фильмов, частично – из моих собственных страхов, надежд или просто размышлений о потусторонней жизни.

Если внимательно рассмотреть весь этот мир – эту тюрьму, где грешников мучают телевизором; чертей, сидящих за компьютерами; выпивающих и закусывающих ангелов, – все это и раньше жило в моем подсознании. И в момент стресса выплеснулось наружу с такой силой, что приобрело материальные очертания.

Мое подсознание сотворило целый мир, и я ушел туда, прячась от обид и напастей окружающей меня реальности, нырнул с головой, как в омут. И этот мир затянул меня. Он стал живым, осязаемым, и ему совсем не хочется снова исчезнуть, превратившись в призрачную нематериальную субстанцию, из которой он материализовался неделю назад.

Я огляделся вокруг. Действительно, как я раньше не сообразил?.. Все, что я видел, все, что творил сам, уже жило во мне раньше. Все было узнаваемым. Значит, действительно, это мое подсознание сыграло со мной злую шутку!

Тем лучше. Этот мир выполнил свое предназначение. Я сильно изменился за последнюю неделю. Теперь можно и возвращаться. Не существует прежнего Сашки-букашки, не зря, видимо, меня так дразнили в школе. А существует теперь только Александр Леонидович, будьте любезны именно так, по имени-отчеству, хоть это и не принято это в нашем демократичном, плохо воспитанном Израиле. И будьте любезны расступиться, когда дорогой Александр Леонидович начнет строить свое земное, реальное, а не выдуманное счастье. Не нужен мне больше мой альпийский домик со всеми его прелестями, не нужны ни черти, ни ангелы, ни Ад, ни Рай. Спасибо тебе, подсознание, выручило, вылечило. А теперь – будь добро, подвинься, хозяин возвращается на свое законное место.

Я повернулся к Евлампию:

– Что ж, будем прощаться. Мне пора домой. Подсознание – вещь хорошая, но засиживаться у вас я больше не собираюсь.

Евлампий вскочил со стула:

– Ага, значит догадался? В таком случае тебе же

хуже. Решил, что мы тебя так просто выпустим? Чтобы, значит, ты пришел в себя и забыл весь наш мир? А мы просто должны будем исчезнуть, и все? Мы категорически не согласны. Нам, понимаешь ли, понравилось существовать! Никуда ты отсюда не уйдешь!

Черт начал увеличиваться в размерах. Стена позади него исчезла, и на ее месте выросла шеренга чертей, за ней другая, третья. Черты были вооружены как попало, – видимо, схватили впопыхах, что успели. В первом ряду стоял черт в полном облачении римского легионера – с коротким мечом и большим квадратным щитом; другой, рядом с ним, был перевязан пулеметными лентами и держал наперевес невероятных размеров реквизитный автомат. Стоявшие по бокам от них черты размахивали огромными корявыми дубинками. Еще дальше черты были вооружены уже совсем кое-как. Некоторые сжимали в волосатых лапах отломанные ножки от стульев, виднелись даже метлы и швабры. Тем не менее, вид у войска был самый что ни на есть злодейский.

Я рассмеялся, спокойно поднял опрокинутый стул и уселся на него. Не торопясь, сотворил из воздуха гаванскую сигару, аккуратно обрезал концы, достав из кармана элегантную сигарную гильотинку, и тщательно раскурил. Черты, недовольно бормоча что-то невнятное, остановились невдалеке. Евлам-

пий уменьшился до своих обычных размеров и устался на меня. Я снисходительно посмотрел на него:

– Уберите свое потешное воинство, Евлампий. Вам нельзя воевать со мной. Без меня вы не существуете. Если вы убьете меня, то ваш мир исчезнет окончательно и бесповоротно.

– А-а, ты и об этом догадался? Но ничего, убивать тебя мы не станем. А вот поучить уму-разуму стоит!

– Да не кипятитесь вы! Вы же все равно не сможете меня ничем удивить. Вы – порождение моего подсознания и, следовательно, не придумаете ничего принципиально для меня нового или неожиданного.

– А вот это мы сейчас посмотрим, – прорычал окончательно озверевший Евлампий. – Взять его!..

Черти нестройными рядами бросились в атаку. Я вытянул вперед указательный палец, прочертил перед собой в воздухе горизонтальную линию, и черти уперлись в невидимую стену, отгородившую меня от них. Пока они барахтались, пытаюсь пробиться сквозь преграду, я набрал полный рот дыма и выдохнул его в сторону нападавших. Сигарный дым окутал все войско и начал медленно таять в воздухе. Вместе с дымом, отчаянно вереща, неторопливо растаяли и черти. Мы снова остались с Евлампием одни.

– Ничего, ничего, – прохрипел он. – У меня еще много таких, тебе на всех сигар не хватит. Замучаешься

дымить. Все равно отсюда ты никуда не уйдешь.

И это было правдой. Все время, пока продолжался этот военно-патриотический балаган, я пытался уйти из мира своего подсознания и вернуться в реальность. Но у меня ничего не получалось. Мои способности здесь были почти безграничны, но и их оказалось недостаточно для того, чтобы вернуться домой. Для этого мне нужно было полностью разрушить окружающий мир. Но разрушение этого мира, находясь в нем, означало и разрушение собственного подсознания. Это было равносильно самоубийству. Нужно добиться, чтобы мое подсознание отпустило меня само, по собственной воле.

– Да перестаньте вы рычать, – обратился я к Евлампии. – Не видите, что ли, у нас сложилась патовая ситуация. Вы не можете меня уничтожить, а я не могу уйти отсюда. Давайте заключим пари. Как положено, устроим состязание один на один. Если я выиграю, этот мир меня отпускает, если проиграю, то остаюсь с вами здесь. Согласны?

Евлампий помолчал, обдумывая мое предложение и, видимо, консультируясь с остальными.

– А как же мы будем сражаться? – наконец, спросил он. – Вы же сами видите, убить вас нельзя.

– Я не собираюсь устраивать богатырские единоборства и рыцарские турниры. Сейчас не то время.

Давайте сыграем в какую-нибудь спортивную игру... Ну, я не знаю, в футбол или в теннис. Кто выиграл, тот выиграл. Просто и честно.

Евламий опять задумался, потом сообщил:

– Мы согласны.

– Только без этих ваших штукек, – начал я, но закончить уже не успел.

Меня оглушил страшный рев. Вокруг было зеленое поле огромного стадиона. Многоярусные трибуны были заполнены до отказа. На правой трибуне толпились черти. Они размахивали руками, танцевали и пели что-то неразборчивое, но явно непристойное. В толпе среди болельщиков бегали черные лохматые чертята и раздавали всем желающим бутылки с алкогольным наполнителем. Черти хватали бутылки, одним глотком вливали в себя содержимое, продолжая хулиганить с еще большим воодушевлением. Пустые бутылки непрерывным потоком летели с трибун в мою сторону и разбивались о массивную, чугунного литья узорчатую ограду, отделявшую поле от трибун. На левой трибуне болельщики, как один, были одеты в белоснежные балахоны; у многих над головами горели нимбы. Крылья за спинами беспрестанно хлопали, белые перья мелькали в воздухе, и от этого казалось, что над трибуной кружится снежная метель. Ангелы тоже не являли собой пример для учеников воскрес-

ной школы. По их трибуне точно так же бегали чертята с бутылками, ангелы раскуривали самокрутки с марихуаной и выкрикивали непристойности. Над трибунами прямо в воздухе висело огромное табло. На табло ярким огнем пылала надпись «Я: Они». Под ней большими огненными буквами был выведен счет «0: 100».

Перекрывая гул толпы болельщиков, раздался свисток судьи. Команда чертей в костюмах игроков американского футбола готовилась разыграть очередную комбинацию. Черти были как на подбор: высокие и здоровенные, казавшиеся еще больше и страшнее в своих многочисленных щитках, наплечниках, налокотниках и наколенниках. На головах у всех были надеты шлемы, из прорезей которых угрожающе виднелись концы наточенных до блеска рогов. Капитан команды чертей выстроил их в шеренгу вдоль меловой линии на траве. Черти наклонились, упершись лапами в землю и выставив вперед рога. Они били себя хвостами по бокам и рыли землю копытами. Судья в черной бакалаврской мантии и такой же квадратной шапочке выпускника Оксфорда передал капитану мяч.

Меня, как и чертей, было одиннадцать. Я расставил себя так, чтобы каждый оказался напротив одного из чертей. Капитан противника ударил по мячу и тот, высоко взлетев в воздух, отправился в сторону моих ворот. Вслед за мячом на мою половину поля устре-

милась вся команда чертей. Одиннадцать чертей и одиннадцать меня одновременно столкнулись, и десять пар тут же попадали без сознания. Я в последний момент уклонился от столкновения с капитаном, и сделал ему подножку, когда он пронесся мимо. Пока черт с проклятиями поднимался с изрытого копытами газона, я, не оборачиваясь, поднял правую руку вверх и завел ее за спину. Рука вытянулась на всю длину поля и поймала мяч в нескольких сантиметрах от моих ворот. Я крепко зажал мяч в кулаке и дал руке вернуться в нормальное положение. Возвращаясь, рука с огромной скоростью бросила мяч в ворота команды чертей.

Несмотря на регбийное обмундирование чертей, ворота на поле стояли обычные, футбольные. В воротах метался чертенок в черном трико и серой вратарской кепке, какие вратари носили в сороковые годы. Кепка была слишком большого размера и постоянно съезжала ему на глаза. Но проблема вратаря была не в этом. Он метался в воротах, мучительно пытаясь решить стоящую перед ним проблему: спрятаться от пуль летящего в него мяча или исполнить свои вратарские обязанности и, несмотря на очевидную опасность, попытаться этот мяч отбить. Судьба распорядилась сама. В последний момент чертенок струсил и попытался спрятаться. В тот же миг мяч резко изме-

нил направление и отправился вслед за вратарем. Он впечатался черту прямо в грудь, поднял его в воздух, влетел вместе с ним в ворота, пробил насквозь сетку и, взмыв высоко в воздух, исчез из виду где-то вдали.

Трибуны возмущенно засвистели. Судья остановил игру. На поле выскочили кривляющиеся черти, одетые в костюмы хирургов, с марлевыми повязками на пятках. Команда ангелов в оранжевых жилетах вывезла на поле двадцать хирургических столов, по числу валявшихся без движения на поле игроков. Каждого из них подняли и уложили на стол. Хирурги заняли свои места над пациентами и, вооружившись кто скальпелем, кто огромным мясницким ножом, а кто и топором, приступили к делу. Не обращая внимания на крики пациентов, хирурги принялись с невероятной быстротой отрезать раненым конечности. Особенно старался черт, чей стол стоял ко мне ближе всех. Он не разменивался по мелочам, а, вооружившись бензопилой «Дружба», аккуратно нарезал лежавшего перед ним на столе черта ровными поперечными ломтиками, подобно тому, как режут на стейки в супермаркетах тушку индейки.

Оказание медицинской помощи было завершено. Пациентов сложили в огромные плетеные корзины и унесли. Судья поставил меня и капитана команды чертей в центре поля и объявил штрафной удар. Вме-

сто мяча судья достал из-под мантии пушечное ядро и передал его черту. Тот схватил ядро, зарычал, размахнулся, и со всей силы метнул его прямо мне в грудь. Засвистел разрываемый снарядом воздух, трибуны взревели. Я видел, как ядро покраснело, расклавшись от скорости.

Теперь настала моя очередь. Неуловимое движение руки – и ядро превратилось в теннисный мячик. Мы с чертом находились на центральном корте стадиона Уэмбли. Я слегка отклонился вправо и нанес блестящий удар с лета. Мячик перелетел через сетку и приземлился на другой половине корта. Застигнутый врасплох черт все же успел добежать и отбить мяч невысокой свечой. Я вышел вперед к сетке. Не дожидаясь, пока мяч опустится, я поднял ракетку и исполнил классический удар над головой. Мяч с бешеной скоростью приземлился на половине черта и, не отскакивая, ушел под землю. Трибуны зааплодировали. Возмущенный черт отправился к судейской вышке и, усиленно жестикулируя, начал что-то объяснять судье. Судья отрицательно покачал головой и жестом показал, что сейчас моя подача. Из-за моей спины выскочил чертенок и вручил мне новый мяч. Я подбросил мяч, размахнулся и ударил. Мяч удачно приземлился в угол квадрата, но черт угадал направление удара и был готов к приему подачи. Он радостно за-

рычал и нанес свой удар по мячу...

Раздался вой реактивного двигателя. Прямо на меня надвигалась ракета. Я взял штурвал на себя и выполнил маневр ухода. Пятикратная перегрузка вдавила меня в кресло, в глазах потемнело, затрещали суставы, заныли уставшие сухожилия, мышцы сбились в комок. Я выровнял самолет и развернулся для нового захода на цель. Двигатель, выведенный на максимальные обороты, ревел как сумасшедший. Болельщики на трибунах разошлись окончательно. Они запускали в воздух воздушные шары и дирижабли с нарисованными на них рекламными слоганами стиральных порошков и лозунгами «Мы победим!». Обогнув один из таких шаров, я увидел, как на меня стремительно надвигается самолет противника. Мы шли навстречу друг другу. Я непрерывно жал на гашетку пулеметов, залпом выпуская бортовые ракеты. Но снаряды проходили мимо, и самолеты неумолимо сближались. В последний момент, избегая лобового столкновения, мы попытались разойтись. Крыло вражеского самолета снесло фонарь моей кабины и врезалось мне в нижнюю челюсть.

Я устоял после удара. Сделав нырок, вошел в клинч и попытался восстановить дыхание. Судья развел нас и скомандовал продолжать бой. Я с трудом дышал, перед глазами плавали красные круги. В тесном зале

набилось огромное количество зрителей. Черты оглушительно топали и свистели. Ангелы были по-прежнему одеты в свои белые балахоны, но теперь вместо нимбов на головах у них были одинаковые черные котелки. Почти все непрерывно курили огромные сигары, и над рингом висела сиреневая мгла. Воздух казался почти осязаемым, кислорода в нем для моих измученных легких не хватало. Мой противник был не в лучшем состоянии. Ему здорово досталось. Под левым глазом у него наливался краснотой огромный синяк, одного рога на голове не хватало, хвост был наполовину оторван. Лапами в перчатках он отчаянно молотил воздух перед собой, окончательно потеряв способность ориентироваться. На плохо слушающихся ногах я пошел вперед. Я легко ушел от удара левой, проскользнул под его правой лапой и, очутившись перед открытым противником, нанес последний, окончательный удар снизу в челюсть. Удачно проведенный апперкот приподнял черта в воздух. Затем он грохнулся всем телом на настил. Судья отодвинул меня и стал считать, выбрасывая руку с раскрытыми пальцами перед лицом черта, который все равно ничего не видел и не слышал. После счета «десять» раздался гонг. Трибуны заревели. Ничего не видя вокруг себя, почти теряя сознание, я наугад побрел в свой угол и упал на подставленный табурет. Я облокотился на

канаты и откинул назад голову. В глазах окончательно потемнело, шум трибун слился в монотонное жужжание. Я почувствовал, как кто-то положил холодную влажную губку на мой пылающий лоб...

Глава 21

*Со мною происходит нечто ужасное...
Доброе что-то – такой страх! – что-то
доброе проснулось в моей душе.
(Е. Шварц, «Обыкновенное чудо».)*

Я открыл глаза. Я сидел, откинувшись на спинку дивана, в небольшой, типично израильской гостиной. Надо мной склонилась интересная молодая женщина. Она вытирала мне лоб мокрой губкой. Женщина казалась мне смутно знакомой, но я никак не мог вспомнить, где мог ее видеть. В голове еще перекачивались волны криков чертей-болельщиков.

– Где я? – не придумав ничего лучше, осведомился я.

– Ну, слава богу, очухался, – облегченно вздохнула женщина. – Ты знаешь, мне сестра говорила, что если человек потерял сознание, а потом вернулся в себя и спросил «где я?», то значит с ним все в порядке.

– А разве спрашивают что-то еще? – автоматически спросил я. Какая-то зараза, сидящая во мне, иногда заставляет меня выдавать подобную чушь в самое неподходящее время. Однако неизвестная собеседница всерьез задумалась над моим вопросом. Затем рассмеялась, прижалась ко мне и поцеловала:

– Опять прикалываешься, да? Ой, я так испугалась! Ты сидел со мной рядом, мы смотрели телевизор, вдруг ты побледнел, откинулся на спину и потерял сознание. Я тебя и по щекам била, и водой брызгала, думала уже скорую вызывать...

– Не надо скорую, я в порядке, – мужественно пробормотал я, чувствуя, однако, что все еще нахожусь на грани возвращения в обморок. – А что ты сейчас говорила про водичку?

В руках у моей спасительницы появился стакан воды со льдом. Я взял его и, не торопясь, выпил. Ледяная вода произвела свое обычное лечебное действие. Я почувствовал, что прихожу в себя. В голове еще кружились смутные воспоминания о чертях и ангелах, там были и Ад, и Рай, и что-то еще. Однако мысли быстро таяли, как тает утренний сон после внезапного пробуждения. Казалось, еще мгновение назад он был такой ясный и осязаемый, он был вокруг, он был реальностью, и вдруг он рассеивается на глазах, и ты не успеваешь ухватиться за него, как он исчезает без следа. Остается только ощущение, что был сон, а потом и оно проходит. Так случилось и с моей памятью. Примерно с минуту я сидел и наблюдал, как в моей голове кружился дикий хоровод из событий прошедшей недели.

Затем мысли стали путаться, яркая поначалу кар-

тинка стала тускнеть, таять, все завертелось в огромном водовороте, втянулось в гигантскую воронку и исчезло. Я сидел, пытаюсь понять, вспомнить что-то очень важное, – то, что я только что знал и помнил. Но память отказывалась подчиниться. В голове образовалась странная пустота, которая стремительно заполнялась новыми воспоминаниями. Я уже не удивлялся тому, где нахожусь. Женщина рядом со мной была не просто чем-то мне знакома, – это была Ира, моя любимая Иришка, и это был ее дом в Тель-Авиве, и я жил в нем уже целую неделю, и собирался с удовольствием жить там и дальше, хотя скоро мы купим себе что-нибудь попримичнее.

Память восстанавливалась частями, но главное я уже знал. Поэтому я наклонился, поцеловал озабоченную Иришкину мордочку, попросил больше обо мне не беспокоиться и дать мне еще пару минут, чтобы окончательно прийти в себя. А сам закрыл глаза, откинулся на спинку дивана, расслабился и стал приводить в порядок свои воспоминания. Вспоминалось медленно, как будто я читал книгу или смотрел кино. Книга оказалась настолько интересной и приятной, что я не спешил перелистывать страницы, а как бы заново проживал каждый эпизод.

Постепенно я вспомнил все события прошедшей недели. После того, как я сообщил жене и теще об

увольнении, и мы так славно побеседовали, я вернулся в свой кабинет. Решение пришло быстро. Даже удивительно, почему я так долго ждал. Я взял телефон и набрал номер отдела кадров своей бывшей работы. Ответила мне все та же импозантная женщина. Вначале она говорила очень сухо и настороженно, боясь, что я начну что-то выяснять или требовать. Узнав суть моей просьбы, она смягчилась настолько, что без дополнительных просьб выдала мне все информацию, которую я у нее попросил. Она даже добавила, что, вообще-то, такие данные разглашать не положено, но она меня понимает. К концу разговора мы расстались почти друзьями.

Информацию мне нужна была, действительно, не самая секретная. Я просто попросил дать мне домашний адрес бывшей сотрудницы Ирины Свердловой, той самой Иришки, с которой я ходил обедать на работе, и которую уволили вместе со мной. Адрес меня удивил: оказалось, что Ира жила в Тель-Авиве. Теперь мне стала понятна причина истерики, случившейся с ней во время увольнения. Девчонка ездила каждый день из Тель-Авива на работу в промзону под Иерусалимом, а это – минимум пара часов в одну сторону.

Теперь я мог действовать. Не торопясь, включил компьютер и сбросил все личную информацию, нако-

пившуюся там, в свою электронную записную книжку. Затем сказал «прости, друг, так уж вышло» и включил команду форматирования диска, – команду, которая сотрет с компьютера абсолютно все. Я в последний раз обвел глазами свой кабинет, полки с книгами, компьютер, который по моей команде потихоньку превращал себя в полного идиота. Я набросил на себя куртку, положил в карман кошелек с документами. Взял брелок с ключами от квартиры, подумал, и положил его на видное место на столе. Затем еще раз огляделся. Все, что мне действительно необходимо, было на мне. Как мало, оказывается, нам нужно в жизни! Не оттого ли мы обрастаем вещами и имуществом, чтобы обмануть себя, придать себе вес в собственных глазах и, что еще важнее, в глазах окружающих? А потом оказывается, что все это легко можно оставить и продолжить жить налегке.

Я вышел из комнаты и прошел к входной двери. В гостиной все было спокойно, женщины сидели на диване и смотрели продолжение фильма. Я открыл дверь и тихо прикрыл ее за собой. На автобусе я добрался до Тель-Авива. Прямо на выходе с автобусной станции я увидел то, что искал. На бордюре тротуара сидел старик араб. Перед ним стояло ведро с розами. Это были не те стандартизированные надменные бутоны на тонких стебельках, какие прода-

ют в магазинах. С точки зрения цветочной индустрии, это была «не кондиция». У цветов были толстые кри-вые стволы с настоящими колючими шипами. Розы уже полностью распустились, и стояли во всей своей красе. У них были огромные махровые лепестки ред-кого цвета: желто-кремовые, с переходом в розовый. Раскрывшиеся цветы были размером с головку мла-денца. Каждая роза светилась изнутри как маленькое солнышко. Не торгуясь, чем, видимо, сильно обидел старика, я купил у него все, что оставалось в ведре. Огромный букет он завернул мне в толстую серую бу-магу, которая только и могла защитить от шипов на стеблях.

Всю дорогу от автостанции до Ириного дома я про-шел пешком. Я не думал о том, что и кого у нее заста-ну. Я делал то, что считал нужным; то, что, как пони-мал теперь, должен был сделать еще два года назад, когда впервые увидел Иру на работе. Букет я нес пе-ред собой, как знаменосец на параде несет знамя. Не оттого, что был так им горд, просто на вытянутых ру-ках шипы, казалось, не так кололись. Удивленно-вос-торженные взгляды прохожих убеждали меня в том, что я все делаю правильно.

Следующим ярким и приятным воспоминанием бы-ла Иришка с розами. Она еле удерживала в охапке огромный букет. Я видел лишь ее макушку, потому что

лицом она зарылась в розы. Периодически она поднимала голову и смотрела на меня счастливыми глазами, на которых еще не просохли слезинки. Я понял, что безумно люблю эту маленькую женщину: потрясающую, удивительную, сохранившую детскую способность мгновенно переходить от плача к радостной улыбке.

Я открыл глаза. Иришка сидела на диване боком, поджав под себя колени, готовая в любую минуту спрыгнуть с дивана и снова бежать спасать меня.

– Иришка, любимая моя, иди сюда. Все прошло. Ты знаешь, я в какой-то момент не узнал тебя. Я забыл все, что с нами произошло.

– Сумасшедший... – Ира нежно прижалась к моему плечу. – Разве такое можно забыть? Хочешь, я расскажу тебе все-все? Я ведь помню каждую минуту с того самого момента, когда ты появился на пороге с этими розами!..

– Расскажи, – попросил я ее, хотя уже и сам все вспомнил. Я чувствовал такую радость от этих воспоминаний, что хотел прожить их еще раз. Вместе с Иришкой, конечно.

– Мы вышли из дома и отправились бродить по ночному Тель-Авиву. Этот город создан для того, чтобы гулять по нему ночью. Мы забрались на крышу небоскреба и смотрели на звезды, и на пролетающие

низко-низко огромные красивые самолеты. Помню, ты еще сказал, что так и не возьмешь в толк, почему они летают и не падают.

– А ты объяснила мне, что они летают, потому что им это нравится. Потому что в жизни нужно делать только то, что нравится, и тогда будешь лететь и не падать. А если пересиливать себя и заставлять делать что-то совсем другое, не твое, вот тогда и шлепнешься на землю, и разлетишься на кусочки. А, скорее всего, просто не взлетишь.

– А потом мы спустились вниз и пошли к морю. Оно было ночное, серое, урчащее. Мы сняли туфли, и босиком пошли по пляжу. Мы дошли до самой воды, где песок мокрый и твердый, и волны ласкали наши ноги.

Я взял инициативу в свои руки.

– Утром ты сказала, что испечешь яблочный пирог, но для этого тебе нужны кислые яблоки. И мы отправились на рынок за яблоками. С рынка мы возвращались другой дорогой, через парк, чтобы прогуляться. По дороге мы почувствовали, что здорово проголодались, и слопали все яблоки. Мы шли по дорожкам парка, держась за руки, жевали кислые-прекислые яблоки, от которых на зубах появлялась оскомина, и хохотали как сумасшедшие. На нас, наверное, оборачивались, но мы не замечали этого. Весь мир принадлежал только нам. А мы, его владельцы, были настолько

щедры, что делились этим миром с окружающими. Мы излучали счастье и радость; мы наслаждались каждым мигом нашего существования и охотно раздавали эту радость встречным прохожим. Съеденные яблоки только усилили наш продовольственный кризис. Выйдя из парка, мы чуть ли не бегом ворвались в ближайший ресторанчик и заказали две самые большие порции. Официант как-то странно посмотрел на нас, но принял заказ, и через двадцать минут мы стали обладателями двух кусков мяса, каждого из которых хватило бы на обед команде футболистов. Мы снова прыснули от смеха и набросились на еду. Немного здравого смысла в нас все же сохранилось, потому что мы ели только одну порцию, зато прикончили ее целиком, чем заслужили уважение официанта, с любопытством за нами наблюдавшего. Потом мы еще долго сидели за кофе, отдуваясь и вытирая пот со лба. Вторую порцию нам завернули в фольгу, и мы унесли ее с собой. Потом мы ели ее целую неделю, и никак не могли доесть.

Я почувствовал, что окончательно пришел в себя. Я шутливо сбросил Иришу с дивана на пол и свалился за ней следом сам. Мы ласкали друг друга, упиваясь внезапно нахлынувшей страстью. Мне показалось, что я снова теряю память и ориентацию в пространстве: в какое-то мгновение вместо Иришки пе-

редо мной возникла совершенно другая девушка. Ее лицо было мне знакомо, но я никак не мог вспомнить, кто это. Девушка была очень красива, но ее портили небольшие рожки, торчащие на темечке из-под коротко стриженных волос. В следующий миг видение пропало, и я обнаружил, что лежу на диване, запыхавшийся и счастливый. Тут же лежала Иришка и тихонько терлась щекой о мое плечо. Оказалось, что мы как-то умудрились разложить диван и даже постелить простыни. Я достал сигарету и закурил. Как обычно, Иришка потребовала, чтобы я дал ей затянуться, и в результате мы вдвоем прикончили несчастную сигарету за пару минут.

Я потянулся и прислушался к своим ощущениям.

– Все, теперь я в полном порядке, а главное – с полноценной памятью. Нечего нам здесь сидеть и киснуть, пойдем к морю!

И мы отправились к морю. Идти было недолго. Море показалось в конце улицы, и сразу приковало к себе внимание. Не отрывая от него взгляда, мы пересекли набережную, спустились на пляж. Подошли к самой воде и замерли, наслаждаясь удивительным зрелищем. Был закат. Солнце садилось в воду, и от него к нам протянулась широкая полоса расплавленного золота. Эта дорожка, казалось, была осязаемой и достаточно твердой, чтобы по ней можно было пройти.

Вероятно, Ире пришла в голову та же мысль, и она сказала мне:

– Давай пойдём по этой дорожке. Встанем на нее вдвоем и уйдем отсюда куда-нибудь далеко-далеко, где нас никто не найдет.

Я молча повернул ее к себе и крепко обнял:

– Не надо, – прошептал я. – У меня такое чувство, что я там уже был. Нет там ничего хорошего. Я вернулся к тебе по этой самой золотой дорожке, по солнечному лучу, чтобы жить здесь, с тобой, в этом мире. Плохой он или хороший, неважно. Главное, что в нем есть место для нас с тобой.

Мы повернулись спиной к закату и медленно пошли прочь от манящей дорожки, поднимаясь вверх в душный влажный город; в нашу маленькую уютную квартиру, возвращаясь к будничным, но таким важным и желанным делам и заботам...

Вместо эпилога

Примерно через месяц после описанных событий, я получил странную посылку без обратного адреса. В посылке оказалась книга неизвестного мне Сергея Еремина «Я вернулся с войны». В книгу была заложена фотография красивой, хорошо одетой молодой женщины с очаровательными близняшками лет трех, мальчиком и девочкой. Кроме этого, там лежала пожелтевшая от времени тетрадь, с выведенным каллиграфическим почерком заголовком: «Оригинальные кулинарные рецепты, собственность г-на Оливье».

Я так и не понял, кто и почему прислал мне эту посылку. Книга оказалась скучной и плохо написанной. Фотографию неизвестной дамы с детьми я спрятал как можно дальше, во избежание расспросов с Иришиной стороны. А вот тетрадочка г-на Оливье при-шлаась очень кстати. Блюда, приготовленные по тем рецептам, неизменно приводят в восторг моих гостей, людей сытых и избалованных.

Рецензия

*Сергей Удалин
писатель-фантаст
Санкт-Петербург*

Программисты спасут мир

рецензия на роман Евгения Якубовича

«Программист для Преисподней»

Представляя читателям новую книгу, обычно несколько слов говорят и об её авторе. Иногда это – не более чем дань традиции, поскольку известный писатель в рекомендациях не нуждается, порой – суровая необходимость, если речь идёт о дебютной книге начинающего литератора. В нашем случае – ни то и не другое.

Евгений Якубович – не новичок в литературе. Дебютировал в журнале Бориса Стругацкого «Полдень

XXI век» с рассказом «1985-й». С тех пор читатель имел возможность познакомиться с серьёзным фантастическим романом Евгения «Санитарный инспектор» и юмористическим «Кодексом джиннов», а также с его изящными рассказами, опубликованными в пяти странах: от России до Америки.

Однако намного полезнее будет ознакомиться не с библиографией, а с биографией автора. Не то чтобы без знания некоторых подробностей его жизни читатель не сможет разобраться в перипетиях романа. А, впрочем, не без того. Человеку, не проживавшему в советские времена в одной из республик Средней Азии, наверное, непросто понять, почему, например, Арик, один из героев книги, играл именно вторую скрипку в республиканском симфоническом оркестре. Но важнее всё-таки не в этом. Зная прошлое писателя, понимая, где и как формировались его характер, его мироощущение, его система ценностей, проще настроиться на авторскую волну, почувствовать атмосферу произведения.

Евгений Якубович родился в Ташкенте в 1958 году. Окончил математический факультет Ташкентского Государственного университета. По специальности – с тех пор и до настоящего времени – программист. В восьмидесятые годы увлекался авторской песней, был лауреатом Чимганского и Алма-Атинского фести-

валей. С 1996 года живёт в Израиле. Здесь же, с 2002 года, занялся литературным творчеством.

Вот, собственно, и всё, что он сам о себе рассказывает. Обычная, на первый взгляд, судьба эмигранта. На что здесь, спрашивается, можно настроиться?

Да хотя бы на то, что «Программист для Преисподней», при всей своей чертовщине, при всей фантастичности происходящего – книга абсолютна правдивая, автобиографическая. Всё здесь описанное автор действительно пережил. Может быть, в несколько иных внешних проявлениях. И не стоит даже пытаться подловить автора на фактической ошибке, незнании материала. Ну, а мистика? Так, прошу прощения, а где же ещё, как не в древнем Ершалаиме, встречаться с «той силой, что вечно хочет зла и вечно совершает благо»? И, конечно же, не может не внушать оптимизм авторская уверенность в том, что настоящий профессионал и в Аду без проблем устроится работать по специальности.

А если серьёзно, то одно лишь место рождения человека уже многое может о нём рассказать. Особенно, в сочетании с «пятой графой». Честно говоря, не могу в подробностях представить, каково это – у себя на родине быть дважды чужим. Мало того, что не узбек, так ещё и, мягко говоря, не совсем русский. Вероятно, и поэтому тоже в книге так отчётливо просле-

живается мотив дома. Дом, то есть, место, где тебе всегда тепло, уютно и спокойно, должен быть у каждого человека. Кому-то, чтобы почувствовать себя дома, необходим двухэтажный коттедж в горах. Кому-то – кабинет с письменным столом, подключённым к сети компьютером и пепельницей, которую нет нужны при каждом подозрительном шорохе прятать за занавеской на подоконнике. Кому-то дом способна заменить потрёпанная тетрабочка, в которой записаны его мысли и фантазии, или даже его невысказанная боль. А тот же Арик, тоже дважды чужой в своём родном городе, умудрился как-то приютить у себя и других бездомных.

И ещё важный момент. Автор, выросший в СССР, а ныне живущий в цивилизованной стране, остро чувствует всю несправедливость, бесчеловечность коммунистического режима. И сейчас, спустя столько лет, продолжает вести беспощадную войну с ним. Не случайно, Ад в представлении главного героя, так откровенно напоминает «совок». Даже если сам ты не сидишь в тюрьме, то всё равно обитаешь в загаженной общаге, а в тюрьму ежедневно приходишь работать. И велик соблазн поставить знак равенства между Союзом и Адом. Более того, герои книги согласны убежать от совковой действительности прямоком в Преисподнюю. Казалось бы, комментарии излишни.

Но книги Якубовича никогда не были и, уверен, никогда не будут настолько прямолинейны и незамысловаты. Ведь и Марина, и Сергей всё-таки попадают в Ад не по своему желанию, не из-за невозможности жить в Советском Союзе, а по несколько иным причинам. Сергей – чтобы спасти друзей от «ежовых рукавиц» госбезопасности, Марина – чтобы хоть изредка встречаться с любимым. И только главный герой, Александр, отправляется в Преисподнюю добровольно. Отправляется, напомню, из благополучного Израиля. Так что вовсе не в стране дело, а в людях. И воюет автор именно с режимом, а вовсе не с людьми. О советских людях – не обо всех, разумеется, но об очень и очень многих – он как раз пишет с большой теплотой. Потому что во всём этом ужасе, они, несмотря ни на что, умудрялись жить и радоваться жизни. Обсуждать новые книги, фильмы, спектакли. Петь умудрялись. И не только «Кипучую, могучую, никем непобедимую», даже совсем не её, а нормальные, человеческие, настоящие песни. И сами эти люди – тоже настоящие.

Потому и возвращается главный герой в прошлое, и помогает случайным, в общем-то, знакомым исправить роковой поворот судьбы. Потому и автор возвращается туда же в своём творчестве. Да, он ненавидит советские порядки, но не согласен зачеркивать из-

за этого значительную часть собственной жизни. Ведь было в ней и хорошее. Были звёзды в ночном небе в горах, были долгие беседы с друзьями. Много всего хорошего было. И человек не может, не должен отказываться от собственной памяти. Это ведь тоже измена самому себе.

Тут мы, правда, немного забегаем вперёд. Но буквально на полшага. Потому как вскоре выясняется, что в Ад героя загоняют не внешние обстоятельства, а он сам. Александр силой собственного воображения построил ту тюрьму, из которой теперь желает выбраться. И странная, на первый взгляд, теория автора о том, что наказания заслуживает лишь осознанный грех, не так уж на самом деле и абсурдна. Очень плохо, когда человек совершает преступление, или даже маленькую, незаметную подлость, не испытывая при этом угрызений совести. Но вдвое хуже, если он понимает низость своего поступка, но всё равно совершает его. Нет страшнее греха, чем отказ от собственных принципов, нет ужасней предательства, чем измена самому себе. И нет страшнее тюрьмы, чем та, в которую человек сам себя загоняет, живя с нелюбимым человеком, занимаясь нелюбимым делом, читая, Евламбий нас всех заberi, неинтересные ему книги.

Но ведь в любой тюрьме можно более или менее

сносно, по сравнению с остальными, устроиться. И многие из нас не хотят что-либо менять в своей жизни, опасаясь, не вышло бы ещё хуже. А герою книги потребовалось сошествие в Ад, чтобы решиться на такую перемену. Понадобилась магия, чтобы изменить себя, не изменяя себе. Следует отметить, что здесь автор немного лукавит, описывая механизм действия заклинаний. Самому ему помогают творить волшебство вовсе не отборные ругательства, как он пытается нас убедить, а искромётный, неожиданный, но всегда добрый юмор. Проявляющийся, помимо всего прочего, и в этом самом ложном магическом рецепте.

Что же касается рецепта спасения мира, то как раз его автор, видимо, в силу природной скромности, открыто нам не предлагает. Но догадаться не сложно. Хочешь сделать мир лучше – начни с себя. Стань счастливым сам и сделай счастливыми окружающих. Да, наверное, этой программе недостаёт глобальности, но осчастливить всё человечество недавно уже пытались, и всем известно, к чему это привело. Вероятно, в данный момент только индивидуальные средства очистки и могут завоевать доверие потребителя. Легко было Маленькому Принцу – проснулся, подмёл вокруг себя и сделал планету чистой. А у нас на Земле проживает огромное количество из людей, и далеко не все из них настолько любят чистоту, чтобы со-

вершать ради неё какие-то движения. Но прибраться в собственном доме, в собственной душе всё ж таки можно. В конце концов, а почему бы и не попробовать? Что мы, собственно говоря, теряем?

Рискну утверждать, что эта книга тоже относится к категории очищающих средств. Прочитавший её не может не сделаться чуть-чуть лучше. Вероятно, одна она цепной реакции не вызовет, но когда-нибудь число хороших книг перевалит за критическую массу, и...

